

Сандро, не плачь!

**Юлия Владимировна
Монакова**

Говорят, первая любовь не ржавеет и не забывается.

Их отношения были обречены на провал с самого начала: гордая грузинская красавица Кетеван и московский интеллигент Саша, студенты театрального училища. Разные, как "волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень".

Он - любил безусловно, на разрыв, не размениваясь по мелочам, взахлёб. Она - лишь снисходительно позволяла себя любить.

Их пути разошлись, но двадцать лет спустя первая любовь вдруг снова замаячила на горизонте Александра, успешного актёра и счастливо женатого человека.

Поддастся ли он искушению? Справится ли с нахлынувшими воспоминаниями? Избежит ли соблазна?..

Все персонажи и события этого романа вымышлены. Любое совпадение с реальностью - просто случайность, за которую автор ответственности не несёт.

- [Юлия МОНАКОВА](#)
-
-

Юлия МОНАКОВА

САНДРО, НЕ ПЛАЧЬ!

ПРОЛОГ

Этот сон до сих пор иногда приходил к нему.

Нет, уже давно не терзал сердце в ключья и не бередил душу - осторожно и вкрадчиво, как кот, ступал бархатными лапками по полу, садился в изголовье кровати, нежно гладил по волосам, чтобы не напугать, целовал в лоб, деликатно напоминая о себе... И отрезок жизни длиной в пару десятков лет точно стирали ластиком.

Вновь наступал май девяносто седьмого. Он опять был влюблённым до безумия молокососом, получившим записку, и снова мчался на Казанский вокзал, чтобы успеть попрощаться с той, жизнь без которой на полном серьёзе казалась тогда невысказанной. Теряя рассудок от отчаяния, он летел на собственную казнь - и не мог остановиться. До смерти боялся отпустить её без последнего "прости"...

Во сне он видел, слышал и ощущал всё так, будто это происходило буквально вчера: и панический страх опоздать, и характерный запах шпал, пропитанных креозотом, и гудки прибывающих поездов, и безликая равнодушная толпа, толкающая его плечами и локтями, пока он лихорадочным взглядом выискивал на перроне единственное нужное и важное для него в целом мире лицо.

- Кети! - закричал он, заметив у вагона знакомый стройный силуэт и гриву чёрных волос, вольно рассыпавшуюся по спине. Девушка порывисто обернулась и расцвела улыбкой. Глаза у неё были совершенно шальные от счастья. Вот же ирония судьбы: он оставался здесь подышать без неё - а она была дико, возмутительно счастлива...

- Сандро! - воскликнула Кетеван и тут же обвила его гибкими, как лианы, руками, прижалась изо всех сил. - Господи, как же хорошо, что ты пришёл... Я так ждала! Как я тебе рада! Я бы с ума сошла, если бы не удалось с тобой проститься, честное слово...

- А как же я? - глухо выговорил он, уткнувшись лицом куда-то ей в волосы и вдыхая их тонкий, любимый, ни с чем не сравнимый аромат. - Ты вот так уедешь и... - он что-то жалко мямлил и заикался, ни в силах подобрать нужных, ёмких и понятных слов. Ему сейчас просто хотелось схватить её за плечи, потрясти от души, чтобы выбить из головы эту дурь, и заорать на весь вокзал: "*Не смей меня бросать, слышишь?!"*

Она отстранилась, чуть-чуть нахмурилась, тревожным быстрым движением провела ладонью по его щеке... словно нашкодившего котёнка приласкала. Ей, конечно же, не понравился его настрой. Сердце Кетеван в данный момент ликовало, и она не желала сейчас выпускать в него неприятное, липкое, давящее чувство вины.

- Разве ты не хочешь, чтобы у меня всё было хорошо? - тихо спросила она. - Ты что, не рад за меня?

Вопрос был провокационным, и они оба знали это. Как знали и то, что на него возможен один-единственный правильный ответ.

- Я... рад, рад, Кети, - сбивчиво бормотал он, хватая её за руки, уже смиряясь с неизбежным и пытаясь запомнить, навсегда запечатлеть в памяти это тонкое красивое лицо, эти изумлённо распахнутые глаза, словно до сих пор не верящие в реальность происходящего. Одного взгляда на Кетеван было достаточно, чтобы понять - никакая это не

блажь. У неё всё по-настоящему, всё всерьёз...

- Ты правда не сердись? - проверила она, переводя дыхание. Что и говорить, уезжать из Москвы с таким грузом на сердце ей было бы неудобно.

- Я тебя люблю, - выдохнул он безнадежно. - Кети, я тебя люблю и всегда буду любить! - занятно, но тогда он и в самом деле верил в то, что говорил - всем сердцем...

Она потянулась к нему, нашла его губы своими - алыми, влажными, требовательно-бесстыжими, и он задохнулся, едва устояв на подкашивающих ногах, он чуть не умер на этом самом месте, а она жадно *пила* его, целовала так горячо и отчаянно, словно это был её прощальный подарок напоследок.

- Не плачь, Сандро, - отстранившись и тяжело дыша, она всматривалась в его ошалевшее, потерянное, потрясённое лицо. Он хотел было возразить: "Я не плачу", когда вдруг почувствовал, что щекам стало горячо и мокро. Глаза невыносимо жгло.

- Не плачь, - повторила она, мягкими и плавными движениями узких ладоней стирая влажные дорожки с его лица. - Ну что ты, глупый... Милый мой, славный Сандро... Я тебя никогда не забуду. Слышишь? Никогда!

Май 2019 года, Москва

Обычно каждое пробуждение сопровождалось ощущением давящей тоски в сердце. Требовалось время, чтобы восстановить сбившееся дыхание, вынырнуть на поверхность сна и осознать, что всё, увиденное там, - давно в прошлом. Спустя несколько минут высасывающая душу смутная печаль начинала слабеть и постепенно рассеивалась.

Но на этот раз он, видимо, слишком уж разволновался или сделал какое-то неловкое движение - Галинка тоже проснулась.

- Что случилось? - спросила она встревоженным голосом, приподнимаясь. - Тебе плохо?

- Спи, - Белецкий ласково прикоснулся к её плечу, успокаивая. - Просто кошмар приснился. Извини, что разбудил.

- Ничего себе "кошмар", - она села на постели и зябко поёжилась. - Ты как-то вскрикнул жутко... Я сама испугалась. Что тебе снилось?

- Как будто стою у доски на уроке химии, а в голове - пустота, - он попробовал отшутиться. - В школе у меня всегда были проблемы с таблицей Менделеева, знаешь ли...

- Ну вот зачем ты мне врешь сейчас? - Галинка обхватила руками согнутые колени и взглянула на мужа укоризненно. - Я же серьезно спрашиваю. Саша, ты настолько мне не доверяешь?

В её надломленном голосе он смутно уловил тревожное, невысказанное... то, чем она никогда не делилась с ним вслух, но он всегда чувствовал этот её тщательно подавляемый страх. Что и говорить, выйдя замуж за знаменитого на всю страну артиста с многотысячной армией поклонниц, который, к тому же, был намного старше её, простая крымская девчонка Галя Тесленко обрекла себя на весьма и весьма непростую жизнь. Да, она любила его до беспамятства и ни секунды не жалела о своём выборе, даже в моменты редких ссор - за это Белецкий мог ручаться. И всё же он понимал, как ненавистна ей втайне его сумасшедшая популярность, как она беспокоится о его самочувствии и душевном покое, как - практически по-матерински - стремится оберечь и защитить мужа.

- Что ты... - виновато выдохнул он и тут же притянул её к себе, прижал к груди. - Прости, маленькая моя. Просто не хотел тебя беспокоить понапрасну. Ну, знаешь, какие

кошмары бывают - и не опишешь толком, а просыпаешься и ещё некоторое время не можешь прийти в себя...

Галинка обмякла в его объятиях, оттаяла, обняла в ответ.

- У тебя... всё нормально? - нерешительно спросила она, уткнувшись носом ему в плечо.
- Ты какой-то взвинченный в последнее время. Будто чужой. И напряжённый, аж искришь. Или это перед премьерой?

Через несколько дней Белецкому предстояло дебютировать в спектакле "Анна плюс Алексей", посвящённом драме семьи Карениных. Классическая история, описанная Львом Толстым, на сцене должна была заиграть новыми красками, поскольку главным действующим лицом в спектакле являлась вовсе не неверная жена Анна, а её опозоренный муж - Алексей Каренин. Его-то роль и исполнял Белецкий, прикладывая все усилия к тому, чтобы перетянуть симпатии публики на свою сторону, заставить зрителей взглянуть на проблему с точки зрения своего героя и вызвать к нему искреннее сочувствие.

- Всё хорошо, Галюша, - он легонько поцеловал жену в макушку. Её волосы, как всегда, пахли солнцем, морем и степными травами, словно пропитались этими ароматами с самого рождения. Удивительно, но запах не исчезал даже тогда, когда Галинка находилась вдали от родного Крыма... Он отстранился и некоторое время всматривался вблизи в её лицо - доверчиво распахнутые глаза, чуть приоткрытые розовые губы...

- Что? - смутилась Галинка.

- Да ничего, - он подцепил пальцем тонкую бретельку её ночной сорочки и спустил с плеча, а затем нежно провёл ладонью по смуглой шелковистой коже. - Любуюсь своей женой-красавицей. Это ведь не запрещено?

- Вообще-то нет, но ты нарочно тему переводишь? - уличила его она и снова, поддавшись внутреннему порыву, качнулась вперёд, чтобы обнять мужа. - Я волнуюсь, Саша, - призналась Галинка нерешительно, поглаживая его по обнажённой спине. - За тебя и твоё здоровье.

- Я здоров, как бык! - в притворном гневе возмутился Белецкий, опрокидывая жену на простыню и подминая под себя. В его глазах цвета моря отплясывали джигу столь любимые Галинкой хулиганистые чёртики. - Доказать?

- А вот докажи, - подначивая, она лукаво стрельнула в него взглядом и, дурачась, высунула язык, а затем многозначительно добавила:

- Только тебе придётся о-о-очень хорошо постараться, чтобы я поверила...

- Не сомневайся, я о-о-очень хорошо постараюсь, - передразнил он её. - Только потом не жалуйся!

И уже через мгновение она и думать забыла обо всех своих подозрениях и страхах...

Час спустя, когда разнеженная его поцелуями и счастливая Галинка снова заснула, Белецкий спустился в кухню и долго сидел за пустым столом, пытаясь справиться с волнением. Неясная, смутная тревога не отпустила его даже после секса. Если бы он сталкивался с подобным раньше, если бы верил во всю эту паранормальную чушь, то, наверное, назвал бы это предчувствием. Он ощущал неприятный холодок в груди и никак не мог успокоиться, словно подсознательно ждал дурных вестей или событий. Ужасно хотелось закурить, но сигарет в доме не водилось - он распрощался с этой привычкой несколько лет назад.

За окнами медленно занимался вялый рассвет. Наверное, следовало вернуться в

спальню, к Галинке под бочок, и доспать хотя бы ещё немного... у него сегодня утренняя репетиция, надо быть активным и бодрым. Однако он знал, чувствовал, что не сможет заснуть. Сна не было ни в одном глазу. Мыслями Белецкий всё возвращался и возвращался к тому проклятому сновидению...

Наконец, не выдержав, он встал, прошёл в гостиную и отыскал где-то под кипой глянцевого журналов свой старый студенческий фотоальбом. Потрёпанный, с разлетающимися выпадающими страницами, с захватанной обложкой... Белецкий не любил фотографироваться для себя и, тем более, распечатывать затем фотографии - с тех самых пор, как сделался известным актёром. Слишком уж много стало в его жизни назойливых фотовспышек от настырных папарацци и восторженных фанаточек с просьбой попозировать с ними вместе. Вот и получалось, что, кроме студенческих снимков, Белецкий не хранил в доме больше никаких фотографий. Жена, правда, распечатала несколько свадебных фоток и повесила в рамках на стене - он не смог отказать ей в этом милом пустяке. А в остальном... он вовсе не желал лишней раз любоваться своей, пусть даже красивой, физиономией, на которую буквально молилось большинство женщин страны. Позирование давно стало просто работой. Рутиной. Частью профессии...

Белецкий присел на диван и некоторое время задумчиво сжимал альбом ладонями, словно не решаясь открыть его. Открыть - значит, впустить в душу призраки давно минувших лет, чтобы они вновь бесцеремонно завладели его сознанием... Было страшновато, чего лукавить.

Наконец, сделав глубокий вдох, Белецкий распахнул альбом наугад, где-то на середине, и сразу же упёрся взглядом в групповое фото выпуска девятисто седьмого года - разумеется, вместе с их Мастером, Рубеном Константиновичем Самойловым. С жадной ностальгией вглядываясь в лица бывших однокурсников-"самойловцев", Белецкий с горечью понимал, что многих он давно потерял из вида и понятия не имеет, что с ними стало, где они сейчас и как... да и живы ли, в принципе.

Интересно, как там Жорка?.. Гогия, называла его Кети, хотя именно на Гогию этот красавец походил меньше всего на свете: косая сажень в плечах, светлые буйные кудри, румянец во всю щёку - прямо-таки былинный русский богатырь, если бы не длиннющие, загибающиеся кверху ресницы, придающие всему его мужественному облику неожиданную трепетность и даже застенчивость.

А вот Анжелка Климова, его первая жена... "Отечественная Мэрилин Монро", как любовно и шутя прозвали её в Щуке. О том, как поживает и как выглядит бывшая супруга сейчас, Белецкий как раз имел представление, поскольку им волей-неволей приходилось общаться друг с другом - как минимум, ради дочери. Где теперь всё это - и выразительные скулы, и длинная беззащитная шея, и тонюсенькая талия, и юный задор, и свежая девичья прелесть, которыми она пленила всех во время поступления?.. И след простыл.

Кети не было на групповом фото. К тому моменту она уже бросила институт и навсегда уехала из Москвы. Мастера чуть не хватил инфаркт: одна из лучших студенток, потрясающе талантливая и всесторонне одарённая девочка сбежала за месяц до диплома, пустив все минувшие годы учёбы коту под хвост... Ох и скандал тогда разгорелся!..

Белецкий принялся неторопливо перелистывать страницы. К счастью, на других снимках Кети засветилась предостаточно. Имелись даже их совместные фотографии. Вот, к примеру, экзамен по танцу... Танго, второй курс. Их часто ставили в пару, уж очень эффектно они смотрелись вместе: оба яркие, красивые, стройные и пластичные, в их

хореографических номерах поразительным образом переплетались страсть и нежность. Они не просто танцевали, а *играли* свои совместные танцы - столько в них было выразительности. Многие ошибочно принимали их за влюблённых, но - вот удивительно! - часто выступая в паре на сцене, они не были парой в реальной жизни, к его величайшей досаде и горечи.

А вот фото со студенческого спектакля, который они ставили на третьем курсе - "Боковая возле туалета". Сколько шума тогда наделала эта постановка! Самойловцы показывали срез целого общества через судьбы разных людей, волей-неволей оказавшихся вместе в плацкартном вагоне поезда "Владивосток - Москва". Герои - пассажиры разного возраста и положения, ситуации - узнаваемые и жизненные, типажи - подсмотренные, разговоры - подслушанные ребятами в собственных путешествиях по железным дорогам России (господи, да большая часть их курса приехала в Москву откуда-то из провинции!)... На фото с финального поклона Белецкий стоял возле Кети, крепко сжимая её пальчики, словно боялся, что она вот-вот сорвётся с места и упорхнёт. Какие они все были счастливые тогда!.. Как верили в то, что способны свернуть горы!..

Россыпь "полароидных" фотографий - это уже не учёба, а праздники. Их знаменитые студенческие пьянки-гулянки в общаге на Полежаевской (до Шуки добираться ровно двадцать две минуты). И хотя Белецкий - коренной москвич - жил в квартире с родителями, актёрское общежитие на те четыре года стало практически родным и для него тоже.

Кети в жёлтом платье. Том самом ярко-жёлтом платье - его любимом... Когда она его надевала, он просто с ума сходил. В этом платье её умопомрачительные стройные ноги казались ещё длиннее. Блестящие от алкоголя и безудержного веселья глаза, смеющиеся пухлые губы - мечта любого эротомана, породистый нос...

А вот Кети с ним в обнимку на каком-то очередном застолье. Немудрёная закуска на столе: солёные огурцы и квашеная капуста, кабачковая икра... Графин с детским напитком "Yupi" - для запивки алкоголя, конечно же, *они же уже взрослые*. Господи, какие же это были голодные и восхитительные годы!

...Белецкий листал альбом до семи утра. Ровно в семь, будто по будильнику, завибрировал его мобильный, предусмотрительно переведённый в беззвучный режим.

Определившийся номер был ему незнаком, однако, услышав в трубке хрипловатый и низкий женский голос, он даже не удивился. Словно *знал* это заранее.

- Здравствуй, Сандро, - волнуясь, произнесла собеседница. - Это Кетеван.

ЧАСТЬ 1

*Мне двадцать лет. Я вышел на балкон,
Из мягкой пачки выбил сигарету.
Тогда впервые я смотрел на эту
Невиданную перспективу света,
И взгляд был выше облетевших крон...*

Даниил Страхов

Июль 1993 года, Москва

Дикие вопли, пронзительные крики, гомерический хохот, искренние слёзы, реальные истерики, безумные прыжки, крепкие объятия, смазанные поцелуи и сумбурные поздравления... Со стороны их компанию можно было принять за группу психов, сбежавших из дурдома. На деле же всё объяснялось гораздо проще: сегодня стало известно, что они *поступили!* Невозможно было поверить в то, что отныне они - студенты Щукинского театрального училища... И хотя преподаватели уже выдали им список литературы на лето и попрощались до сентября, никто до сих пор толком не осознавал, что всё происходящее - реально, что это не шутка и не розыгрыш.

Ещё вчера казалось, что поступление - это самое трудное и, пожалуй, самое страшное, что только случалось с ними в жизни. Ни за что на свете они не согласились бы пережить все эти эмоции заново, с нуля. Будущие артисты находились буквально на пределе своих моральных сил и физических возможностей. А вот теперь, после объявления результатов, у них словно выросли крылья и открылось второе дыхание. Каждый был искренне уверен в том, что наиболее сложное испытание на дороге к славе осталось позади, и теперь их ждут только фанфары, красные ковровые дорожки, бешеная популярность и, само собой, многочисленные награды и звания - от "заслуженных" до "народных".

- Это дело надо отметить! - могучим басом загредел Жорка Иванов, здоровяк из Брянска, этакий симпатичный косматый медведь. - Давайте куда-нибудь в кафе завалимся, а? - и выразительно стрельнул глазами в хорошенькую блондинку Анжелу Климову, задержавшись взглядом сначала на её пухлых губках, а затем - на трогательных округлых коленочках, выглядывающих из-под тесноватой в бёдрах юбки.

Большая часть ребят отказалась - они торопились домой, чтобы поскорее обрадовать родных и близких чудесной новостью о поступлении. Оставшиеся же приняли предложение с энтузиазмом. Нужно было только решить, где.

Жорка повернулся в сторону столичных товарищей, и, прежде чем обратиться к ним с вопросом, снисходительно прищурился: мол, видали мы вас, таких деловых, нос-то сильно не задирайте.

- Эй, москвичи! - с нарочитой небрежностью произнёс он. - Где тут у вас посидеть можно? Только чтобы не слишком дорого...

Белецкий добросовестно задумался.

- Можно смотаться в кинотеатр "Россия" на Пушкинской... - начал было он, но Жорка вытаращил глаза в ответ на такое нелепое предложение.

- Кино смотреть, что ли?! Саня, брось, мы же не первоклашки. Нам бы чего-нибудь выпить... и закусить. По-взрослому!

- Так я это и имел в виду, - поспешил пояснить Белецкий, чувствуя себя по-идиотски - наверное, все приняли его за такого домашнего тихоню, мальчика-паиньку. - Часть помещения кинотеатра сдаётся в аренду. На задворках есть кафе для "своих". У меня там знакомый бармен работает, он нас пропустит. Будет тебе и ванна, будет и кофа, будет и какава с чаем... в смысле, и выпить, и закусить найдётся.

- А вот это дело, - Жорка взглянул на новоприобретённого приятеля с уважением и одобрительно хлопнул его по плечу. - Значит, валим на Пушкинскую! Все согласны?

И вот тут раздался голос - хрипловатый, негромкий, но его услышали все. Была в нём какая-то завораживающая сила. Почти магия.

- Ребята, а давайте лучше ко мне? Я с тётей живу, но она только рада будет. Ведь такой

повод!.. И выпивка, и угощение найдётся. Сейчас только ей позвоню, предупрежу.

Это произнесла Кетеван Нижарадзе. Белецкий не особо обращал на неё внимание на прослушиваниях и экзаменах, поскольку в большей степени был поглощён собственными успехами. Теперь же он взглянул на девушку с интересом. Невысокая, но очень ладненькая, длинноногая, носатенькая... Водопад дивных чёрных волос - вот что по-настоящему в ней привлекало. А ещё - грация дикой лани. Нельзя было сказать, что Кетеван писаная красавица, и в то же время было в ней что-то манящее, притягивающее взгляд.

Будущие артисты переглянулись. В том, чтобы отметить поступление не в кафе, а в гостях, были как свои преимущества, так и недостатки.

В финансовом плане это, несомненно, жирный плюс. Большинство из них - приезжие, в общагу пока не заселились, поэтому в столице жёстко экономили и не шикавали. А тут их обещают напоить и даже накормить на халяву! К тому же, если вечеринка затянется, могут и ночевать оставить... наверное... ну не станут же выгонять бедных, пьяных, счастливых первокурсников в ночь холодную, особенно если метро уже будет закрыто.

А вот минусы... Когда ты находишься в чужом доме, оторваться и расслабиться на полную катушку вряд ли получится. Тем более, имеется ещё некая тётя... При ней, поди, и слова лишнего не скажешь. И не покурить, и не пообжиматься с симпатичной девчонкой, если вдруг возникнет такое желание (при мысли об этом Жорка снова искоса взглянул на Анжелу - её аппетитные колени не давали ему покоя).

- У меня мировая тётя, - словно разгадав причину колебаний, с улыбкой утешила Кетеван. - Очень прогрессивная. Она нам не мешает, честное слово!

- Ну, хорошо, - сдался Жорка, выражая всеобщее мнение. - Иди звони своей тёте, - он кивнул в сторону телефона-автомата, - и дружно дуем к тебе!

- Мне тоже домой позвонить надо, - спохватился и Белецкий. - Предупрежу своих, что задержусь.

К будке таксофона они подошли вдвоём.

- Чёрт, - Кетеван лихорадочно обшаривала свою сумочку, - ведь точно была уверена, что у меня где-то жетон заваялся... Неужели посеяла?

Белецкий пошарил в карманах и протянул ей горсть жетонов.

- Ой, спасибо... - растерялась девушка, смущённо заправляя прядь волос за ухо. - Но зачем же так много? И себе тоже оставь, - улыбнувшись, она вскинула на него глаза, обрамлённые чернящими густыми ресницами, и у Белецкого вдруг сладко ухнуло сердце в груди.

Чтобы не мешать разговору Кетеван с тётушкой, он деликатно отошёл на несколько шагов в сторону, поэтому появление парня в ярко-зелёном спортивном костюме заметил не сразу. Тот же нетерпеливо топтался возле таксофона, испепелея разговаривающую девушку взглядом, а затем, не выдержав, громко рявкнул, полагая, что она одна:

- Эй, черножопая, долго ещё трепаться будешь? Другим тоже телефон нужен...

Белецкий и сам не понял, как оказался рядом. Как схватил обидчика за плечо и рывком развернул к себе. Он не любил драться, да и не особо преуспевал в этом, но отчим всегда учил его: нападать нужно первым, не давая противнику опомниться. Не ждать, когда сам схлопочешь по роже.

- А ну, извинись перед девушкой сейчас же, скотина, - негромко, но внятно произнёс он. Тот округлил глаза в искреннем изумлении.

- Чего-о-о?... Да пошёл ты, - и сбросил его руку, как будто назойливую букашку стряхнул.

- Я сказал, извинись, - Белецкий схватил его за ворот спортивного костюма и подтянул к себе.

- Что тут у вас происходит? - завидев суету возле автомата, к ним уже спешил Жорка. - Какие-то проблемы, Саня? А может, надо кому-то по шее накостылять? - добавил он грозно, немного, впрочем, утрируя, но эффект это возымело моментально. Завидев внушительную фигуру Иванова, грубиян явно струхнул. Он был вовсе не таким уж смелым и безбашенным, каким хотел казаться.

- Ну чего вы, ребята, - он выдавил из себя примирительную улыбку. - Зачем сразу "по шее", да ещё и двое на одного... Давайте как-то по-хорошему решим. Я не хотел...

- Извинись, - повторил Белецкий тоном, в котором звенела сталь. - А не то я твой поганый язык оторву и тебя же сожрать его заставлю.

Парень перевёл взгляд на притихшую с телефонной трубкой в руках Кетеван – не то, чтобы испуганную, но заметно взволнованную - и нехотя, явно преодолевая себя, буркнул:

- Прости, пожалуйста... сестрёнка. Глупость ляпнул. Не подумал. Больше такого не повторится, клянусь!

У Кетеван дёрнулась бровь. Девушка брезгливо искривила губы и повелевающим, поистине царским, жестом отпустила придурка на все четыре стороны. Тот поспешил ретироваться, начисто забыв о том, что ему тоже нужно было куда-то звонить.

Лицо Кетеван моментально поменяло выражение с презрительного на благодарно-сияющее.

- Сандро, Гогия!.. Спасибо вам, мальчики. Вы настоящие рыцари, - девушка одарила своих спасителей широкой белозубой улыбкой, и Белецкий вдруг понял, что самым идиотским образом ревнует к Жорке. "Тоже мне - рыцарь печального образа..." - подумал он, с обидой косясь на богатырскую фигуру Иванова и его румяную, пышущую здоровьем физиономию. Белецкому внезапно захотелось, чтобы все ласковые слова, комплименты и улыбки эта гордая грузинка адресовывала только ему одному...

Тётя Кетеван оказалась чудесной гостеприимной женщиной дивной красоты и изящества. Юной племяннице далеко было до изумительной грации собственной тётки, до её величавой стати.

Это была грузинка лет сорока - с чуть удлинённым лицом, смуглой гладкой кожей и удивительными - на контрасте со смоляными волосами - светло-голубыми, почти бирюзовыми глазами, точно омытыми утренней росой. Небо смотрело изнутри этих необычных глаз, заглядывая прямо в душу собеседнику.

Тётя Нателла служила костюмером в Большом театре, одевала солисток и близко знала всех звёзд российской оперы и балета. Она была вдовой - муж Нодар скончался год назад. Детей у супругов не случилось, поэтому всю свою нежность, сердечное тепло и ласку тётушка обрушила на любимую племянницу Кетеван - Кети, дочь младшей сестры Теоны. Кетеван платила тётушке той же монетой и обожала её не менее сильно и искренне, чем родную мать.

Оказалось, что покойный муж Нателлы был художником. В квартире повсюду висели его картины - в основном пейзажи и портреты. Перед одной работой Белецкий так и замер, потрясённый её красотой и при этом простотой. Картина изображала трёх женщин - одну даму средних лет и двух молоденьких девушек, в одной из которых по небесно-голубым

глазам с лёгкостью угадывалась хозяйка квартиры, правда, куда более юная, чем сейчас.

- Это моя бабушка Тинатин с дочерьми. Вот тётя Нателла, а вот мама... - пояснила Кетеван. - Дядя Нодар написал этот портрет, ещё когда был тётиным женихом.

- А где твои родители? - осторожно поинтересовался Белецкий у Кетеван. Та неопределённо и - ему показалось, как-то обиженно - передёрнула плечами.

- Остались в Грузии... не захотели уезжать. А меня отправили к тёте - подальше от войны*, чтобы я смогла спокойно доучиться в школе, а затем получить высшее образование. Была, впрочем, ещё причина, почему они устроили мне эту ссылку... - Кетеван закусил губу, но, словно внезапно пожалев о нечаянной откровенности, вдруг быстро оборвала фразу. - Хотя... это неважно. Они там, а я здесь. И в целом, мне живётся с тетёй очень даже неплохо.

- У тебя мировая тётя! - подтвердил Жорка, подлетевший к ним и ухвативший краем уха последнюю фразу. - Между прочим, велела пригласить вас к столу, - он приобнял обоих однокурсников за плечи. - Чего вы тут застряли? Вино стынет...

**Кетеван имеет в виду конфликт на территории Абхазии между абхазскими и грузинскими вооружёнными силами в 1992 - 1993 гг.*

Это было немного странное по составу участников, но удивительно ладное по атмосфере застолье, душой которого являлась, несомненно, хозяйка квартиры. Для всех она тут же стала "тётёй Нателлой". Парни чувствовали, что будь эта красавица-грузинка чуть помоложе, они обязательно влюбились бы в неё без оглядки; девушки тайком запоминали её манеру держаться, копировали жесты, осанку и мимику - какой-нибудь особо выразительный взмах бровей, взгляд из-под густых ресниц... А уж как тётя Нателла кулинаруила!

Несмотря на то, что угощение было приготовлено практически спонтанно, буквально из того, что имелось под рукой и в холодильнике, из недорогих и доступных продуктов, все блюда получились - пальчики оближешь! Баклажанные рулетки с грецкими орехами, зеленью и майонезом... Кучмачи - жареные с луком куриные печень, сердечки и желудки с добавлением пряностей, красного вина и гранатовых зёрнышек... Кстати, о вине - тётя Нателла делала его сама, из грузинского винограда, который привозили или пересылали ей с оказией родственники, и оно было необыкновенно вкусным, нежным и пьянящим.

Поначалу ребята ещё скромничали, стеснялись налетать на стол, как саранча, но хозяйка так искренне расстраивалась отсутствию у них аппетита, что мало-помалу все уступили её хлебосольству и принялись уминать угощение так, что за ушами трещало. Даже когда все наелись и откинулись на спинки стульев, тётя Нателла время от времени уговаривала их всех съесть «ещё хоть ма-а-аленький кусочек», и отказать ей было решительно невозможно.

- А правда, что в вашем языке есть такое понятие - "шемомечама"? - вспомнил вдруг Жорка. - Мне знакомый грузин рассказывал... Может, врал?

- Правда, - улыбаясь и подкладывая на тарелку Анжелы Климовой очередной баклажанный рулетик, подтвердила хозяйка.

- А что оно означает? - заинтересовались остальные. Кетеван хихикнула и перевела:

- Что-то вроде "не хотел, но случайно съел".

Все весело захохотали.

- По-моему, это прекрасное слово! - заявил Жорка и сам с удовольствием положил себе добавки. - Ой... кажется, я того... шемомечама!

До самого позднего вечера за столом наперебой звучали тосты, один другого краше - не хуже настоящих грузинских, звенел молодой залиvistый смех, затем тётя Нателла догадалась включить музыку... Она и сама словно стала восемнадцатилетней в компании друзей Кетеван - весело шутила, хохотала, слегка кокетничала и даже согласилась потанцевать с неповоротливым увальнем Жоркой, когда он галантно её пригласил. Правда, этот неуклюжий медведь нечаянно задел фарфоровую тарелку из драгоценного сервиза "Мадонна", и та, рухнув со стола на пол, тут же разбилась вдребезги. Этот легендарный столовый сервиз был предметом культа всех домохозяек старшего поколения: он хранился как зеница ока в мебельной стенке или в серванте за стеклом, на самом видном месте. Главной особенностью сервиза были позолота и изящная роспись, изображающая пасторальные сцены с томными пышнотелыми красавицами в струящихся одеждах. Когда Жорка грохнул тарелку, все даже зажмурились от ужаса, ожидая заслуженной бури, которую тётя Нателла должна была обрушить на его голову. Парень и сам струхнул - неловко наклонившись, чтобы собрать осколки, он сокрушённо пробормотал, заливаясь краской:

- Я всё возьму... Или, хотите, привезу вам такой же сервиз из Брянска? У нас от бабушки остался похожий... и почти целый...

Тётя Нателла лишь махнула рукой:

- Оставь, Гогия! Вещи должны служить человеку, а не человек - вещам.

И неловкая ситуация тут же была забыта.

В разгар вечеринки Белецкий вышел на балкон, чтобы покурить. Кетеван незаметно выскользнула за ним.

- Дай затянуться разок, пока тётя не видит, - попросила она. Он послушно протянул ей уже зажжённую сигарету, хотя вообще-то ему не нравилось, когда девчонки курили. Однако всё, что делала Кетеван, априори казалось ему прекрасным и грациозным.

Девушка сделала несколько торопливых жадных затяжек, а затем с явной неохотой вернула ему сигарету, на кончике которой остался отпечаток её помады. Белецкий смутился так, как будто они поцеловались. Кетеван действовала на него гипнотически - в её присутствии он совершенно терял голову, не отдавал себе отчёта в том, что происходит вокруг, и видел только её глубокие тёмные глаза и призывно распахнутые губы. То ли домашнее вино так действовало, то ли его и вправду накрыло самым настоящим чувством... Сложно было судить, Белецкий ещё никогда не любил и даже не влюблялся по-настоящему. Он знал только то, что ничего подобного раньше не испытывал. Это было и сладко, и страшно одновременно...

Сейчас он огромным усилием воли заставил себя отвести зачарованный взгляд от двух верхних пуговиц на её блузке, расстёгнутых так зазывно, что можно было увидеть заветную ложбинку между... нет, в ту сторону лучше было вообще не смотреть, иначе он за себя не ручался. Но даже когда он не пялился ей в зону декольте, всё равно невозможно было избавиться от наваждения: они стояли совсем рядом на этом узком балкончике, практически прижавшись друг к другу, и от Кетеван так чудесно пахло, а её рука, нечаянно коснувшаяся его руки, была такой горячей...

- Почему твоя тётя так рада нашему визиту? - чтобы сменить тему, поинтересовался Белецкий. - Казалось бы, прорва голодных студентов - сомнительный повод для ликования...

У вас что, редко бывают гости?

- За исключением периодических наездов родственников из Тбилиси - вообще никого, - грустно отозвалась Кетеван. - Тётя обычно целыми днями пропадает на работе, ей некогда заводить дружеские связи или, упаси боже, любовные интрижки. А я в Москве всего год, у меня ещё не завелось настоящих друзей и подруг. За себя-то тётя не особо волнуется, ей общения и в театре хватает выше крыши... а вот за меня переживает.

- Почему?

- Говорит, что мне надо общаться со сверстниками и не затворничать. Глупо в семнадцать лет сидеть дома. В местной школе отношения с одноклассниками у меня как-то не сложились... Так что теперь все тётины надежды - на однокурсников, - Кетеван улыбнулась и уже сама, без спроса, вытащила сигарету из его рта и сделала очередную затяжку.

- Ты ей, кстати, понравился, - вскользь заметила она, выпуская дым. - Она успела шепнуть мне на кухне, какие у тебя благородные манеры и какое интересное аристократическое лицо. Тётя моя, знаешь ли, очень ценит... как бы правильнее выразиться... *породу* в людях.

- А тебе? - вдруг спросил он, невольно краснея. - Тебе я не понравился?

Кетеван промолчала, отвела взгляд и с преувеличенным вниманием принялась рассматривать верхушки тополей, растущих во дворе.

- Сандро, давай расставим все точки, - нехотя сказала наконец она. - Ты классный парень, видный, даже красивый... и добрый. Но у нас с тобой ничего не получится.

Его будто холодной водой окатили. Он, конечно, не ждал мгновенного согласия, но вот так - в лоб, категорично, без права на надежду...

- И прямо-таки бесповоротно, ни единого шанса? - попытался пошутить он. - Это потому, что я не грузин?

- Не в этом дело, - она устало прижала ладони к вискам, потёрла их, морщась, точно от головной боли. - Не собиралась тебе говорить, но, раз уж без этого не обойтись... В общем, я люблю другого человека. Только и всего.

Как просто. И как больно...

- Он москвич? - глухо спросил Белецкий, забирая тлеющую сигарету из её пальцев.

- Нет, - коротко отозвалась она, - дагестанец. И - само собой, разумеется - моя семья категорически против наших отношений. Да и его тоже... - она недобро прищурилась. - Но это абсолютно ничего не меняет. Я люблю Аслана и буду любить до самой смерти.

Белецкого поразили страсть и уверенность, прозвучавшие в её голосе, а также обожгла, будто плетью, зависть к неведомому Аслану... Зависть, смешанная с лютой ревностью.

Кетеван перевела взгляд на него и улыбнулась - ласково и сочувствующе, как младшему брату.

- Но, даже если бы я была свободна... я ни за что не влюбилась бы в тебя, извини, - заявила она.

Ну просто вечер неприятных откровений!

- Я что, так ужасен? - выдавил он через силу, пытаясь улыбнуться в ответ.

- Знаешь, у нас в Грузии есть такое слово - швило. Означает "ребёнок". Вот ты для меня - именно швило. Не обижайся, но это в самом деле так. Ты какой-то... наивный, что ли. Доверчивый. И судя по всему, неопытный, несмотря на яркую внешность. Я не права?

Белецкий снова покраснел, готовый умереть со стыда. Неужели это и в самом деле так

очевидно? Ну, положим, он хотя бы не девственник, что было бы совсем уж позорно. Но тот единственный раз на выпускном едва ли прибавил ему уверенности в себе и хоть чему-то научил. Малоознакомая девчонка из параллельного класса затащила его в школьный туалет и, обдавая запахом табака и алкоголя, сама впиалась в губы парня алчным поцелуем, одновременно нащупывая пуговицу у него на брюках... Он тогда проявил себя не лучшим образом - банально растерялся. Секс получился невнятным, торопливым, неловким и очень быстро закончившимся. Девчонка обидно высмеяла его и убежала, а он долго сидел в туалете на полу, прямо в выпускном костюме - оглушённый, растерянный, выбитый из колеи - и не мог отделаться от ощущения липкой грязи, которая словно покрывала всю его кожу, хоть он ведь даже не раздевался. Было противно и стыдно.

- Так что не вздумай влюбляться в меня, Сандро! - предостерегла его Кетеван почти весело. - Я - заведомо безнадёжный, проигрышный вариант.

К сожалению, он уже понимал, что это предупреждение несколько запоздало...

Здание училища в Большом Николопесковском переулке стало для всех вторым домом - а если честно, то, наверное, даже первым, потому что фактически в альма-матер они проводили куда больше времени, чем дома или в общежитии, куда приходили только ночевать. С первых же дней учёбы в Щуке стало ясно, что о весёлой и беззаботной студенческой жизни придётся забыть. Вернее, веселья-то хватало - хоть отбавляй, а вот беззаботностью и праздностью даже не пахло.

Спрос педагогов со студентов был велик, заданные планки - высоки, а требования - категоричны. Никто и слышать не хотел таких фраз, как "не могу", "не хочу", "не получается". Ты должен - и точка, в противном случае - как говорится, вон из профессии и из искусства, незаменимых нет! Ни опаздывать, ни пропускать занятия было нельзя: тем самым студент подводил и подставлял под удар не только себя, но и своего партнёра по сцене. Театр - искусство командное, любил повторять их Мастер. Да и проблем не оберёшься: пропустишь танцы или сцендвижение, а как потом навёрстывать?..

Многие педагоги Щукинского училища являлись его выпускниками, бережно сохраняя тем самым культуру и традиции Вахтанговской школы, поскольку элементы актёрского мастерства осваивались в строгой логической последовательности, заданной ещё Вахтанговым: от простого - к сложному.

Девизом и основой обучения стали слова великого Мейерхольда, ученика Станиславского: *"Школа не должна учить новациям, школа должна учить традициям"*. На будущих артистов давили авторитетом имена их звёздных предшественников: Владимир Этуш, Михаил Ульянов, Юрий Яковлев, Олег Стриженов, Андрей Миронов, Татьяна Самойлова, Анастасия Вертинская, Нина Русланова, Наталья Гундарева...

И каждый студент, разумеется, втайне грезил о том, что когда-нибудь и его имя навсегда останется в истории училища - в почётном разделе "знаменитые выпускники".

- Все вы поголовно поступаете в театральные "народными артистами всея вселенной", - частенько повторял их Мастер. - На втором курсе потихоньку опускаетесь до "заслуженных", на третьем скромно считаете себя "профессионалами", а на четвёртом дружно понимаете, что бездари! - он весело смеялся собственной шутке, но в каждой шутке, как известно...

Общага на Полежаевской, казалось, не засыпает никогда. Во всяком случае, настоящая жизнь там начинала кипеть только после одиннадцати часов вечера.

В тесных и маленьких комнатах, рассчитанных на четырёх человек, негде было развернуться, поэтому стихи и роли разучивали на кухне, стоя у окна со стаканом крепкого чая в руке... бывало, что и всю ночь напролёт.

Никто и никогда не репетировал перед зеркалом, это считалось признаком плохого актёра - даже на своё отражение в тёмном оконном стекле смотреть было нельзя.

Парные танцы отработывали в просторном холле (а накануне выпуска четверокурсники расстилали там одеяла - прямо на полу, раскладывали конспекты и готовились держать ответ перед Государственной аттестационной комиссией, что было пострашнее и посложнее, чем дипломный спектакль).

Случись постороннему попасть ночью в актёрское общежитие - наверняка бы решил, что оказался в дурдоме. И в два, и в три часа ночи, идя по коридору, можно было услышать со всех сторон выразительные монологи, громкое пение или декламацию... Где-то играла музыка - значит, кто-то уже что-то сдал и теперь шумно это празднует. Кое-кто выполнял самые настоящие балетные па (к одной из стен был прибит хореографический станок - ведь артист всегда должен быть в форме). Напротив неработающих лифтов на батареях лежали подушки: сюда студенты приходили погреться в холодное время года, поскольку комнаты плохо отапливались. Тут же объяснялись друг другу в любви - когда всерьёз, а когда и по роли. Короче, спать в общежитии было просто нереально!

Но никто не жаловался. В девяностые годы в артисты шли лишь люди, по-настоящему одержимые театром. Они прекрасно понимали, что выбранная профессия вряд ли принесёт им большой достаток... Ну, за исключением тех из них, кто обречён на всемирную славу и известность - ведь при поступлении все они мнили себя будущими "оскароносцами", не меньше.

Мало у кого получалось устроиться на подработку. Профессия актёра была абсолютно несовместима со свободным графиком и сжирала, сжигала всего тебя, без остатка, не оставляя времени ни на что другое.

Кому-то, конечно, помогали родители - по мере своих сил и возможностей. Отправляли посылки с тёплыми вещами, передавали незатейливые продукты - растительное масло, крупы, макароны и тушёнку, домашние закрутки... Нередко иногородних студентов-щужинцев поддерживали их педагоги, подкармливая в самом буквальном смысле.

Взаимовыручка у юных артистов была колоссальная. Пока ещё им нечего было делить... В сложной ситуации (отрывок ли не получался, роль ли застопорилась) всегда можно было постучать в комнату к ребятам постарше - и те обязательно давали ценный совет. В любое время суток.

Белецкий и Кетаван стали в общежитии частыми гостями. Вахтёрша смотрела на их визиты, регулярно затягивающиеся сильно за полночь, сквозь пальцы - понимала, что ребятам нужно постоянно репетировать, готовиться вместе к выступлениям. В перерывах между репетициями они сидели в комнате у кого-нибудь из однокурсников, пили дешёвый портвейн и спорили до хрипоты, обсуждая музыку или фильмы, а также театральные премьеры столицы. В те годы особенной популярностью пользовался спектакль "Лысый брюнет" в театре Станиславского с Петром Мамоновым в главной роли, и время от времени кому-нибудь из них удавалось добыть заветные контрамарки на представление.

Комнаты девчонок украшали вырезки из журналов с фотографиями каких-нибудь западных красоток вроде Синди Кроуфорд, у парней же стены - от потолка до пола - были

исписаны автографами прежних обитателей. Попадались среди них, между прочим, и вполне "звёздные" теперь имена...

Сюда не принято было приходить с пустыми руками. Раз явился в гости, то изволь принести хоть пачку макарон, хоть связку бубликов, хоть банку солёных огурцов - таков был негласный закон общаги. Однажды Белецкий притащил аж целый мешок картошки, и у всех студентов был праздник. Мешок этот хранился на балконе и расходовался бережно и экономно - каждый брал себе на ужин по чуть-чуть. Картошку отваривали в мундире и ели, чуть присыпав солью, без всякого масла, обжигая рот и мыча от удовольствия. Впрочем, всё равно уже через неделю заветный мешок опустел...

Когда становилось так поздно, что казалось уже совсем неприличным засиживаться, Белецкий шёл провожать Кетеван до дома - пешком, поскольку общественный транспорт к тому времени прекращал свою работу. К счастью, тётя Нателла жила всего лишь в паре остановок от общежития.

И этот путь вдвоём, по ночному городу, был для него самым счастливым отрезком суток. Он подсознательно ждал того момента, когда они останутся с Кетеван наедине, и чуть ли не с самого утра торопил время.

Нет, формально между ними по-прежнему не происходило ничего такого, что выходило бы за рамки обычного приятельского общения. *Ничего личного...* Они просто разговаривали. Но именно в эти мгновения Кетеван - хрупкая, гордая, неприступная красавица Кети - принадлежала только ему. Она доверчиво вкладывала свои пальчики в его ладонь, когда они лихо перебежали через дорогу на красный свет - всё равно ночь, машин мало - и беззаботно хохотали... От ощущения её руки в своей у Белецкого останавливалось сердце - и, хотя в фантазиях он заходил с девушкой куда дальше, наяву он и помыслить не мог о том, чтобы позволить себе какие-то вольности, пусть даже просто попытаться обнять или поцеловать её. Она же сказала ему: только дружба, и ничего, кроме дружбы...

К слову, тётя Нателла этой дружбой была премного довольна. Белецкий нравился ей - воспитанный интеллигентный мальчик из хорошей семьи, не шпана какая-нибудь, не раздолбай, не наркоман и не отморозок. Она доверяла ему всецело: в его компании Кетеван могла гулять хоть до утра. И всё-таки он старался доставить девушку домой не слишком поздно, а затем около полутора часов добирался - тоже пешком! - до собственного дома.

Иногда тётя Нателла оставляла парня с ночёвкой, несмотря на его смущённые протесты. Впрочем, так ему действительно было удобнее, тем более, что и родители не особо о нём беспокоились. Если он не являлся домой ночевать, ни мать, ни отчим не устраивали трагедий.

Предки вообще думали, что у него появилась девушка, с которой всё очень и очень серьёзно, и Белецкий не спешил их разубеждать. Отчим всецело одобрял и приветствовал тот факт, что Саня, наконец, стал мужчиной. Воспитать из пасынка "настоящего мужика" было его идеей фикс. Его буквально потряхивало при мысли о том, что парень может вырасти хлюпиком, навсегда остаться маменькиным сынком. Когда Белецкий заявил, что собирается стать актёром и поступать в театральное училище, отчим воспринял это как личную драму и своё педагогическое фиаско.

Манера воспитания у отчима была весьма своеобразной. Так, однажды, когда они все вместе гостили в деревне у бабушки, отчим решил научить Саню плавать: взяв пацана покататься на лодке по озеру, на самой глубине он просто выбросил его за борт, точно

слепого щенка. Отчим не был сумасшедшим или садистом (во всяком случае, не считал себя таковым) - просто верил, что это психологически верный приём: от страха должен включиться инстинкт самосохранения, и мальчишка волей-неволей поплывёт сам. Однако, вместо того, чтобы чудесным образом поплыть, пасынок почему-то пошёл ко дну...

Белецкий навсегда запомнил тот панический страх, тот ужас, то ощущение беспомощности при погружении под воду с головой... А также сильную боль в груди и жжение в дыхательных путях, которые заполнила вода.

К счастью, отчим успел его вовремя вытащить и профессионально реанимировать. Конечно, мальчик здорово нахлебался воды, и его потом долго рвало и адски колбасило на берегу. Разумеется, плавать в то лето он так и не научился - напротив, обзавёлся мощнейшей фобией. Он не мог теперь приближаться к озеру (и вообще к любому водоёму), даже на берегу его начинало трясти от страха. Ну, и теплоты в их отношения с отчимом, и прежде далёкие от идеальных, этот эпизод явно не добавил.

Что касается матери, то она, крепко утвердившись в мысли о том, что у её мальчика появилась любимая, начала со свойственным всем потенциальным свекровьям ревнивым любопытством выпытывать детали и подробности: кто она да что она.

- Ты хоть познакомь нас со своей девочкой, Саша! - неоднократно просила мать, но он отмахивался и врал:

- Да там ничего серьёзного!

Но мама, конечно же, не верила: видела, каким стал сын, как сильно изменился из-за своей - она была уверена - большой любви...

Больше всего Белецкого бесило, что он и сам не мог дать определение их с Кетеван отношениям. Нет, фактически придраться было не к чему: между ними в самом деле ничего не было. И в то же время... назвать это "просто дружбой" у него не поворачивался язык. Впрочем, может быть, он занимался самообманом?..

Кетеван не подпускала его к себе близко, но, замечая трепетное отношение парня, иногда позволяла себе немного его подразнить - просто из озорства и хорошего настроения. Нечаянные касания рук, многозначительные взгляды, загадочные улыбки... Если же он оставался ночевать, то Кетеван расходилась вовсю в своих - не таких уж невинных - шалостях. Могла выскочить утром из ванной ему навстречу в одних лишь трусах и короткой маечке, не прикрывающей вообще ничего, и начать весело щебетать о какой-то отвлечённой ерунде, будто не замечая, в каком он находится ступоре. Её это всё ужасно развлекало...

Тётя Нателла уезжала в театр очень рано - работа костюмера требовала полной самоотдачи. Поэтому обычно Белецкий и Кетеван завтракали вдвоём, и это было настоящей пыткой для него! Сладкой, безумной, невыносимой и жестокой пыткой.

Разливая по чашкам чай, Кетеван вызывающе наклонялась над столом, касалась Белецкого плечом или, как бы ненароком, задевала грудью... а потом откровенно забавлялась, глядя, как он сходит с ума. Белецкий психовал, проклиная свою чёртову неопытность, которая стояла костью в горле. Он не знал, как следует себя вести в столь пикантной ситуации, не знал, как справиться с моментально охватывающим его возбуждением... и чаще всего просто позорно сбегал в ванную комнату под предлогом принять душ, чтобы снять мучительное напряжение.

Самое смешное и нелепое, что Белецкого нельзя было назвать унылым задротом, на

которого за семнадцать лет жизни не клюнула почти ни одна девушка. Напротив, он пользовался большим успехом у противоположного пола чуть ли не с детского сада. Одноклассницы постоянно подбрасывали ему в ранец записочки с признаниями. В пионерских лагерях он вовсю целовался с девчонками по укромным уголкам, а по окончании смены в его записной книжке вечно оставалась куча адресов, аккуратно вписанных туда разнообразными девичьими почерками в сопровождении устных заклинаний: "Ты ведь пришлешь мне письмо, Саша? Правда, пришлешь? Или хотя бы открытку! Я буду очень ждать..."

А вот серьезных отношений не получалось. Ни к кому из своих знакомых девушек он не испытывал того, что называется влюбленностью или хотя бы романтической привязанностью... Нравились, конечно, многие. Но в каждой ему чего-то не хватало, что-то отталкивало - то во внешности, то в поведении, то в характере. Особенно раздражала манера современниц одеваться: для людей с хорошим вкусом мода конца восьмидесятых - начала девяностых была настоящим испытанием. Девушки больше не стремились подчеркнуть свою нежность, свою женственность. Шёл упор на агрессивную сексуальность и аляпистость, практически вульгарность. Большинство ровесниц Белецкого выглядело, как сборище дешёвых проституток. Дикий макияж, начёсы на голове, пёстрые лосины... но самым шиком считалось вырядиться в косуху с кожаной или джинсовой мини-юбкой (настолько мини, что становилось даже неловко за её обладательницу), довершив ансамбль колготками - фактурными в сеточку или с люрексом.

Кетеван была другой. Белецкий сразу выделил в ней то, что выгодно отличало её от остальных - это стиль. Несмотря на то, что фигура и ноги у неё были, что надо, и стесняться ей было абсолютно нечего, она не спешила облачиться в лосины или мини-юбку, предпочитая в основном изящные платья. Гриву роскошных тёмных волос не оскверняли ни начёс, ни лакированная чёлка. На свежем лице не было излишков макияжа - только чуть-чуть, самую малость тронуты блеском губы да слегка подкрашены ресницы, и без того, впрочем, чернящие, длинные и густые.

Вместе с тем, Кетеван нельзя было назвать скучной и чопорной девицей, отягощённой излишками воспитания. Была в ней и чертовщинка, и хулиганистость... а горячий кавказский нрав иной раз прорывался в самые неожиданные моменты. Девушка-огонь. Пламя, страсть, живость, изменчивость - всё это было о ней.

Белецкого безумно влекло к Кетеван, как физически, так и эмоционально. Он зависел от их общения, от встреч. Если они не виделись хотя бы день (к примеру, в воскресенье) - он считал его потерянным и отчаянно душил в себе порывы немедленно сорваться и поехать к её дому. Даже ради того, чтобы просто посидеть во дворе на лавочке и потаращиться на окна её квартиры, не навязываясь и не заявляя о своём присутствии...

Впрочем, чаще всего они встречались даже в выходные. И тогда весь его день, с утра до ночи, пропитывался счастьем, будто бисквитный корж - кремом.

Если погода была ясной и хорошей, они просто гуляли, бродили по Москве, не закрывая рта ни на минуту - общались, смеялись, спорили, иногда даже немножко ругались... Если же было холодно или дождливо, они забредали в какое-нибудь заведение общепита, чтобы перекусить и согреться. Летом в столице открылись два новых "МакДональдса" (первый, на Пушкинской площади, стал три года назад настоящей сенсацией - очереди там были гигантские, многочасовые), и они частенько заруливали туда.

Одного он терпеть не мог - когда во время этих прогулок Кетеван приводила его в переговорный пункт и принималась названивать своему Аслану в Махачкалу. Понятно, что из дома она никак не могла это сделать - тётя Нателла бдила. Да и квитанции за междугородные переговоры выдали бы племянницу с головой...

Набрав заветный номер, Кетеван быстро совала трубку Белецкому:

- Пожалуйста, попроси Аслана к телефону!.. Меня они могут узнать, нужен именно мужской голос.

- Кем мне представиться? - с послушной обречённостью спрашивал он.

- Скажи - Фархад, - торопливо подсказывала она.

Эта нехитрая уловка срабатывала. Пока Кетеван самозабвенно ворковала со своим Асланом, Белецкий деликатно выходил из переговорной кабинки, стараясь лишней раз не смотреть на её улыбающееся, разрумянившееся лицо. Счастье Кетеван больно обжигало его... Время от времени его терзала смутная догадка, что девушка банально использует его как прикрытия, чтобы усыпить подозрительность тёти, а на самом-то деле он ей и даром не нужен. Но Белецкий упорно гнал от себя эти мысли. Пусть не как парень, не как молодой человек... но ему хотелось быть рядом хотя бы в качестве друга. Близкого, верного друга.

Однажды, когда Белецкий в очередной раз "мужским голосом" попросил позвать Аслана, ему ответили, что парень в больнице, перенёс операцию по удалению воспалённого аппендикса. Белецкий вежливо поблагодарил и повесил трубку, однако, когда передал эту новость Кетеван, с девушкой неожиданно приключилась истерика.

- Я должна поехать к нему! Немедленно! - взхлёб рыдала она. - Я должна быть рядом, плевать, что все подумают! Я не могу оставаться здесь, когда он в больнице! Мне срочно нужно на вокзал!..

Он пытался успокоить её, как мог - на них и так уже ошарашено косились люди, а она визжала и отбивалась.

- Пусти меня!.. Пусти! Ты ничего не понимаешь... Я его люблю, я умру без него, слышишь?! Если с ним что-нибудь случится, я под машину брошусь или из окна выпрыгну, понял?!

В конце концов, пришлось прибегнуть к крайнему средству, чтобы её успокоить, а именно - влепить пощёчину. Это было трудно, но необходимо сделать. Во всяком случае, эффект шока и неожиданности сработал - Кетеван потрясённо затихла, глядя на Белецкого во все глаза. Он немедленно сгрёб её в охапку, прижал к себе и не отпускал. Оба тяжело и взволнованно дышали.

- Ну всё, всё... тише, Кети, успокойся... - выговорил он негромко, поглаживая её по спине. - С ним всё будет в порядке, поверь. Это всего лишь аппендицит. Пустяковая операция. От этого не умирают...

До неё постепенно доходил смысл его слов. Наконец, она обмякла в его объятиях и заплакала, как ребёнок - облегчённо, освобождённо, светлыми слезами.

А Белецкий в который раз почувствовал жгучую зависть к тому, кого она любит так горячо, так беззаветно... Зависть, граничащую с ненавистью.

Поначалу он думал проводить Кетеван до дома - в свете новой информации, открывшейся после звонка в Махачкалу, момент казался явно неподходящим для прогулок и развлечений. Однако девушка отчаянно замотала головой и вцепилась в его руку:

- Я не хочу сейчас домой. Просто побудь со мной, Сандро, пожалуйста... мне страшно.

Мы можем что-нибудь выпить? - неожиданно предложила она.

И ему ничего не оставалось, как привести её в то самое кафе на задворках кинотеатра "Россия", где работал его знакомый бармен.

Внутри было накурено, тесно и шумно, но Кетеван это не смутило. Она заказывала коктейль за коктейлем, словно запрограммировала себя на то, чтобы напиться вдрызг, в стельку... но ничего не получалось. Кетеван оставалась абсолютно трезвой - во всяком случае, казалась такой. Вот только речь её стала не такой порывистой, как обычно, сделалась плавнее и медленнее, да глаза блестели чуть ярче, чем всегда - только и всего. Но на всякий случай Белецкий старался почти не пить, чтобы не потерять контроль над ситуацией.

- Ты девственник, Сандро? - спросила она его серьёзно, болтая трубочкой в высоком стакане с каким-то очередным пойлом. Он порадовался, что в помещении было полутемно, и можно было скрыть охватившее его смущение.

- Н-нет, - выговорил он, запнувшись. Впрочем, и не соврал ведь...

Кетеван удовлетворённо кивнула.

- Я так и думала.

- Почему это, интересно знать? - удивился он.

- Ну, ты, вообще-то, красивый, - признала она нехотя. - Обычно на таких всегда девчонки вешаются... А у тебя это было по любви?

Он в смятении покачал головой.

- Совсем нет. Просто так получилось. А... а ты? У тебя с кем-нибудь было?

- Конечно же, нет, глупый! - вскинулась она. - Для грузинки подобный вопрос - практически оскорбление... Я бы не согласилась лечь в постель абы с кем. Только по большой любви - с человеком, с которым собираюсь прожить всю свою жизнь...

- С Асланом, да? - спросил он осторожно. Она с грустью кивнула.

- Но ты не думай, у нас с ним и без секса всё очень серьёзно, по-настоящему. И у нас... было почти всё, кроме главного. Ну, ты понимаешь, да?..

Слышать это было неприятно, хотя Белецкий отдавал себе отчёт в том, что не имеет никакого права на подобную реакцию.

- Как вообще получилось, что ты влюбилась в дагестанца? - спросил он хмуро. Кетеван улыбнулась.

- Ой, это целая история, достойная индийского кино! Дикое, невероятное стечение обстоятельств... Когда мне было четырнадцать, мы поехали в Сочи на свадьбу дальнего родственника. И так совпало, что у родни Аслана тоже кто-то играл там свадьбу.. Именно в эти же даты! Мы провели в Сочи неделю, и на меня мало кто обращал внимания, всем было не до меня, а эти предсвадебные хлопоты и прочее мне казались такими скучными... Я целыми днями была предоставлена самой себе. Гуляла, ходила на море... Вот на пляже мы с Асланом и познакомились.

- Тебе было всего четырнадцать? - он покачал головой. - Совсем ребёнок...

- Аслан меня на три года старше, - похвасталась она и добавила с заметной гордостью:

- Он - настоящий мужчина. Ты знаешь, как за ним девчонки в Сочи бегали! А он выбрал меня...

"Любой нормальный парень из миллиона девушек выбрал бы именно тебя..." - подумал он, но вслух, разумеется, оставил эти размышления при себе.

- Мы обменялись адресами и стали переписываться после того, как оба вернулись

домой, - продолжала она между тем. - Всё было хорошо ровно до того момента, пока отец случайно не наткнулся на одно из писем в почтовом ящике. Просто перехватил его раньше меня... Папе, разумеется, стало любопытно, что это ещё за Аслан мне пишет. Он не удержался и вскрыл конверт. Ну, а там... - Кетеван смутилась. - Ты знаешь, хоть мы так и не дошли в своих отношениях до постели, зато в письмах не церемонились и писали друг другу очень откровенные вещи...

- Понятно, - усмехнулся Белецкий, отворачиваясь.

- Ух, и скандал тогда разгорелся! - будто не замечая его напряжения, продолжала Кетеван. - Ты не представляешь, как отец орал. Мне было строго-настрого запрещено даже думать об Аслане. Но... - она решительно вздёрнула подбородок. - Мы всё равно будем вместе, я верю. Пока что ещё мы оба сильно зависим от родителей, но потом обязательно вырвемся из-под их надзора. Если, конечно, они и сами в конце концов не согласятся на наш брак. А пока что приходится скрываться, врать и изворачиваться. Письма друг другу пишем только "до востребования", на домашний адрес нельзя... Если предки узнают, что мы с Асланом до сих пор общаемся... они меня заживо съедят! Да и ему тоже мало не покажется.

- Но почему они против? - недоумевая, поинтересовался Белецкий. - Раз такая любовь... Лучше бы не мешали счастью своих детей, а поддержали и помогли... Ты не пробовала просто нормально поговорить с ними, всё объяснить? Тем более, тебе уже не четырнадцать, ты вполне взрослый и разумный человек.

- Ты не понимаешь, - она коротко и зло рассмеялась. - Это же вопрос чести семьи и рода, вопрос крови... Мы с Асланом принадлежим разным мирам. У нас разные религии... Да и вообще, у грузин к дагестанцам издавна настроенное отношение. Так сложилось исторически.

- Почему?

- Грузинки ведь красивые, - Кетеван горделиво приосанилась. - наших девушек в прежние времена частенько похищали турки, дагестанцы и лезгины... Да знаешь ли ты, кто такие лезгины?

Он неопределённо покачал головой.

- Они живут в южном Дагестане, на границе с Грузией и Азербайджаном. Раньше постоянно навещали с набегами грузин, крали коней, девушек... и так далее. На грузинском языке лезгин - "лек", а на лезгинском это же слово означает "орёл"... забавно, правда? Есть даже такое стихотворение...

И, внезапно подобравшись, точно на сцене, расправив плечи и вскинув подбородок, Кетеван вдруг начала декламировать нараспев своим хрипловатым завораживающим голосом - громко, никого не стесняясь:

*- Позади остались реки,
Гор заснеженных хребты.
В дом к тебе явился леки,
Отчего ж не плачешь ты?
Иль тебе в кругу домашних
Целый вечер напролёт
О моих набегах страшных
Мама песен не поёт?..**

Откинувшись на спинку высокого барного стула, Белецкий с интересом следил за оживлённой мимикой её лица, за точной жестикующей, вслушивался в интонации - что и говорить, Кетеван была прирождённой актрисой. Её, несомненно, ждёт великое будущее... И как это он умудрился не заметить её на вступительных прослушиваниях? Как пропустил?..

*- ...Иль отец дочурке малой
Не рассказывал в тоске,
Что разбойник я бывалый
И живу невдалеке?
Что держу, ему на зависть,
Полудикого коня...
Знай, в краю твоём боялись
Даже взрослые меня.*

Ею невозможно было не залюбоваться. Даже бармен, до этого занятый своими прямыми обязанностями, застыл с полуоткрытым ртом, наблюдая за девушкой, читающей это незамысловатое, но почему-то вынимающее душу стихотворение.

*- Мной пугали в давнем веке
Малышей своих они:
"Спи, не то прискачет леки,
Баю-баюшки. Усни!.."
У развалин старых башен
Вьются стаи голубей.
Никому теперь не страшен
Леки в Грузии твоей.*

Голос её становился всё более вкрадчивым, нежным, убаюкивающим и обольстительным одновременно.

*- Родилась ты ясноокой,
И тебя в твоих горах
Я, как звёздочку, высоко
Поднимаю на руках.
На меня ты смотришь смело.
Хочешь, сядем у реки?
Из цветов я неумело
Для тебя сплету венки.*

Она сделала крошечную паузу для того, чтобы отхлебнуть немного из своего стакана - видимо, в горле пересохло, и во время этой секундной заминки бармен умудрился тайком заговорщически подмигнуть Белецкому и показать большой палец, точно одобряя его выбор. Он, вероятно, подумал, что Кетеван - его девушка... Белецкий многое отдал бы за то, чтобы это было правдой.

А Кетеван, встряхнув волосами и торопливо облизнув губы, уже заканчивала стихотворение:

- День прошёл. У перевала
Ходит месяц в облаках.
И спокойно задремала
Ты у гостя на руках.
По ущельям мчатся реки.
И тебе в твоём краю
Напевает добрый леки:
"Баю-баюшки-баю".

Когда она замолчала, ей зааплодировали не только Белецкий с барменом - сидящие поблизости посетители бара тоже поспешили выразить своё восхищение, кто-то даже пьяненько выкрикнул: "Браво!"

Кетеван же, точно внезапно обессилев, соскочила со стула и пошатнулась - очевидно, она была куда более опьяневшей, чем казалась со стороны. Белецкий едва успел подхватить её за талию.

- Проводишь меня домой, Сандро? - обдавая его шею горячим хмельным дыханием, попросила она.

- А что скажет тётя, когда увидит тебя в таком состоянии? - немного озадаченно поинтересовался он. Ему было заранее неловко перед милой тётей Нателлой - решит ещё, что это он споил её племянницу... Но Кетеван беззаботно отмахнулась.

- Она на двухдневных гастролях с театром в Питере. Вернётся только послезавтра. Так что, если хочешь, можешь у нас же и заночевать.

Белецкий почувствовал, что у него тоже подгибаются ноги. Но, кажется, это было вовсе не от алкоголя - он и пил-то всего ничего.

- Хорошо, - глухо выговорил он, - я тебя провожу.

**Здесь и далее - строки из стихотворения "Леки" Расула Гамзатова.*

Когда они оказались дома, немного продрогшая Кетеван по-свойски велела Белецкому поставить чайник и соорудить на скорую руку парочку бутербродов из того, что найдётся в холодильнике, а сама принялась набирать ванну, чтобы погреться. Белецкий намазал хлеб маслом, достал любимый Кетеван копчёный сулугуни, заварил свежий чай... А она всё не шла. В конце концов, парень даже забеспокоился. Ну, что можно делать в ванной комнате столько времени?

Он деликатно постучал в дверь и позвал:

- Кети, ты там не утонула? Чайник вскипел давно. Всё готово, - и, выждав немного, повторил:

- Кети?..

Ответа не последовало. Белецкий не на шутку встревожился. Мало ли, что могло случиться с нетрезвой девушкой в горячей ванне. Поскользнулась на мокром полу, упала и ударилась головой?.. А может, её разморило, она заснула и захлебнулась... Или вены себе перерезала?.. Да ну, бред, с чего бы ей это делать? Однако богатое, как у всех творческих натур, воображение уже подсовывало ему красочные картинки разыгрывающейся трагедии:

бездыханное тело Кетеван в окровавленной ванне, хлещущая через край и заливающая пол вода, вызов "скорой", попытки связаться с тётёй Нателлой... Тряхнув головой и избавляясь от наваждения, Белецкий толкнул дверь и обнаружил, что она, к счастью, не заперта. Он, не раздумывая, ввалился внутрь (до приличий ли теперь было?!) и сразу же увидел Кетеван. Она полулежала в пене, откинувшись головой на бортик ванны. Глаза девушки были закрыты, а лицо казалось излишне бледным, несмотря на то, что от жары запотело даже зеркало. У Белецкого едва не остановилось сердце. Он рванулся к Кетеван и схватил её за плечо, лихорадочно затряс, громко называя по имени. К счастью, она отреагировала почти сразу: что-то невнятно пробормотала, а затем с трудом разлепила глаза. "Жива!" - только и смог подумать он, чувствуя невероятное облегчение. Она действительно просто уснула. Как хорошо, что не успело произойти непоправимое...

- Сандро?.. - растерянно хлопая ресницами, Кетеван удивлённо таращилась на него. - Ты что здесь делаешь? Что случилось?

- Ты дрыхла, как сурок, спящая красавица, - понемногу приходя в себя, сурово произнёс он и выдернул пробку из слива. - Могла бы утонуть, между прочим!

- Я что, правда заснула? - Кетеван с сомнением обвела взглядом ванную комнату, точно подозревала, что он над ней просто подшутил: перетащил из постели и опустил в воду. - Кошмар... Ужасно голова кружится... Подай мне, пожалуйста, полотенце.

Она, казалось, совсем не смущалась его присутствия, будто бы в том, чтобы сидеть голой перед парнем, не было ничего особенного. Ну, как - "голой"... Белецкий видел только её плечи, остальное скрывала пена. Но само осознание того, что из одежды на девушке ничего нет, заставило его судорожно сглотнуть. К тому же, уровень воды в ванной постепенно понижался...

Белецкий пошарил рукой по стене, нащупал на крючке полотенце и послушно протянул его ей. Только потом он, наконец, отвёл взгляд, но Кетеван на этом не остановилась:

- Сандро, дай руку! Что-то у меня совсем сил нет, не могу подняться...

Похоже, она просто не отдавала себе отчёта в том, что происходит. Белецкий, честно зажмурившись, вытащил её из ванны, распаренную, безвольную и податливую, завернул в огромное банное полотенце и отнёс на руках в спальню. Девушка доверчиво прислонилась головой к его плечу, обвила его шею руками и, кажется, вновь задремала. Идиотская ситуация, как ни крути!

Он осторожно опустил её на кровать, набросил сверху одеяло и, помаявшись несколько мгновений в нерешительности, тихонько вышел из комнаты, выключив свет и прикрыв за собою дверь.

Затем он долго сидел на кухне и в одиночестве пил крепкий чёрный чай, чтобы слегка прийти в себя и отдышаться. Он ужасно злился на Кетеван и на себя - за то, что оказался в такой глупой и неловкой ситуации. Может быть, ещё не поздно уехать домой? Ну а что, уснуть - он всё равно не уснёт, тем более в этой квартире, один на один с Кетеван... Сна не было ни в одном глазу. Слишком много событий и впечатлений за один день, что ни говори. Руки его всё ещё помнили тяжесть тела Кетеван, её нежную кожу, влажный шёлк волос... Как ложиться спать спокойно, зная, что за стеной - она?!

А она вдруг тоже появилась на кухне - возникла неожиданно, как привидение, и он даже вздрогнул поначалу от испуга, когда увидел её фигуру с длинными распущенными волосами. Кетеван стояла в дверном проёме, щурилась от электрического света и машинально плотнее

закутывалась в халат. Выглядела она при этом совершенно протрезвевшей и немного смущённой.

- Прости меня, Сандро... Я и в самом деле уснула, какой ужас. Не могу в это поверить!

- Да уж... - хмыкнул он, избегая смотреть ей в глаза. - Я тоже, мягко говоря, обалдел.

- Нет, серьёзно... спасибо тебе. До меня только сейчас дошло, что могло бы случиться, если бы тебя не было рядом. Я так рада, что ты согласился остаться со мной сегодня!

Похоже, его план улизнуть домой накрываясь медным тазом...

- Чай будешь? - предложил Белецкий таким тоном, будто бы это он был хозяином квартиры, а она пришла к нему в гости.

- Да, пожалуйста, и погорячее! - радостно кивнула она, присаживаясь к столу. - Я что-то никак не могу согреться...

Видя, как жадно Кетеван обхватила чашку руками, грея замёрзшие пальцы, он обеспокоенно спросил:

- Ты не заболела, часом?

- Не знаю... Там где-то в буфете должен быть мёд, посмотри, пожалуйста, - попросила она.

Некоторое время они пили чай в молчании, просто сидя друг напротив друга.

- И часто тётя вот так уезжает, оставляя тебя одну? - спросил наконец Белецкий.

- Да нет, не очень... За год может, раза три и было. А что, - она улыбнулась, - считаешь, что я такая беспомощная и глупая, что даже пару суток не смогу просуществовать одна, без присмотра?

Он тактично промолчал, никак не комментируя ситуацию в ванной. Если бы он не оказался рядом в нужный момент...

- Неужели в Москве у вас больше никого нет? Ни друзей, ни родных?

- Я же говорила тебе... Тётя уехала из Грузии вместе с мужем, когда ему предложили тут работу. Вся наша остальная родня - там. Тётю и то со скрипом отпустили... Дедушка вообще долго был против её брака с дядей Нодаром. Им тоже пришлось отвоёвывать своё право на счастье. Дядя Нодар увидел тётю в театре - во время антракта, среди публики - и влюбился с первого взгляда, без памяти...

Белецкий вспомнил портрет кисти покойного мужа тёти Нателлы: мать с двумя дочерьми. Удивительной красоты женские лица, столь непохожие друг на друга и в то же время неуловимо близкие.

- Твоя тётя очень красивая, - подтвердил он. - Так что я вполне понимаю, как можно потерять от неё голову с первого взгляда.

- О, там разыгралась настоящая семейная драма! - живо подхватила Кетеван, воодушевлённая его интересом. - Дядя Нодар в те годы был студентом-бессребреником, начинающим художником. Дедушка, разумеется, встал на дыбы: отдать свою старшенькую, любимицу-красавицу, за такого нищелюба?! У которого ни кола, ни двора, ни гроша за душой! Бабушке, наоборот, парень сразу понравился и она пыталась дедушку разубедить, но поначалу на него не действовали никакие уговоры и доводы. Однако дядя Нодар не унывал. Он верил в то, что они с любимой непременно будут вместе. Брал заказы на картины, очень-очень много рисовал, и на все вырученные деньги приносил тётке цветы - каждое утро, в течение года! Представляешь? Всё заработанное тратить на букеты...

- Его не Нико Пиросмани, случайно, звали? - пошутил Белецкий.

- Да-да, истории похожи... - кивнула Кетеван. - Но в случае с тётей Нателлой всё

закончилось хорошо. Под напором родных дедушка смягчился и дал согласие на брак.

- Вот видишь, - он попытался её подбодрить, - вода камень точит. Глядишь, и на ваши отношения с Асланом родители посмотрят по-другому...

- Дядя Нодар хотя бы грузином был, - тихонько вздохнула Кетеван.

- И что, после свадьбы тесть изменил о нём своё мнение?

- Конечно. Тётин муж больше не был голодранцем. Ему неожиданно стало везти, появились хорошие богатые заказы, а потом его и вовсе пригласили в Москву, начали устраивать персональные выставки, в том числе и за границей... В общем, дядя Нодар сделался большим человеком.

- А... твоя мама? - помолчав, спросил Белецкий. - У неё тоже были страсти, как в мексиканском сериале?

Кетеван расслабленно заулыбалась.

- Нет, совсем наоборот! У мамы с папой всё случилось спокойно и мирно. Собственно, об этом браке ещё их родители договорились - полусуто, полусерьёзно. Семьи близко дружили, поэтому мама с папой знали друг друга чуть ли не с младенчества. Они привыкли друг к другу. Вместе росли... И как-то само собой получилось, что их будущая женитьба - дело решённое. Они согласились, и живут действительно хорошо, душа в душу... у них очень крепкая семья, такая "любовь-дружба".

- Странно слышать в наши дни о том, как родители договариваются о браке детей, - недоверчиво покачал головой Белецкий. Кетеван фыркнула.

- О, Сандро, это Грузия! Слушай, если я тебе расскажу, как поженились мои бабушка с дедушкой, ты вообще ума сойдёшь. Бабушку просто похитили!

- Боже, - он закатил глаза. - Как это?

- В общем, бабушку - тогда ещё, конечно, не бабушку, а девятнадцатилетнюю красавицу Тинатин - увидела на улице будущая свекровь. И она решила, что такая девушка непременно должна достаться в жёны её сыну Давиду. Это был Сухуми, сорок девятый год. Впрочем, похищения невест на Кавказе и сейчас случаются, хотя законом Грузии это официально запрещено. В общем, свекровь подговаривает бабушкину соседку, и та обманом заманивает её в дедушкин дом... То есть, похищение - это не мешок на голову и поперёк седла перекинуть, самое главное - чтобы девушка оказалась в доме потенциального жениха. Это же такое пятно на репутации!

- В каком смысле? - не понял Белецкий. - Что в этом неприличного-то? Или жених сразу кидается насиловать невесту, едва она переступает порог его дома?

- Нет, конечно. Дедушка был порядочным человеком и пальцем её не тронул. Но... людям-то не докажешь! Эту фразу можно сделать девизом всего Кавказа... В общем, в дом-то бабушка вошла, а выйти уже сложнее... Ей признались, зачем заманили в ловушку, и она ответила, чтобы позвали её родителей - пусть они и решают. Но свекровь дотянула с этим аж до утра, чтобы наверняка. Расчёт оказался верным: хоть родители готовы были поддержать бабушку и забрать её домой, будто ничего и не случилось, она сама отказалась. Не хотела, чтобы на неё всю жизнь потом показывали пальцем... Так и сговорились о свадьбе.

- Обалдеть, - Белецкий покачал головой. - Что, вот так взяла и вышла за абсолютно чужого человека?

- Дедушка Дато был очень добрым и честным... и красивым, кстати, - она улыбнулась своим воспоминаниям. - Он над молодой женой надыхаться не мог. У них родилось трое детей: сын и две дочери. Но мальчик умер, утонул в четыре года. Это случилось по

недосмотру дедушки, и мне кажется, что бабушка сердцем так и не смогла его простить, хотя открыто этого не выражала никогда. Она просто очень сильно его любила... У них были удивительные отношения, мне они в детстве казались ужасно смешными. Бабушка постоянно ворчала на него, а он только улыбался в ответ и говорил что-то доброе. Ни разу не видела, чтобы они поссорились, поругались...

Она сцепила пальцы в замок и устроила на них подбородок, задумчиво вглядываясь в темень за кухонным окном.

- Потом, - глухо сказала она, - в девяносто втором, началась война...

Голос был бесцветным, но лицо перекосила страдальческая гримаса. Видно было, что ей тяжело об этом говорить.

- Дедушка с бабушкой до последнего не хотели уходить из дома, который сами построили. Мы с родителями уехали в первый день войны. Позже дедушка отправил бабушку прочь с семьёй друзей, практически силой заставил. Ты знаешь, как они добирались до Грузии? Пешком, через перевал... Пока они шли, мы просто не знали, где они, как, живы ли вообще... позвонить и связаться было неоткуда. Бабушка не любит вспоминать о том, что им пришлось пережить во время того жуткого путешествия. Это был настоящий кошмар... На них нападали, грабили, насиловали женщин... У людей буквально ехала крыша. У одной женщины ребёнок сорвался в обрыв, с ней случилась истерика, а муж заявил ей: "Успокойся, я тебе нового сделаю!"

Помолчав, Кетеван перевела взгляд на Белецкого и спросила:

- У тебя есть сигареты?

Он молча протянул ей пачку и зажигалку. Она затаилась, вновь погружаясь в воспоминания.

- В нашей семье из мужчин остались только папа и дядя Нодар, муж тётки, потому что просто физически в этот момент был в России... Впрочем, он умер в том же году - сердце не выдержало. Тогда-то меня и отправили в Москву, чтобы поддержать тётку. При мне она старается бодриться, не показывает, как сильно тоскует по нему, но... я много раз видела, как она разговаривает с его туфлями, обнимая их при этом... А дедушка... дедушку сожгли в доме.

Он видел, как мучительно ей даются эти слова. Встал, обошёл стол, остановился позади Кетеван и положил ладони ей на плечи в успокаивающем и одновременно оберегающем жесте, который как бы говорил: не бойся, я с тобой, ты в безопасности.

- Не надо... - мягко сказал он. - Не рассказывай, если тебе трудно. Ты не хочешь об этом вспоминать? Лучше иди и поспи. Уже поздно.

Кетеван закрыла глаза, благодарно потёрлась щекой о его руку.

- А ты ляжешь со мной? - просто спросила она.

Поначалу Белецкий решил, что ослышался. Видимо, подсознание услужливо подсунуло ему то, что он сам втайне хотел от неё услышать.

- Что, прости? - проверил он.

- Ты ляжешь со мной вместе? - повторила вопрос Кетеван, спокойно глядя ему в глаза, точно предлагала что-то совершенно рядовое и банальное.

- С тобой... в одну кровать? - он почувствовал, как щёки против его воли опалило жаром.

- Да. Мне просто... одиноко, - сказала она. - Не смогу сегодня заснуть одна. Не думай обо мне плохо, Сандро, пожалуйста. Клянусь, я не стану тебя провоцировать и вообще...

ничего такого.

“Ты издеваешься?!” - хотел было спросить он язвительно, но почему-то ничего не сказал. Заколдовала она его, что ли... Не зная, зачем поддается на эту дикую провокацию, он всё-таки встал и послушно двинулся вслед за ней в спальню. Там она моментально нырнула под одеяло и на некоторое время затихла, ожидая, когда Белецкий устроится рядом. Идиотская ситуация...

Не раздеваясь, он прилёг прямо поверх покрывала, чтобы не касаться Кетеван. Но она тут же нетерпеливо потянула из-под него одеяло, заставляя тоже укрыться.

Ничего такого...

- Ложись ко мне, - негромко сказала она. - Холодно же...

Он не понимал, игра это или искренняя наивная непосредственность. А может, Кетеван действительно воспринимала его как некое бесполое существо, которому просто можно исповедоваться без опаски?.. Белецкий не хотел даже думать об этом. Впрочем, он не хотел сейчас думать вообще ни о чём. Точнее - не мог... Уж он-то, чёрт возьми, не был бесполом!..

Её руки и ступни действительно были холодными, как лёд. Он непроизвольно сжал её пальчики в своих ладонях, пытаюсь согреть. Кетеван благодарно уткнулась носом ему в рубашку, натянув одеяло до самых ушей. Она почему-то постоянно мёрзла в этот вечер. Как бы и впрямь не заболела...

- А что случилось с твоей семьёй дальше? - спросил он внезапно охрипшим голосом, лишь бы только не молчать. Не думать о том, что самая красивая и желанная девушка на свете лежит сейчас в его объятиях и тихонько дышит ему в грудь.

- Они остались жить в Грузии, - откликнулась она после паузы, мысленно возвращаясь к тем невесёлым событиям. - Их приютила семья бабушкиного брата.

- А твоя бабушка... она сейчас...

- Жива, слава богу, - откликнулась она. - У неё была онкология, но как она сама говорит: "Тот, кто меня сделал, сделал меня из камня". Вообще, бабушка у меня классная. Про таких говорят - человек старой закалки. В прошлом месяце её возил в больницу друг семьи, мама была сопровождающей. Рассказывала мне, что посадила бабушку назад, а сама села впереди. Возмущению бабушки не было предела: какого чёрта мама сидит вместе с водителем, она кто ему - жена, что ли?!

Белецкий почувствовал её улыбку.

- Ну, а жевать жвачку для девушки - это просто преступление, - весело продолжала Кетеван. - Как после такого кто-то решится взять её замуж?!

Он не выдержал и расхохотался.

- Действительно, непонятно...

- А ещё бабушка никогда в жизни не стригла волосы. У неё до сих пор они очень длинные и густые, только поседели... Она говорит, что в волосах - вся женская сила. Помню, мне в двенадцать лет захотелось поэкспериментировать и я остригла волосы до плеч, так бабушка со мной потом неделю не разговаривала! Кстати, то ли она оказалась права, то ли это было простое самовнушение... но с той стрижкой я не чувствовала себя защищённой. Мне было некомфортно, как будто это не я. Я даже плакала и полушутя-полусерьёзно просила папу убить всех девочек с волосами длиннее, чем у меня...

Белецкий улыбнулся и осторожно провёл ладонью по её роскошным тёмным волосам, пропуская их сквозь пальцы. Это было самое большее, самое смелое и одновременно самое невинное из того, что он мог себе позволить.

- Я... постоянно боюсь, Сандро, - произнесла вдруг она в порыве внезапной откровенности. - Если бы ты знал, какая я трусиха...

- Чего боишься, например? - удивился он этому резкому переходу.

- Всего! - горячо воскликнула она, чуть отстраняясь и поднимая подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. - Боюсь, что нам с Асланом не дадут быть вместе, что я проживу всю свою жизнь без любви, без сильных чувств и эмоций... Вообще боюсь прожить скучную и неинтересную жизнь. Боюсь стать актрисой второго плана. Боюсь... смерти своих близких. Боюсь войны. Боюсь, что не смогу иметь детей или заболēju какой-нибудь неизлечимой болезнью...

- Ну, хватит, - он накрыл её губы ладонью. - Я тебя понял. Трусишка... У тебя всё будет просто прекрасно, не переживай.

- Откуда ты знаешь? - с сомнением и в то же время с надеждой спросила она, точно Белецкий и впрямь обладал даром предвидения.

- Я так думаю! - произнёс Белецкий с явным грузинским акцентом, подражая Кикабидзе в фильме "Мимино". Кетеван рассмеялась, заметно расслабившись.

- Ты будешь жить долго и счастливо, - начал он медленно, нараспев, точно рассказывая сказку. - У тебя будет прекрасный, любящий, заботливый муж, сдувающий с тебя пылинки...

- Аслан? - уточнила она благоговейным шёпотом, как ребёнок, спрашивающий взрослого о существовании Деда Мороза.

- Конечно, Аслан, кто же ещё... Ты родишь ему трёх детей: двух мальчиков и одну девочку. Станешь известной актрисой. Тебя наперебой будут приглашать сниматься в кино, посвящать стихи и песни, дарить цветы... Ты будешь купаться в любви и обожании. А умрёшь ты старой-престарой женщиной, предварительно попав в книгу рекордов Гинесса как долгожитель.

Убаюканная его сладкими речами, точно колыбельной, Кетеван так и заснула - со смутной улыбкой на губах. А Белецкий, в отличие от неё, долго не мог успокоиться. Он просто лежал и вглядывался в полутьме в рисунок этих манящих полных губ, чуть приоткрытых в беззаботной, как у младенца, улыбке. Ему до дрожи, до боли, до звона в теле хотелось прикоснуться к этим губам... вернее, не так - накрыть их жадным поцелуем, задыхаясь, спеша, почувствовать на вкус, исследуя и подчиняя... Но он не мог - просто не смел.

Самое обидное, что в той безмятежной картине счастливого будущего, которую он ей обрисовал, не нашлось места для него самого. Но Кетеван, похоже, ничуть от этого не расстроилась... В её будущем Белецкого просто не существовало.

Он даже не подозревал тогда, насколько хреновым провидцем окажется.

Белецкий понимал, что надолго его не хватит. "Просто дружить" с такой девушкой, как Кетеван, было нереально. А тем более - спать с ней в одной постели, это был уже явный перебор. Он знал, что рано или поздно сломается и всё испортит, попытавшись перевести их отношения в новое русло - он же не железный! Но тогда Кетеван неизбежно его пошлёт... а ему ужасно не хотелось её терять. Пусть хотя бы как друга.

А она, будто назло, продолжала играть с ним и провоцировать. Тот единственный раз, когда они провели вместе ночь, был куда более целомудренным, чем её остальные повседневные "невинные шалости". Тогда она доверилась ему, раскрылась, стала уязвимой и

хрупкой... а в обычной жизни ничем не демонстрировала свою слабость, чисто по-женски продолжая упиваться властью над влюблённым в неё парнем и ничего ему не обещая.

Неизвестно, к чему бы это всё привело и когда бы грянул взрыв - а в том, что он грянет, сомневаться не приходилось. Белецкий всё-таки был здоровым молодым человеком со своими здоровыми потребностями, естественными в его возрасте.

К счастью, выход из ситуации вскоре был найден - он обзавёлся девушкой "для тела". Не проституткой, конечно. Просто встретил ту, которую вполне устраивал формат отношений "ничего личного, только секс". Белецкий был благодарен ей за это: реализуя свои физические потребности и скрытые желания, он мог быть спокоен за то, что девушка не станет претендовать, помимо тела, ещё и на его душу. Этого он дать ей не мог, поскольку сердце было до краёв заполнено другой... Партнёршу же всё устраивало в силу занятости, ей некогда было тратить время на романтические свидания и прочую чушь.

Она служила балериной в Большом театре (не прима, разумеется - так, артистка кордебалета), носила нежное имя Лидочка и была старше Белецкого на пять лет. И познакомились они, как ни удивительно, благодаря Кетеван. Точнее, её тете Нателле...

Здание Большого в девяностых совсем обветшало и находилось в крайне плачевном состоянии. За всё время существования театра к нему бесконечно что-то пристраивали, пытались сделать более современным и улучшали. На фундаменте, стенах и даже на отделке интерьеров появились многочисленные трещины. Колонны из белого камня накренились почти на тридцать сантиметров. В конце концов, правительством Москвы было принято постановление о реконструкции комплекса, поскольку тянуть дальше было нельзя.

И всё-таки практически каждый русский человек (да и иностранец тоже!), произнося это волшебное сочетание слов: "Большой театр", подсознательно испытывал некий благоговейный трепет перед его величием. Белецкий не был исключением.

Не являясь особым поклонником оперы и балета, он, тем не менее, с огромным удовольствием сопровождал Кетеван, если ей нужно было забежать к тёте на работу в Большой - передать ключ или ещё что-нибудь. Ему выписывали пропуск, и иногда он поднимался вместе с Кетеван в костюмерный цех, но чаще просто оставался ждать девушку, неспешно прогуливаясь по фойе театра и любуясь поистрепанной роскошью. Блеск, позолота, белый рояль, красные ковровые дорожки на раздвоенной парадной лестнице... Всё здесь дышало стариной и историей.

Как-то раз, поджидая Кетеван, он стоял у подоконника и наскоро перечитывал конспект по истории русского театра, делая там пометки карандашом - готовился к завтрашнему семинару. Невдалеке зазвенел женский смех, и по лестнице легко вспорхнула стайка юных балерин. Мелкие сошки из кордебалета, но все, как на подбор, премиленькие. Белецкий задумчиво и почти неосознанно проводил их взглядом, прежде чем сообразил, что одна из балерин не последовала за подругами, а остановилась прямо напротив него, в упор рассматривая и широко улыбаясь. Зеленоглазая, чуть веснушчатая, с гладко причёсанной головкой, лебединой шеей, точёными плечами и стройными ножками, кокетливо выставленными по третьей позиции - она была прелестна, как весна. Белецкий невольно улыбнулся в ответ.

- Ой, какой мальчик хорошенький, - бесцеремонно заявила девушка то ли себе самой, то ли ему. - Я тебя здесь раньше не видела. Ты новенький? Из балетных?

- Нет, - смутился он, - я... вообще-то, просто кое-кого жду.

- Ну и слава Богу! - выдохнула она с облегчением. - В балете все мужики через одного - голубые. Ты ведь не такой?

Он растерянно и смущённо замотал головой, слегка ошалев от подобного напора.

- Я Лида, - она протянула ему ладошку. - Можно Лидочка. Меня так все зовут, я привыкла.

Ему ничего не оставалось, как тоже представиться. Между тем она деловито отняла у него тетрадку с конспектами и что-то нацарапала карандашом на последней страничке.

- Вот, - сказала балерина, возвращая ему тетрадь. - Позвонишь мне вечером.

- Зачем? - растерявшись, спросил Белецкий. Должно быть, прозвучало не слишком-то вежливо. Но она не обиделась, лишь загадочно улыбнулась:

- Договоримся...

Они действительно славно “договорились”. Практически спелись. Отличный дуэт получился...

Набирая номер Лидочки в самый первый раз, он уже догадывался, понимал, *чего* она от него ждёт, чего хочет. Явно не стихов под луной и букетов с конфетами... Но почему-то это не вызывало отторжения или протеста. Он признался себе в том, что и сам не прочь... ну, хотя бы попробовать.

Едва заслышав в трубке голос Белецкого, Лидочка, не мешкая, продиктовала ему собственный адрес и велела приезжать.

- Прямо сейчас? - как ни пытался он казаться взрослее и опытнее, чем был на самом деле, а всё же не смог скрыть смущения. - Поздно ведь уже...

Она звонко расхохоталась и подковырнула:

- А что, мама не отпустит?

Белецкий покраснел, злясь на себя и на неё.

- Да нет, - стараясь, чтобы голос звучал как можно более беззаботно, отозвался он. - Просто мне потом ещё обратно пилить через пол-Москвы среди ночи... Не ближний свет, знаешь ли.

- Зачем обратно? - удивилась она. - Приезжай с ночёвкой.

Вот так - сразу.

И дальше всё пошло, как по маслу. Он больше не испытывал в присутствии Лидочки ни смущения, ни неловкости. Всё было естественно, непринуждённо и закономерно. Даже то, что она встретила его практически голая и буквально с порога потащила в постель, промычав ему в губы что-то вроде: “Пока ты доехал, думала - умру от нетерпения!” Это не удивляло, не пугало и не отталкивало. Так и должно было быть. Она - женщина. Он - мужчина. Он даже не представлял себе до этого момента, *насколько* он мужчина. Судя по тому, как стонала и извивалась под ним Лидочка, как она до боли стискивала пальцами его плечи и в изнеможении откидывалась на подушку, он, фигурально выражаясь, сдал вступительный экзамен и был принят в качестве партнёра на постоянную основу.

Хотя она, конечно, догадывалась о том, что у него мало опыта. Помимо всех прочих признаков - ещё и потому, что он был моложе на несколько лет. Да и очевидно было, что парень из хорошей семьи: такой не станет таскаться по дешёвым шлюшкам или зажимать ровесниц в вонючих подворотнях. Поэтому Лидочка деликатно наставляла и учила его - не грубыми указаниями, а изящными намёками и подсказками, не словом, а делом. Он был

безумно благодарен ей за это. Ему нравилось её тело, его влекло к ней. Лидочка была симпатичной и ладненькой - невысокого роста, худенькая - сорок восемь килограммов, с длинными ногами и тонкой талией. У неё была идеальная осанка и грациозная походка. Его завораживало то, как она двигалась. А уж в постели что вытворяла!..

Поразительно, но в эти мгновения он совершенно забывал о Кетеван. Не думал о ней. Всё остальное время в сутках было заполнено ею до отказа: он просыпался с нежным именем “Кети” и с ним же засыпал, по-прежнему считая потерянными те редкие дни, когда они не виделись. Сердце его всё так же замирало от одной только улыбки или взгляда искоса, из-под длинных ресниц, в его сторону... Но в тот момент, когда их с Лидочкой тела сливались воедино, когда их дыхания смешивались, а спутанные волосы переплетались - Кетеван просто переставала существовать. Он и помыслить не мог, чтобы во время секса с Лидочкой представлять на её месте... нет, нет, такое ему даже в голову не приходило. Эти стороны его жизни никогда не должны были соприкоснуться друг с другом.

Лидочка не расспрашивала его о личной жизни. Не ревновала и не допытывалась, не обещала сама и не требовала клятв и обещаний от него. Ей действительно с лихвой хватало исключительно телесных отношений. А вот Кетеван, быстро догадавшись о том, что у Белецкого кто-то появился, постоянно норовила выяснить, *кто она*. Его же почему-то ужасно раздражали эти вопросы.

- Тебе-то что за забота? - злился он. - Какая разница, с кем я провожу время ночами?

- Да вообще-то, никакой... - она терялась под холодностью его взгляда. Сандро казался ей чужим в такие моменты. Он как-то резко повзрослел, не огрубел, но... может быть, просто понял себе цену? Кетеван не ревновала, конечно же, нет - она только расхохоталась бы в ответ на такое дикое предположение. Но в глубине души ей было неприятно, что то безграничное восхищение и обожание, которые прежде Белецкий дарил только ей одной, теперь приходится делить с неведомой девицей, завладевшей его телом и душой.

Кетеван и не подозревала, как глубоко заблуждается. Ни восхищения, ни обожания со стороны Белецкого не стало меньше. Да и душа Сандро по-прежнему принадлежала лишь ей, без остатка. Но, набирая по вечерам его домашний номер и всё чаще и чаще слыша в ответ: “Его нет и сегодня, скорее всего, уже не будет”, она испытывала странное чувство досады и смутного беспокойства. Словно её обкрадывают.

Порой он диву давался, как у Лидочки хватало сил на эти отношения. Уж насколько были заполнены дни у студентов-щукинцев, а до балерин Большого театра им всем было далеко. Лидочка просыпалась в семь утра, чтобы успеть к десяти на первую репетицию. Освобождалась она обычно в девять вечера, а если была занята в спектакле - то ещё позднее.

- Слушай, может, ты устала и хочешь спать? - усомнился он однажды, приехав по её традиционному вызову. Время было - почти полночь. Лидочка беззаботно засмеялась.

- Ну, что ты! После спектакля разве уснёшь! Ещё адреналин не выветрился. Наоборот, сейчас мне хочется хорошего, качественного секса, иначе я не успокоюсь... Ну, иди же ко мне скорее!

С Лидочкой ему было легко и хорошо. Он даже по-своему привязался к ней. Несмотря на то, что большая часть их общения сводилась именно к постели, время от времени им удавалось и поболтать, немного узнавая друг друга. Если Белецкий оставался на ночь, Лидочка непременно кормила его лёгким, но питательным ужином, повторяя, что мужчина не должен быть голодным. Сама при этом никогда не ела вместе с ним - просто

устраивалась напротив за столом и трещала без умолку, как сорока.

- Тяжело, наверное, постоянно сидеть на диете? - спросил он как-то. Ему было неловко, что она так старается для него, а сама не съедает при этом ни кусочка.

Лидочка улыбнулась и покачала головой.

- Это уже не диета, а образ жизни. Когда к нему привыкаешь, больше не чувствуешь себя самоограниченцем. У балерин есть золотое правило: не есть много и не есть поздно. Всё просто!

- Но какие-то продукты, наверное, всё равно под запретом?

- Булочки, сахар, газировка... вот, пожалуй, и всё. Меньше соли, меньше специй. Чем проще еда - тем лучше. Овощи, фрукты... Я не испытываю нужды специально худеть или соблюдать жёсткую диету.

- Всё-то у тебя легко и просто, - усмехнулся Белецкий недоверчиво. - А по-моему, балет полон запретов и ограничений...

- Ограничения есть, конечно. Но, если я начну их все перечислять, тебе и правда покажется, что у меня ужасная жизнь, - Лидочка засмеялась. - На самом деле, все эти запреты вполне логичны. К примеру, ноги - это мой рабочий инструмент, поэтому нельзя много ходить пешком. Максимум, полтора-два километра в день. И долго стоять тоже не рекомендуется, именно по этой причине я ненавижу очереди... Нельзя же заставлять, к примеру, оперного певца постоянно кричать - он просто сорвёт себе голос! Потом, мы должны избегать травмоопасных занятий типа катания на коньках или горных лыжах. И вообще, лучше не перебарщивать со спортом, есть риск, что начнут работать совсем другие мышцы, нарастут бёдра, а они для балета неприемлемы.

- Нельзя ходить пешком, говоришь? - он приближался к ней, легко, как пушинку, подхватывал на руки и нёс по направлению к спальне. - Это мы учтём...

Она заливисто хохотала и прижималась к нему крепче, торопливыми гибкими пальцами пробегая вдоль его позвоночника, а он шутливо шлёпал её по попе и приговаривал:

- А вот нарастить бёдра не помешало бы, честное слово!

- Мне нравится, что ты носишь меня на руках, - призналась она однажды, застенчиво уткнувшись ему в плечо, как маленькая девочка. - На сцене я пока не достаивалась подобной чести, я же не прима - так хоть в обычной жизни попробовать... Слушай, как всё-таки жаль, что ты не танцор. Был бы моим партнёром! Если у нас с тобой в постели всё так хорошо, думаю, на сцене мы бы тоже сработались, - она мечтательно улыбнулась. - Ты вообще... способный парень. Во всех отношениях. Ух, как бабы будут сходить по тебе с ума и терять голову!.. Вот помяни моё слово.

- Почему это? - он усмехнулся, впрочем, весьма польщённый.

- Чувствую. В постели ты прежде всего думаешь о партнёрше. Не о себе. Это подкупает, знаешь ли... Ты очень отзывчивый и внимательный. И это не показное, а от души...

Белецкий нежно прикоснулся к её щеке, обводя пальцем веснушки. Они ему ужасно нравились. Лидочка улыбнулась:

- На самом деле, я рыжая.

- Что? - не понял он.

- Я крашу волосы.

- Правда? - удивился он. - Я... не особо в этом разбираюсь. А зачем? Тебе, наверное, и рыжей было бы очень хорошо.

- Так положено. Сценический цвет волос у всех балерин - тёмный, светловолосым

приходится использовать накладки или краситься. Вообще, все девушки из кордебалета должны быть похожи, нельзя привлекать излишнее внимание. Даже удивительно, что, при нашей внешней одинаковости для зрителей, у нас всё равно заводятся поклонники. Ждут после выступлений, дарят цветы, подарки... Скромнее, чем солисткам, конечно. Но всё же...

- Наверное, нелегко пробиться на главные партии? - предположил он. - Нужны связи и блат?

Он не особо интересовался внутренней кухней балета, но захотелось проявить внимание. Лидочка фыркнула в ответ:

- Ещё спрашиваешь! В Большом театре и блат - большой... За первые роли и сольные номера все друг другу глотки перегрызть готовы. Ну, впрочем, как и в любом другом коллективе, где работает много женщин, - хмыкнула она. - Всюду змеи, сплетницы и интриганки, которые рады плюнуть в спину при любой возможности. Нас же в кордебалете - почти сто человек. Сто! И каждая мечтает о том, что когда-нибудь станет солисткой, примой... Мужчин меньше, поэтому их и ценят выше, и платят больше. И они все на виду... - и тут же принялась взахлёб, с восторгом, рассказывать о молодом талантливом паренёчке Коле Цискаридзе, восходящей звезде Большого театра.

- Цискаридзе... - задумчиво повторил Белецкий. - Грузин, что ли?

- Ага, он из Тбилиси. Очень, очень способный! У него пока несколько сольных партий, но ему наперебой пророчат и главные роли в самом ближайшем будущем. А какой красавец... все девочки у нас пищат от восторга. Да только Коля - кремень, ни с кем служебных романов не завязывает... ну, или очень хорошо это скрывает.

Почему-то Белецкому было приятно слышать о том, что один из лучших молодых танцовщиков Большого - именно грузин. Словно, благодаря Кетеван, он и сам немного сроднился с этим весёлым гостеприимным народом...

- Не жалеешь, что выбрала эту профессию? - спросил как-то Белецкий у Лидочки.

- Иногда... Обидно, когда приходится отказываться от больших праздников, - призналась она. - К примеру, Новый год... Вся страна веселится и отмечает с ёлкой, салатами и мандаринами, а у нас в это время выступления. Но в целом... конечно же, не жалею. Я об этом с детства мечтала! А ты? В смысле, почему решил стать актёром? Хотя с твоей внешностью тебе туда прямая дорога, жалко добру пропадать, - она улыбнулась и провела пальцем по его лицу, очерчивая профиль.

- Да на самом деле, как-то спонтанно получилось, - признался он. - В школе в драмкружке занимался, там все ахали - талант, талант... Каких-либо других талантов я в себе так и не обнаружил, вот и решил попробовать. И неожиданно поступил! Одновременно в школу-студию МХАТ и в Щукинское. Подумал и выбрал Щуку. Всё-таки, это одна из самых сильных театральных школ в мире...

- Ты будешь знаменитым, - заявила она уверенным тоном. - Очень, очень знаменитым. Я это тоже чувствую - на интуитивном уровне. Когда-нибудь приду к тебе за автографом, так и знай! По старой памяти дашь мне его вне очереди?

Он засмеялся, не воспринимая её болтовню всерьёз.

Они встретились много лет спустя, когда он действительно стал знаменитым актёром, а она к тому времени уже завершила свою танцевальную карьеру. Век балерины недолог - тридцать пять, максимум - тридцать восемь лет, и она уже выходит в тираж...

Когда возле служебного входа после спектакля Белецкого подстерегла красивая рыжеволосая женщина с букетом и несмело окликнула, он даже не сразу узнал в ней Лидочку. А узнав - очень обрадовался. Она изменилась, а вот осанка, грация и походка остались прежними... Пообщаться им тогда толком так и не удалось - поклонницы, визги, вспышки фотоаппаратов, программки, подsunутые ему для автографов... Только и успели перекинуться парой дежурных фраз. Лидочка, по всей видимости, очень смущалась, осознав, какой большой звездой он стал, и когда Белецкий отвлекся на очередную фанатку, расписываясь ей в блокнотике, попросту испарилась. Ушла по-английски. Обнаружив её отсутствие, он ужасно расстроился и долго потом жалел, что не успел задержать, не сделал и не сказал чего-то важного и искреннего, тёплого, необходимого... В конце концов, в его сердце и памяти Лидочка занимала особое место. Она навсегда осталась для него первой настоящей женщиной. Учительницей, которая сделала из него - мужчину...

Новый, девяносто четвёртый год, встречали в общаге. Мало кто пожелал уехать из города к родителям на праздники - да и смысл? Всё равно в первых числах января начиналась сессия.

Решено было повеселиться на славу. Гуляли целым этажом, вскладчину - каждый собирался притащить в общий котёл что-нибудь вкусное: кто тазик винегрета, кто холодец, кто селёдку... Анжела обещала испечь "Наполеон", а девчонки из тридцать восьмой комнаты - сибирячки - затеяли самые настоящие пельмени. Белецкий поручился, что достанет через приятеля-бармена шампанское и другой алкоголь.

Тридцать первого декабря он забежал к Кетеван, чтобы вдвоём ехать в общагу. Тётя Нателла, всё утро провозившаяся вместе с племянницей у плиты, уже уходила - вечером в Большом показывали традиционный новогодний балет "Щелкунчик". Он застал её в прихожей. Галантно подав женщине пальто, Белецкий поздравил её с наступающим и вручил коробку шоколадных конфет. Тётя Нателла расчувствовалась чуть не до слёз.

- Дай Бог тебе счастья и здоровья, Сандро! - проговорила она. - И пусть жена тебе достанется красивая, умная и послушная...

Его невероятно смутило такое пожелание. Кетеван, выскочившая навстречу Белецкому с одним накрашенным глазом и услышавшая эту фразу, смешливо фыркнула и снова умчалась в ванную - докрашиваться и переодеваться.

- Хорошо вам повеселиться, дети! - уже стоя в дверях и обернувшись на пороге, тётя Нателла помахала рукой в кожаной перчатке. - До встречи в следующем году!

Когда Кетеван принялась деловито складывать в большую хозяйственную сумку какие-то бесконечные кастрюльки и миски, обёрнутые в маленькие кухонные полотенца, Белецкий не удержался от патетического восклицания:

- Господи, женщины, чего вы туда наложили?

- Да так, по мелочи... - отмахнулась она. - Сыр, баклажаны, лобио... Ну, и сациви, конечно. Как ты думаешь, стоит захватить ещё и вино?

- Перебьются, - отозвался Белецкий, забирая у неё тяжёлую сумку. - Выпивки более, чем достаточно. Давай скорее одевайся, нас там давно ждут...

Общежитие было по-новогоднему украшено: снежинки из белой бумаги на окнах, развешанные по стенам плакаты с шуточными стихотворными поздравлениями, самодельные гирлянды из старых открыток и канцелярских скрепок, покачивающиеся в

дверных проёмах, как лианы... Но самое-то главное, конечно, - это настоящая, живая ёлка. Пушистая лесная красавица, которую Жорка Иванов притащил на собственном горбу с ёлочного базара, стояла посреди просторного холла и переливалась разноцветными электрическими огоньками, словно приветствуя всех прибывающих гостей.

- Что, и хоровод водить будем? - засмеялась Кетеван, когда они ввалились с мороза в тёплую общагу.

- Непременно, - подтвердил Белецкий весело, любуясь её разрумившимися щеками и ощущая в себе какую-то полузабытую, детскую радость от предвкушения праздника. - Водить хороводы - это моё любимое занятие... - и, неожиданно даже для себя самого, взял Кетеван за руку. Просто не смог удержаться. Она была такая хорошенькая - с сияющими глазами, восторженной белозубой улыбкой и смоляными волосами, выбившимися из-под вязаной белой шапочки...

Кетеван смущённо опустила ресницы, но своей руки не отняла. Так они и поднимались вверх по лестнице - переплетя пальцы и не говоря друг другу больше ни слова, но у него внутри всё замирало, дрожало и пело от счастья.

В общаге, как всегда, было шумно и весело. С каждого этажа тянуло запахами готовящейся вкуснятины, из комнат доносилась разнообразная музыка. У девчонок пела Анжелика Варум и Алёна Апина, а у парней играл русский рок и крутились модные зарубежные хиты:

- *What is love?*

Baby don't hurt me

Don't hurt me

*No more... **

- Ребята! - на них медведем налетел Жорка, сгрёб в охапку, расцеловал Кетеван в щёчки, а Белецкого обнял так крепко, что у того, кажется, хрустнули все кости. - С наступающим! - похоже, он уже активно начал отмечать.

- Эй, мальчики! - с противоположного конца коридора им отчаянно замахала Анжела Климова. - Вы на кухне срочно нужны, туда надо ещё пару столов внести... Кети, а ты иди сюда, мне тоже требуется помощь!..

Белецкий с огромной неохотой разжал пальцы, выпуская ладонь Кетеван из своей. Та взглянула на него немного виновато и упорхнула к подруге, а они с Жоркой послушно отправились переносить столы.

**"What Is Love" - всемирно известный танцевальный хит исполнителя Haddaway, вышедший в 1993 году. К марту 1994 года уровень продаж сингла составил 2,6 млн. копий.*

К сожалению, когда рассаживались за столами, придвинутыми один к другому, на кухне возникла небольшая неразбериха, поэтому Белецкий в суматохе оказался далеко от Кетеван, на противоположном конце стола. Это немного расстроило его, но он успокаивал себя тем,

что никто не собирается сидеть на своих местах всю ночь. Зато рядом с ним устроился ещё более пьяный, чем в начале вечера, Жорка, и принялся исповедоваться по поводу своих безответных чувств к Анжеле.

Ни для кого на курсе не было секретом, что этот здоровяк запал на Климову. Однако белокурая красotka не спешила отвечать ему взаимностью, даже поцеловать себя ни разу не дала, и это искренне удивляло, огорчало и злило Жорку.

- Нет, Сань, ну вот что ей ещё надо, да? - обиженно гудел он в ухо Белецкому, навалившись на приятеля всей тяжестью своего немаленького и нехуденького тела. - Я вроде не урод какой-то, да? Всё при мне... Ни одна баба ещё не жаловалась. А эта... крутит жопой и не даёт. Думаешь, мне легко каждый день её перед собой видеть? Эти юбки её короткие... колени... нарочно ведь провоцирует, да? Кокетничает, соблазняет... и не даёт!!!

Белецкий слушал его рассеянно, вполуха, постоянно косясь в сторону Кетеван. Та тоже стреляла глазами и неоднократно ловила его взгляд, после чего смущённо отворачивалась или принималась шептаться о чём-то с Анжелой.

“Наверное, тоже нам кости перемывают”, - подумал он со смешком, без злости или досады.

Из магнитофона звучал “Чайф”:

*- Не дай мне повод встретить тебя,
Не дай мне подойти к тебе слишком близко,
Поставь меня обратно со всеми в ряд,
Ведь в этом вопросе лучше без риска.
Не дай мне повод!..
Не дай мне сказать тебе пошлых слов:
Вполне приличных о худших из худших.
Не дай мне сюжетов для сладких снов.
Я начну говорить - ты заткни свои ушики...
Не дай мне протянуть к тебе руки.
Не дай узнать твои губы на вкус.
И следующий мой шаг будет за дверь.
Я непременно уйду и никогда не вернусь...*

Белецкий снова поймал взгляд Кетеван. На этот раз она не отвела глаза, а уставилась ему в лицо - дерзко, с вызовом. Ему почему-то казалось, что в эту новогоднюю ночь в их отношениях случится сдвиг. Что-то определённо изменится. Да, он долго держался - целых полгода. Но так больше не может продолжаться. Он не хочет больше оставаться на второстепенных ролях “лучшего друга” и “плакательной жилетки”. Он хочет, чтобы она наконец-то дала ему повод.

Перехватив направление его взгляда, Жорка понимающе пробасил:

- Что, у тебя та же история? Ты так её ни разу и не трахнул?

- Прекрати, - поморщился Белецкий. - При чём тут это...

- При чём, при чём... - передразнил Жорка. - При всём! Если между парнем и девушкой нет секса, то такие отношения - курам на смех. Тебе не кажется, что она тебя просто динамит? Держит около себя, как на поводке, но и слишком близко подойти не даёт, соблюдает дистанцию...

- У нас с Кети всё не так, - выговорил он с трудом. - Ты просто не понимаешь...

- Ну уж куда мне, - обиделся Жорка. - А вообще, какая-то она... себе на уме. Держи ухо остро, Саня. Что-то она не внушает мне доверия, - и, налив себе очередную стопочку, жажнул её в один миг.

Слышать подобные речи было неприятно.

- Ты просто не знаешь Кети, - сухо отозвался Белецкий. - И вообще, закусывать надо. А с ней и нашими отношениями я сам разберусь. Без посторонних.

- Променял друга на бабу, да? - попенял ему Жорка укоризненно. - Вот увидишь, ты ещё с ней наплачешься... помяни моё слово!

Потеряв терпение, Белецкий подцепил вилкой солёный огурец и сунул Жорке прямо в зубы. Тот послушно захрустел, отвлекаясь от темы беседы, чему Белецкий был несказанно рад.

А в целом, празднование задалось. Они танцевали под магнитофон и пели под гитару, декламировали стихи (артисты же! куда без этого...), устраивали какие-то безумные игры и розыгрыши... Апофеозом веселья стало по-настоящему неожиданное явление Деда Мороза, в котором многие без труда узнали Антона Шаляпина с последнего курса. Он специально пришёл на их этаж, чтобы поздравить “малышей”-первокурсников с наступающим девяносто четвёртым годом и оставить для них мешок подарков. Впрочем, “подарками” их можно было назвать чисто символически. На самом деле, это были всего лишь шуточные новогодние предсказания, написанные на клочках бумаги. Оживлённо галдя, студенты поочередно запускали в мешок руки и выуживали свою “судьбу”. И, надо отметить, она была к ним всем более, чем благосклонна: обещала блестящую карьеру в театре или кино, съёмки у лучших режиссёров страны, кому-то пророчила успех аж в самом Голливуде и получение “Оскара” за лучшую роль, сулила баснословные гонорары и многомиллионные фан-клубы по всему миру. Белецкий вытащил бумажку, которая гарантировала, что он станет секс-символом российского кино, и лишь рассмеялся от этой нелепицы.

А под бой курантов все девчонки дружно писали свои заветные желания на листочках, торопливо сжигали их, высыпали пепел в бокал с шампанским и быстро выпивали. Детский сад, конечно, но всем было жутко весело.

“Интересно, что она загадала?” - подумал Белецкий, исподтишка наблюдая за Кетеван, которая, закусив нижнюю губу и то и дело убирая падающие на глаза волосы, воодушевлённо строчила что-то. Хотя тут к гадалке не ходи - наверняка что-нибудь сказочно-киношно-сентиментальное в духе “хочу выйти замуж за Аслана, жить с ним вместе долго и счастливо и умереть в один день”...

- Ура!.. Ура-а-а!!! С новым годом, с новым счастьем!.. - орали все, обнимаясь, а за окнами раздавались залпы салютов и взрывы петард.

После наступления полуночи у празднования открылось второе дыхание - с удвоенным энтузиазмом зазвучали тосты, вновь зазвенели рюмки, кто-то накладывал себе очередную порцию салатика... а кто-то уже спал лицом в тарелке. Кажется, это был Жорка. Девушки-хозяйюшки, волнуясь, уговаривали гостей не объедаться и “оставить место для тортика”.

Воспользовавшись всеобщей суетой, Белецкий пробрался к Кетеван и тронул её за руку.

- Можно тебя на минутку?.. На пару слов.

Она удивлённо кивнула. Белецкий потянул её за собой из кухни. Ему нужно было найти укромный уголок, где им никто бы не помешал...

Комната, где жила Анжела Климова с другими девочками-однокурсницами, сейчас пустовала и (очень кстати) оказалось незапертой. Белецкий втащил туда Кетеван и аккуратно прикрыл за собою дверь.

Едва они остались наедине, вся смелость его покинула. На самом деле, он всего лишь собирался вручить ей новогодний подарок - не хотелось делать это при свидетелях. Но сейчас даже самые обычные, простые слова давались ему с трудом. В конце концов, он молча достал свой подарок и без излишних церемоний надел Кетеван на руку.

Это был изящный серебряный браслет старинной работы, доставшийся ему от бабушки с папиной стороны. С отцом после развода родителей Белецкий практически не общался, потому что тот жил с новой семьёй на другом конце страны и, видимо, не особо скучал по сыну. Бабушки же давно не было на этом свете, а вот браслет остался. "Подаришь его той, которую полюбишь всем сердцем, - сказала тогда она, заговорщически подмигнув обожаемому внуку. - Я верю, Сашенька, что ты сделаешь достойный выбор".

- Ой... - потрясённо выговорила Кетеван, поднимая руку к лицу и поворачивая её в разные стороны, чтобы получше рассмотреть браслет. - Какая прелесть!..

- Тебе правда нравится? - обрадовался он.

- Ну конечно! - воскликнула она, сияя. - Это... просто невероятно красиво. Мне, на самом деле, даже неловко... Разве я должна принимать от тебя такие подарки? Он же, наверное, жутко дорогой и всё такое...

- Не думай об этом, - отмахнулся он. - Самое главное, что тебе он пришёлся по душе. Тебя это ни к чему не обязывает, - добавил он зачем-то, хотя, положив руку на сердце, многое отдал бы за то, чтобы заставить её почувствовать себя хоть капельку чем-то обязанной ему.

- А ведь я тоже приготовила для тебя подарок! - спохватилась Кетеван и расстегнула свою сумочку. - Целый месяц над ним корпела, между прочим - цени мою жертву, - и смущённо улыбнулась, давая понять, что шутит.

Это был шарф. Тёплый шерстяной шарф, который она связала для него своими собственными руками...

- Чтобы он всегда согревал тебя в морозы, - добавила она, искренне любуясь своим творением и уже пытаясь завязать шарф на его шее, чтобы взглянуть, как он будет смотреться.

А Белецкого вдруг будто озарило. Точнее - торкнуло. Он увидел себя и Кетеван со стороны: оставшись вдвоём в пустой комнате в новогоднюю ночь, они дарят друг другу подарки, её руки обвивают его шею... А между тем, Аслан по-прежнему существует, он никуда не делся. Это о нём она мечтает, о нём плачет, его имя шепчет перед сном и пишет на бумажке, загадывая заветное желание...

Он резко отбросил руки Кетеван, буквально оттолкнул её от себя.

- Сандро, что... что случилось? - опешила она. - Тебе не понравилось?

- Ты бы мне ещё рукавички связала, - со всей язвительностью, на которую только был способен, произнёс Белецкий. - Как младшему братику, чтобы не простужался и сопельки не текли. Как ты тогда обо мне сказала?.. Швило?.. Ну, так "швило" и есть... Ребёнок. Дитяtko неразумное. Ты же именно таким меня воспринимаешь? И Аслану своему так про меня рассказываешь? - он распялялся всё больше и больше. - Или вы вообще обо мне не говорите? Хотя да, кто я такой, чтобы даже упоминать обо мне... Кто-то вроде евнуха в чужой спальне! Абсолютно безгрешный и безопасный, очень удобный "друг"... Да только вот я ни хрена не

внух, слышишь?! И ты даже представить себе не можешь, что я мечтаю сделать с тобой... и как...

- Дурак, - обиделась Кетеван, бледнея на глазах. Развернулась, чтобы уйти, но он уже опомнился и ужаснулся тому, что сказал. Сделал быстрый шаг, преграждая ей дорогу, и притиснул девушку к стене. Жёстко, почти грубо. Она затихла и смотрела на него испуганно. Он взволнованно дышал, не отрывая взгляда от её губ. “Поцеловать... надо сейчас же её поцеловать”, - стучало у него в висках, но он всё не решался. Хотя знал, интуитивно чувствовал, что если захочет и сделает это - она не оттолкнёт его в данный момент. А впрочем, плевать. Если бы он действительно решился поцеловать её, ему было бы абсолютно всё равно, даже если бы она сопротивлялась и кричала.

...Он не стал этого делать. Отступил назад, выпуская Кетеван из захвата, и понял, что силы его совершенно оставили.

- Чего ты хочешь от меня, Кети? - выдохнул он с отчаянием, привалившись спиной к стене, медленно опустился на корточки и прикрыл в изнеможении глаза. - Ты же видишь, ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Зачем ты меня приручила? К чему все эти игры? Взгляды? Прикосновения и объятия? Подарки?! - он изо всех сил сдерживался, боясь позорно разрыдаться, как малый ребёнок. Вот тогда действительно получится самый настоящий “швило”...

- Если ты и в самом деле видишь во мне просто друга... то отпусти меня, пожалуйста. Не давай надежды. Не режь по живому...

Она аккуратно присела на корточки с ним рядом и осторожно провела ладонями по его щекам.

- Сандро...

Белецкий открыл глаза.

- Я так больше не могу... - прошептал он.

- Я не хотела, чтобы так вышло, - пролепетала она растерянно и виновато, с болью всматриваясь в его синие глаза, потемневшие от долго сдерживаемых, так и не пролитых слёз. - Я... совсем запуталась.

- Запуталась? - переспросил он.

- Да, я... я не знаю, что к тебе чувствую. Я люблю Аслана, но... ты мне тоже нравишься... правда... - выдохнула она. Ресницы её задрожали. - И меня это пугает. Я понимаю, что не должна... что это неправильно...

- Почему - неправильно? - заорал он, меняясь в лице. - Да что здесь неправильного?! Тебя тянет ко мне, меня... ты и так в курсе, так в чём проблема?!

- В том, что я люблю Аслана, - внезапно разозлившись, тоже закричала она, испепеляя его гневным взглядом. - Люблю! Слышишь? Только его одного! И буду любить до самой смерти!!!

“Но я другому отдана, - я буду век ему верна”, - некстати всплыли у него в голове пушкинские строки.

- Ну и катись ты к дьяволу, - выдохнул Белецкий устало, поднимаясь. Он словно подвёл для себя некую условную черту. Поставил точку. И в голове, и в сердце была мертвенная пустота. Ледяная стылость.

Вот и поговорили...

Он не помнил, как добрёл до комнаты Жорки, нашёл там на кровати в груде верхней одежды, сваленной друг на друга, свою куртку, как спустился по лестнице и вышел в ночь...

Перед тем, как дверь общаги за ним захлопнулась, в спину выстрелили строки из песни “Агаты Кристи”:

*- Но я устал, окончен бой, беру портвейн, иду домой.
Окончен бой, зачах огонь и не осталось ничего...*

И правда. Ничего не осталось.

ЧАСТЬ 2

*Запомни... а лучше выучи, как пароль:
грусть имеет предел, и любая боль
преодолима, лишь оттолкнись от дна.
Счастье случается, вера в него нужна!
И не старайся зря подобрать ключи
к сердцу тому, что рядом с твоим молчит.
Сильные плачут, слабые только врут.
Помни, на каждый пряник всегда есть кнут.
Вместо "тянуть резину" - руби с плеча,
о близких и нужных людях умей молчать.
Друг может выстрелить в спину, а враг спасти,
если ты сделал выбор - тебе нести.
Время не лечит, если не хочешь сам,
даже у Бога оставлен любовью шрам.
Знай, что у каждого страха есть стоп-рычаг!
Мысли - твоя тюрьма, но и твой очаг.
Пустое даётся легче, но суть одна:
за важные в жизни вещи горька цена.
Не верь в бесконечность завтра, живи "сейчас",
да будет любая правда тебе в запас!
Ответы ищи в тишине, оставляя шум...
...и это последнее, что для тебя пишу...*

Ира Долинная

2019 год, Москва

Определившийся номер был ему незнаком, однако, услышав в трубке хрипловатый и низкий женский голос, он даже не удивился. Словно *знал* это заранее.

- Здравствуй, Сандро, - волнуясь, произнесла собеседница. - Это Кетеван.

- Здравствуй, Кети, - откликнулся он после секундной заминки. - Я узнал.

- А, ну да, конечно, - она засмеялась коротким отрывистым смехом. - Наверное, больше никто из твоего круга общения не называет тебя "Сандро"...

- Не поэтому. Просто узнал. Голос у тебя не изменился.

- Приятно слышать, - ответила она. Повисла неловкая пауза.

- Как ты меня нашла? - поинтересовался наконец Белецкий. Она снова издала странный нервный смешок.

- Шутишь?! Да тебя каждая собака знает. Ты же у нас теперь... звезда.

- Я не в этом смысле. Кто дал тебе номер моего телефона?

- А что, это засекреченная информация? - Кетеван пыталась отшучиваться, но он понимал, что она тоже страшно волнуется. Как и он сам... Стараясь владеть своим голосом, он, тем не менее, так стиснул пальцами спинку дивана, что та аж закрипела.

- И всё-таки? - с нажимом произнёс он.

- О, как всё серьёзно. Ты так оберегаешь своё личное пространство? Я тебя даже боюсь... Анжела, конечно, предупреждала, что ты стал довольно замкнутым и закрытым в последние годы, но чтобы настолько...

Всё ясно... Анжелка, его бывшая жена.

Белецкий прерывисто вздохнул.

- Я не знал, что вы с ней общаетесь. Ты давно в Москве?

- А с чего ты взял, что я в Москве?

- Номер московский определился.

- Ах да, точно... - она хихикнула, дивясь собственной глупости. - Со вчерашнего вечера.

Он молчал. Теперь Кетеван должна была объяснить, чем вызван её звонок, чего она, в конце концов, от него хочет. Но она как-то растерялась, замешкалась... Это было невыносимо.

- Зачем ты мне звонишь? - спросил он прямо.

- Зачем? - её обескуражил этот вопрос. - Я надеялась... я думала... ты что, не рад меня слышать?

- Рад? - он хмыкнул. - Кети, это немного не то слово. Я... просто в шоке. Потому и хочу узнать, зачем понадобился тебе двадцать лет спустя.

- Ты не допускаешь мысли о том, что я могла просто соскучиться? Вдруг меня внезапно накрыла ностальгия по годам учёбы, по Щуке... по нашей дружбе и по тебе.

- Ага. Внезапно накрыла, - ровным голосом повторил он. Она психанула:

- Чёрт, я так не могу!!! Не могу по телефону... У меня полное ощущение, что я разговариваю с чужаком. С незнакомцем, а не с тем Сандро, которого я знала...

"Ты не знаешь меня, теперешнего, - подумал Белецкий. - Совсем не знаешь, Кети".

- Это нормально, - сказал он вслух. - Мы оба изменились, слишком много времени прошло.

- Прости, я, наверное, действительно свалилась тебе, как снег на голову... - пробормотала Кетеван. Ему показалось, что она с трудом сдерживает слёзы.

- Подожди, - перебил он торопливо, уже сдаваясь, уже понимая, что не сможет ей отказать. - Если тебе легче лицом к лицу.. если ты хочешь увидеться - хорошо, давай увидимся. Но учти, у меня очень плотный график. Сегодня я освобожусь только около одиннадцати вечера.

- Я знаю, - она шмыгнула носом, - у тебя спектакль...

- Можем увидеться до моей утренней репетиции, выпить кофе где-нибудь недалеко от театра... Скажем, часов в девять. Тебе удобно?

- Удобно! - она ухватилась за это предложение, как утопающий за соломинку. - Сандро, мне всё удобно! Только скажи, куда нужно подъехать...

Условившись о месте встречи, Белецкий отключил телефон и некоторое время сидел,

уоставившись в одну точку невидящим взглядом. Казалось, что не произошло ничего страшного: мир не перевернулся, всё осталось на своих местах, просто бывшая однокурсница и по совместительству первая любовь позвонила ему с просьбой о встрече... Это ведь ни к чему его не обязывает. Не обязывает, верно?.. Но смутное ощущение *неправильности* происходящего уже зародилось в нём и теперь разливалось по венам тревожно-ядовитым предчувствием.

1994 год, Москва

Их холодная война продолжалась до самого конца зимы.

В январе ещё куда ни шло - сначала сдавали сессию, затем начались каникулы... А вот февраль принёс с собой возобновление занятий, и волей-неволей Белецкому и Кетеван пришлось сталкиваться в коридорах и аудиториях Щуки.

Всё это время они не разговаривали. Ни разу не перекинулись ни словечком, даже в компании однокурсников избегали смотреть друг на друга, пусть даже мимолётно. Это подчёркнутое игнорирование выглядело столь демонстративным, что не осталось незамеченным ни для кого, включая преподавательский состав.

- Белецкий! Нижарадзе! - сердился Мастер. - Может, оставите свои личные разборки за стенами училища? Здесь надо работать, друзья мои. Работать до кровавого пота, а не устраивать показательные истерики...

Слышать это было унизительно и неприятно, но Белецкий ничего не мог с собой поделать. Он не хотел даже глядеть в сторону Кетеван. Чтобы... чтобы не сорваться.

Он отчаянно тосковал по ней. По их общению, прогулкам, беседам на уютной кухне в компании милой тётушки, по совместным визитам в общагу, по их спорам и даже ссорам... Вот только так всерьёз они ещё никогда не ругались.

Иногда ему казалось, что он ненавидит её. Ненавидит за эту необъяснимую власть над ним, за дерзкую красоту и вызывающее поведение, за все те душевные (да и физические тоже!) муки, которые ему пришлось вынести по её милости. Но... стоило вновь услышать неподалёку её залиvistый смех, неподражаемый хрипловатый тембр голоса, уловить аромат её волос, подсмотреть украдкой за трепетанием её ресниц... и он понимал в отчаянии, что по-прежнему обречённо, безнадёжно, безумно любит её.

Да любит ли?.. Ему было трудно судить, тем более, верный товарищ Жорка убеждал его, что это не любовь, а простое увлечение, которое скоро пройдёт. Но, в таком случае, Белецкий вовсе не желал влюбляться, никогда в жизни! Хватит с него и этого *простого увлечения*...

Он продолжал встречаться с Лидочкой, которая по-прежнему от него ничего не требовала, не выясняла отношений, неизменно пребывала в хорошем настроении и отлично удовлетворяла его в постели. Но чем заполнить образовавшуюся пустоту в сердце - эту огромную рваную дыру... он не знал.

Как-то в воскресенье после ночи, проведённой у Лидочки, он поехал проводить её до работы, всё равно домой возвращаться не хотелось, а занятий в Щуке сегодня не было. Вообще-то, с некоторых пор Белецкий подсознательно избегал околачиваться вблизи Большого театра и - тем более - заходить внутрь, опасаясь нечаянной, упаси Боже, встречи с тётёй Нателлой. Ему было неловко и почему-то стыдно перед ней. Но в этот раз он

понадеялся, что ничего страшного не произойдёт. Не может же тётушка постоянно торчать в дверях театра, ей работать нужно.

Поцеловав Лидочку на прощание у служебного подъезда, он развернулся и зашагал было прочь, в сторону Красной площади - захотелось немного прогуляться. И вдруг знакомый негромкий голос, окликнувший его по имени, заставил сердце застучать, как у вора, пойманного с поличным.

- Сандро!..

Разумеется, по закону подлости, это была не тётя, а сама Кетеван. И принесла же её нелёгкая сюда именно в этот день и этот час!

Он стиснул зубы и обернулся. Кетеван стояла в нескольких шагах от него и растерянно теребила в руках ремешок своей сумочки. Похоже, она и сама была не рада тому, что поддалась порыву и позвала Белецкого. Однако сейчас он не мог сделать вид, что её не существует, как в училище. Пришлось поздороваться.

- Привет...

Она робко приблизилась, неуверенно заглядывая ему в лицо снизу вверх.

- Ты... что здесь делаешь?

- Да так, - он неопределённо пожал плечами, - знакомую провожал.

Судя по смущённо отведённому взгляду Кетеван, она успела увидеть и “знакомую”, и их прощальный поцелуй, однако благоразумно воздержалась от комментариев.

- А ты к тётке пришла? - нужно же было хоть что-то спросить у неё ради приличия, хотя ответ был очевиден. Кетеван кивнула.

- Она утром забыла дома свои очки. Позвонила мне уже с работы, попросила привезти, плохо видит без них...

- Ну... - он тоже отвёл глаза. - Тогда иди. Нехорошо заставлять её ждать.

- Да, конечно, - она как-то подавленно кивнула и сделала растерянный шаг в сторону подъезда, а затем вдруг снова оглянулась на него - с отчаянием и тоской.

- А ты... уйдёшь сейчас, да? Ты куда-то торопишься?

Нужно было сказать: да, тороплюсь, у меня куча важных дел утром выходного дня, не смей меня задерживать. Это было бы правильно... Но вместо этого он нерешительно выдохнул:

- Вообще-то, нет... просто собирался погулять.

- Может, подождёшь меня пять минут и мы... - она сглотнула, - погуляем вместе?

Он молчал, не зная, что на это ответить. Какая-то часть его натуры кричала: да, да, я буду ждать тебя, сколько потребуется! А какая-то уговаривала вежливо отказаться и откланяться. Впрочем, можно даже не очень вежливо: например, съязвить - в чём дело, неужели ей некого больше попросить поработать "мужским голосом" в роли Фархада?.. Да иди ты к чёрту со своим Асланом и со своей неземной любовью, думал он, катись из моей жизни... Только, пожалуйста, не отворачивайся от меня, не отводи взгляда, позволь мне ещё хотя бы минутку постоять рядом с тобой!..

Прочитав все эти сомнения и колебания на его лице, Кетеван сникла.

- Ладно... - отозвалась она тусклым голосом. - Я всё поняла. Не смею больше задерживать.

И вот тут Белецкий не выдержал. Сделал шаг и резко притянул её к себе.

- Я скучаю по тебе, Кети, - прошептал он, зарываясь лицом в её волосы и окончательно признавая тем самым собственное поражение. Она в ответ прижалась к нему - с благодарностью и признательностью, по-детски крепко обхватила руками - "не отдам никому!" - и заплакала. Горько-сладко, освобождённо, захлёб.

- Я тоже скучаю... Идиот ненормальный, псих, дурак несчастный!!! - она замолотила кулачками по его груди. - Ненавижу... сволочь, гад, я чуть с ума без тебя не сошла!

- Кто ещё из нас ребёнок, а? - поддразнил он, чувствуя ком в горле. Все эти ругательства казались ему сладкой музыкой. - Разнюнилась, как маленькая...

- Тётя постоянно о тебе спрашивает, - хлюпнула носом Кетеван. - Я ей всё время вру, что ты занят... или что болеешь... По-моему, она догадывается, что у нас что-то произошло, но я... не могу ей ничего рассказать, просто не могу! Может, зайдёшь сейчас со мной... только поздороваться? Чтобы она успокоилась.

- А ничего и не произошло, - он мягкими, бережными движениями вытирал слёзы с её лица. - Мы с тобой друзья и навсегда останемся добрыми друзьями. Ведь так?

- Самыми лучшими? - уточнила она, всхлипнув напоследок.

- Самыми лучшими, самыми близкими друзьями, - подтвердил он. - И я обещаю тебе, что отныне никогда не стану посягать на что-то большее. Не буду давить на тебя и требовать невозможного...

- Спасибо, - она уткнулась ему в грудь, но он ещё не закончил:

- Никогда... если только ты меня сама об этом не попросишь.

Тётя Нателла и в самом деле страшно обрадовалась появлению Белецкого вместе с племянницей. Она от всей души расцеловала парня в щёки, причем, сама тут же смутилась своего порыва и извинилась.

- Я думала, вы поссорились с Кети, просто эта безмозглая девчонка не хочет мне рассказывать... - призналась она, по-матерински обнимая его за плечи. - Тебя ужасно не хватало, Сандро, ну разве можно пропадать так надолго! - и тут же крикнула куда-то в сторону:

- Нино, поставь чайку, дорогая! Ко мне дети пришли.

Белецкий и сам чувствовал, что дико соскучился по этой невероятной, удивительной, прекрасной женщине. По её теплу, неизменному задору и чувству юмора, по её захватывающим театральным байкам, которые он так любил...

Костюмерно-пошивочный цех располагался под самой крышей Большого театра, "под конями", как шутила тётя Нателла. Из окон открывался потрясающий вид на столицу -

пожалуй, один из лучших московских видов, искренне считал Белецкий. Сидя за швейными машинками, мастера могли безостановочно любоваться, как взмывает вверх колесница с четвёркой лошадей, ведомая прекрасным обнажённым Аполлоном.

В театре работало три тысячи человек, из них триста, включая тётю Нателлу, относились к художественно-костюмерной части. Это была пёстрая, разношёрстная толпа, которая целыми днями напролёт чертила или рисовала, кроила, строчила, вырезала, клеила, красила и вышивала - и всё ради того, чтобы вечером зрители увидели очередной яркий и красочный спектакль. В команде трудились мужские и женские костюмеры, художники-модельеры, специалисты по росписи тканей, обувщики и мастера головных уборов...

Тётя Нателла искренне любила свою работу, горела и жила ею.

- Театр становится домом - и это не ради красного словца, так и есть на самом деле, - воодушевлённо рассказывала она Белецкому, пока они пили чай с вафлями в “кухонном” уголке. - Тут и время течёт по-другому, его просто не замечаешь... Опомнись, спохватишься - а уже вечер. Помню, при приёме на работу начальник цеха сказал мне: “Даже если вы умираете, спектакль должен состояться”. Я накрепко усвоила этот урок...

- Год назад у Антонида из “Жизни за царя” сломалась молния на русском платье, - вспомнила Кетеван, посмеиваясь. - Дело было под выходной, мастерские закрылись, так что ты думаешь?.. Тётя притащила наряд домой! До четырёх утра самолично выпарывала старую молнию и вшивала новую...

Работа здесь и впрямь кипела без остановки. Женщины утюжили и отпаривали костюмы, а затем развешивали их на плечики. У каждой солистки был свой персональный костюмер, который был в полном ответе за выход артистки на сцену.

- Мы не только костюмеры, но ещё и психологи, - тихонько поделилась тётя Нателла. - Доподлинно знаем все привычки наших “звёзд”: кто-то облачается в костюм сразу, как приходит в театр, и так репетирует, а кто-то предпочитает переодеваться за пятнадцать минут до выхода на сцену.. Кто-то неизменно вежлив и общителен, а кто-то даже на приветствие не всегда отвечает. Мы не обижаемся, стараемся оградить их от ненужных переживаний и создать хорошее настроение. Они должны выходить на сцену в добром расположении духа. Не забываем хвалить, хвалить и ещё раз хвалить... Пока идёт представление, внимательно слушаем трансляцию - вдруг певица веер забыла или ещё что, а им возвращаться нельзя, примета такая... Вот и несёмся со всех ног за кулисы - на помощь! А иногда весь спектакль торчим за кулисами - бывает, что солисты переодеваются за вечер по нескольку раз... Так мы этот процесс переодевания заранее с секундомером репетируем, честное слово.

- Деи,* ты совсем заболтала несчастного Сандро, - вмешалась Кетеван, которой уже наскучил тётин рассказ - всё это она слышала миллион раз. - Может, отпустишь его на свободу? Мы хотели немного погулять...

- Да, конечно, - виновато спохватилась тётя Нателла. - Я и в самом деле страшная болтушка, а мне ведь ещё и работать надо...

Когда Белецкий с Кетеван, подталкивая друг друга локтями и хихикая, весело переговариваясь о чём-то своём и заговорщически улыбаясь, покинули костюмерный цех, приятельница Нина, проводив их понимающим взглядом, обернулась к тёте Нателле.

- Красивая пара, - заметила она. - И как они подходят друг другу... Ну просто идеально!

- Да, - с едва заметной заминкой отозвалась женщина. - Очень подходят.

**Деи - сокр. от "деида", тётя по материнской линии (груз.)*

День рождения Белецкого решено было отметить на даче дружной компанией: помимо, собственно, именинника, ещё Кетеван, Жорка, Анжела и пара однокурсников. Планировали закупиться продуктами и выехать сразу же после окончания занятий в Шуке, поскольку день рождения выпадал на среду, и никто не позволил бы им завтра прогулять учёбу. Таким образом, в их распоряжении оставались вечер и ночь. Утром в четверг собирались на электричке вернуться обратно в Москву.

- Сынок, а давай, я вам помогу? - внезапно предложила мама в начале недели. - Составь мне список того, что надо купить, я во вторник съезжу на дачу, заночую там и заодно всё подготовлю к вашему появлению. Может, нужно торт испечь?.. Или что-то ещё приготовить?..

Такие благородные душевные порывы вообще-то совершенно не были свойственны его матери, поэтому Белецкий несказанно удивился.

- Спасибо, - настороженно отозвался он, - но мы и сами справимся. Да и какая от тебя помощь? Калитку и дорожки от снега расчистить? Печку растопить? Огонь в мангале развести да шашлык пожарить? На это у нас мужских рук предостаточно...

- Да ведь и для женских рук дела найдутся. Стол накрыть, салатик нарезать, да мало ли...

- С женскими руками тоже проблем не будет, - сухо ответил он, не желая развивать эту тему. Судя по тому, как многозначительно мать закусила нижнюю губу, это и являлось основной причиной её рвения - банальное любопытство. Белецкий так до сих пор и не познакомил её со своей загадочной девушкой. Из него нельзя было и слова вытянуть даже клещами. Мать ничего не знала о подруге сына - ни как её зовут, ни как она выглядит, ни из какой семьи происходит. Белецкому же почему-то совершенно не хотелось, чтобы матушка знала о Кетеван хоть что-нибудь.

- Спасибо за предложение, мама, - повторил он твёрдо, - но мы обойдёмся без подмоги. Не маленькие.

Однако, плохо же он знал собственную мать...

Когда оживлённой гомонящей компанией они вывалились из пригородной электрички, свернули со станции на заснеженную просёлочную дорогу и весело зашагали к дачным участкам, Белецкий издали заметил, что из трубы их дома валит дым. Кто-то был на даче и топил там печь... и этим "кем-то", конечно же, была матушка. Настроение вмиг испортилось. Всё-таки приехала... неужели в человеке напрочь отсутствует чувство такта и собственной уместности?!

Их отношения с матерью были далеки от идеальных - так сложилось с самого раннего детства. Белецкий в глубине души так и не смог простить родителям того, что они развелись и тут же, словно не было сил ждать, обзавелись новыми спутниками жизни. Поначалу отец ещё поддерживал видимость заботы и участия в судьбе сына: забирал его к себе на выходные, водил в цирк и зоопарк, невзирая на явно прохладное отношение к этому со стороны молодой жены. Но вскоре ему предложили отличную должность и квартиру во Владивостоке - и отец, не раздумывая, махнул туда вместе с женой и старушкой-матерью.

Поначалу каждый год он исправно высылал сыну деньги на билеты. Летние каникулы во

Владивостоке стали одними из самых счастливых детских воспоминаний Белецкого. Он до сих пор помнил запахи морской соли, дождя и ветра; как наяву, видел густые туманы и слышал крики чаек на пляже Шамора, прославленном впоследствии группой "Мумий тролль"... А ещё - негромкое пение бабушки, занятой рукодельем, и божественный вкус её стряпни...

Отчим посматривал на эти поездки косо - ему не нравилось, что мальчишка болтается целое лето без его присмотра. Ему всё казалось, что Сашу непременно разбалуют, что он предоставлен там самому себе и пользуется излишней свободой, а это недопустимо в его возрасте.

Ну, а затем во Владивостоке у мальчика родилась сестра, и пыл отца как-то быстро поугас: отныне не было никаких билетов на самолёт, только вежливые приглашения приехать - исключительно на словах. Но Белецкий с несвойственной для его возраста мудростью понимал, что ему точно будут не рады, если он нагрянет на целое лето в семью, увеличившуюся на одного младенца.

Что касается матери, то та полностью выпустила из своих рук бразды управления сыном, уступив их отчиму. Тот не церемонился в методах воспитания: искренне считал, что детей нужно пороть, чтобы научить их уму-разуму.

Собственная ненужность и неприкаянность с детства сидели в Белецком острой занозой, и он так и не смог окончательно избавиться от этой боли всю свою жизнь. Тем противнее и удивительнее казалось то, что сейчас, когда ему уже исполнилось восемнадцать, мать вдруг решила поиграть в заботливую и любящую родительницу, которая искренне интересуется сердечными делами своего сына, не имея на этого абсолютно никакого права...

- Ого, Саня, это ваша дача? - присвистнул Жорка, легко закидывая за плечо большую спортивную сумку, в которой позвякивали бутылки, и обводя восхищённым взором просторный двухэтажный дом с верандой. - Да ты у нас, оказывается, буржуй недорезанный...

Конечно, в глазах большинства своих однокурсников Белецкий и впрямь был таким мажором: благополучный мальчик из обеспеченной семьи, никогда не задумывающийся о том, где бы раздобыть пожрать и как прожить на мизерную стипендию. И они - вечно голодные, нищие обитатели общаги... В их кругу дни рождения отмечались куда скромнее, и уж точно не на даче: накрывали "общак" на кухне или в комнате, каждый из гостей приносил что-нибудь съедобное на праздничный стол - и это было лучшим подарком. Имениннику оставалось купить только алкоголь, а закуску обеспечивали ребята. Даже если в качестве подарка кто-нибудь приносил заправку для борща - он не выглядел при этом дураком. Всё съедалось моментально.

Белецкий не успел ничего ответить в своё оправдание: на крыльце появилась хозяйка дачных владений собственной персоной, одетая в яркий передник, и преувеличенно жизнерадостно заулыбалась гостям. "Ещё бы с хлебом-солью вышла и поклонилась в пояс", - подумал он в сильнейшем раздражении.

- Проходите, проходите, ребята! - захопотала мать, делая приглашающие жесты. - Не стесняйтесь... Да вы не волнуйтесь, как говорится - "я мировая мама, я сейчас всё приготовлю и уйду"!

Кислые физиономии, появившиеся было кое у кого из парней при виде родительницы

Белецкого, моментально исчезли. Все заметно расслабились и обрадовались.

- А мы и не волнуемся, - весело заверила Анжела. - Давайте, поможем вам тут всё приготовить...

Глаза матери заметались с одной девушки на другую - с Анжелы на Кетеван и обратно. И так, кто же? Которая из них? Этот беззвучный вопрос явственно читался по её лицу, но Белецкий не спешил приходить ей на помощь. Не собирался он ничего объяснять... Она всё равно не поняла бы. Климова не обратила внимания на эту пантомиму, а вот Кетеван явно напряглась под испытывающим взглядом матери Сандро, съёжилась и опустила глаза.

- Сашенька, - обратилась к нему мама, - ты сходи в сарай, пожалуйста, заготовь побольше щепок для растопки. Я все остатки использовала... К ночи дом может совсем остыть, вам тут неуютно будет. Мальчики, мангал во дворе, слева от крыльца. Если хотите покурить - только не в доме, хорошо? А девочки мне сейчас помогут на стол накрыть, ведь правда? - оживлённо тараторила она, забалтывая неловкость. - Я с собой из города привезла посуду, скатерть и салфетки... Заодно и посеCRETничаем о своём, о девичьем... и вообще познакомимся поближе.

Наконец, родительница собралась их покинуть, чем вызвала у молодёжи тайный вздох облегчения.

- Проводишь меня до калитки? - попросила она сына. Белецкий покорно двинулся за ней следом. Он понадеялся на то, что хотя бы в день его рождения мать воздержится от советов и бестактных комментариев, но, к сожалению, ошибся.

- А что, - осторожно спросила она, когда они вдвоём шли по узкой тропинке, протоптанной в снегу, - у вас на целом курсе не нашлось девочек... попримечнее?

- Я не знаю, что ты вкладываешь в понятие “приличная девочка”, - язвительно парировал он, мгновенно закипая, - но мне нет никакого дела до целого курса. Я дружу именно с этими девушками. Меня они обе вполне устраивают.

- Дружишь... ну-ну, - она недоверчиво покосилась на сына. - И всё-таки... всё-таки, я думала, что вкус у тебя лучше.

- Господи, - он поднял глаза к небу, - а что тебе не так?

- Ну, допустим, эта Анжела... - осторожно подбирая слова, начала мать. - Она же... просто невыносимо провинциальна! Это видно за версту! Человек совершенно не нашего круга. Охотница за московской пропиской! Как она разговаривает... как вульгарно одевается... как ведёт себя, в конце концов! А эта, как её...

- Кетеван, - подсказал он раздражённо, стараясь, чтобы голос не дрогнул на звуках любимого имени. - С ней-то что не в порядке? Девушка из хорошей и интеллигентной семьи. В московской прописке не нуждается, у неё в столице есть родня.

- Да ты что, сам не понимаешь? - взвилась мать. - Она же... ярко выраженное “лицо кавказской национальности”. Она чёрная! Кто она? Грузинка, армянка?..

- Ну, хватит, - он не намеревался больше выслушивать эти мерзости. - Ты уже и так наговорила много лишнего, не заставляй меня совсем плохо о тебе думать.

- Да я же... - она задохнулась от обиды, - я же всё ради тебя! Поверь, Сашенька, я забочусь о твоём же благе, о твоём счастье!..

- Спасибо за заботу, мамуля. День рождения ты мне испортила, теперь хотя бы потрудишься замолчать и не болтать гадости о моих лучших друзьях.

- Значит, всё-таки эта... Кетеван, - губы матери искривились в брезгливой гримасе. - Это

по ней ты с ума сходишь, из-за неё не ночуешь дома...

- Ошибаешься, - горько усмехнулся он. - И вообще, если дело только в этом, то можешь расслабиться: мы с Кети не пара и никогда не будем ею.

- Ты можешь мне это пообещать? - с надеждой в голосе и одновременно с настолько нищенски-умоляющим выражением лица переспросила мать, что он почувствовал себя совсем паскудно.

- Она никогда не согласится выйти за меня замуж, - отозвался он с непередаваемым сожалением в голосе. Мать ахнула, в ужасе зацепившись за самое последнее слово:

- "Замуж"?.. Хочешь сделать ей предложение? Да ты что, сынок! Тебе же рано... какая свадьба, вы сами ещё дети!..

Его уже окончательно вымотал этот бестолковый разговор. Он устало распахнул перед матерью калитку и кивнул:

- Вот я и говорю - ни о какой свадьбе не может быть и речи. Успокойся, в конце концов, и топай на станцию, а то электричку пропустишь.

Если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что меньше чем через три года он станет мужем Анжелы Климовой - он рассмеялся бы ему в лицо...

Пока он ходил провожать маму, ребята совсем освоились без него. Жорка по-хозяйски установил мангал, развёл в нём огонь и под одобрительными взглядами однокурсников принялся нанизывать маринованное мясо на шампуры. Кетеван с Анжелой хлопотали неподалёку, возле самовара. Ожидая, пока он закипит, девушки дурачились и с громким смехом кидались друг в друга снежками. Парни сидели на скамейке возле крыльца и, с удовольствием вытянув ноги, дружно пускали в небо сигаретный дым. Было ещё довольно светло.

- У тебя и правда мировая мать, Санёк, - заметил Жорка с уважением. - Дом прогрела к нашему приезду, на стол накрыла... а теперь ещё и безропотно самоликвидировалась, чтобы не мешать нам веселиться. Всем бы таких понимающих предков!

- Она у меня мягко стелет, да жёстко спат, - негромко пробормотал Белецкий, и, чтобы сменить тему, обратился к Анжеле с Кетеван:

- Девчонки, вы можете отнести свои вещи наверх, в мансарду! Только осторожно, лестница очень крутая, постарайтесь шею себе не свернуть. Там всего одна комната, считайте, что она ваша. Постельное бельё в шкафу. Вас там никто не побеспокоит...

- А может, мы наоборот хотим, чтобы побеспокоили? - кокетливо спросила Анжела. Жорка, стоя у мангала, сердито погрозил ей издали кулаком:

- Дошутись ты у меня, Климова...

Она в ответ показала ему язык, не воспринимая эту угрозу всерьёз.

Белецкий знал, что у Анжелы с Жоркой уже "всё было" - приятель поделился по секрету. Это случилось на зимних каникулах, и, откровенно говоря, однокурсник, добившись желаемого, быстро охладел к девушке. Он и заигрывал-то с ней до сих пор и флиртовал больше на публику, по-актёрски позёрствуя, а на деле их недороман стремительно катился к завершению.

- Если бы Кети дала тебе разочек - пойми, дурень, твою любовь до гроба тоже сняло бы как рукой! - втолковывал Жорка Белецкому, злясь на друга и одновременно жалея его. - Вот на хрена было с ней мириться? Потерпел бы ещё пару недель - и она сама бы к тебе

прибежала, готовенькая, и в постель бы прыгнула с большим удовольствием, и была бы согласна абсолютно на всё! Баб же равнодушие заводит больше всех ухаживаний и рыцарских поступков! Надо было просто подольше её помариновать. А теперь ты опять в роли трепетного пажа на бесправных условиях...

Иванов по-прежнему в глубине души недолюбливал Нижарадзе и потому периодически подкалывал её, упорно называя их с Белецким пару "влюблёнными голубками" и прочими эпитетами, чтобы ещё раз полюбоваться, как она злится. Он не подозревал о существовании Аслана и потому был уверен, что Кетеван просто набивает себе цену, "кобенится".

- Да она сука, Санёк, стерва бездушная! - горячо убеждал он Белецкого, хотя того коробили подобные разговоры. - Она над тобой просто издевается! А если потребует пройти по карнизу пятого этажа - ты пойдёшь? Наверняка, пойдёшь... лишь бы заслужить её одобрение и улыбку. Тьфу, мужик ты или кто?!

Откровенно говоря, Жорка был неправ. Просто он многого не знал, поскольку даже в разговорах по душам Белецкий не хотел вдаваться во все нюансы своих отношений с Кетеван. А отношения действительно изменились. Да, он был по-прежнему влюблён, но девушка больше не подливала масла в огонь, даже шутя. Отныне никаких провокаций, будоражащих касаний, невинного флирта и двусмысленных намёков. Исключительно тёплое, исключительно душевное, исключительно дружеское общение. Он принимал это с благодарностью, потому что так ему и в самом деле было легче. Видеть её, разговаривать с ней, пользоваться её безграничным доверием - этого было вполне достаточно. Для секса есть Лидочка. Котлеты отдельно, мухи отдельно.

Самовар всё никак не закипал. Кетеван, заскучав, изъявила желание осмотреть мансарду. Белецкий пошёл проводить девушку наверх и заодно показать, что там и как обустроено.

Едва они остались наедине, Кетеван обернулась к нему и проговорила со странным выражением лица:

- У тебя очень красивая мама.

- Ну да, она неплохо сохранилась для своего возраста, - пошутил Белецкий, а Кетеван не спросила, нет, скорее - констатировала:

- Я ей не понравилась.

От растерянности он призвал на помощь весь свой артистический дар и натурально изобразил искреннее удивление:

- С чего ты взяла? Мы с ней вообще о другом говорили...

- Вы-то, может, и о другом. Но как она на меня смотрела, пока была в доме...

Белецкий замер, поражённый неприятной догадкой.

- Она тебе сказала что-то?

Кетеван успокаивающе улыбнулась.

- Ну, что ты, Сандро... Твоя мама для этого слишком хорошо воспитана. Но в её взгляде читалось явственное предупреждение, что если я приближусь к тебе чуть больше, чем позволяют приличия - мне не сдобровать.

Она гордо поджала губы, стараясь скрыть от Белецкого то, как её уязвило подобное отношение, и отвернулась к окну, делая вид, что рассматривает видневшийся в отдалении лес. Он же, прекрасно всё замечая и понимая, буквально готов был заплакать от обиды за неё и злости на собственную мать. Желая успокоить Кетеван, он подошёл к ней сзади, обнял за

худенькие плечи и уткнулся подбородком в её макушку. Однако она отвергла его жалость.

- Да расслабься ты. Меня это не слишком задевает. Честно. Даже наоборот... что-то вроде тренировки.

- В каком смысле? - недоуменно спросил он.

- Ну, мать Аслана, когда мы с ней всё-таки познакомимся, наверняка тоже не придёт от меня в восторг... я заранее предвкушаю её отношение, - Кетеван выскользнула из его объятий и уселась на кровать, закинув одну ногу на другую. - Аслан говорил, что мама у него очень властная и... консервативная. Из семьи с традиционными взглядами. А тут я! Не мусульманка, не скромница, не покорная и не тихая - будущая жена её сына...

- Слушай, не хочу тебя пугать, но... консервативная мусульманская семья - это не шуточки, - стараясь не заводиться от этой, по-прежнему ненавистной ему, темы, начал он. - Я, конечно, понимаю, что тебе сейчас море кажется по колено и рай с милым в шалаше. Но, поверь, разность культур и воспитания... всё это аукнется тебе ещё не раз, даже если вы поженитесь со своим Асланом.

- Даже если? - с нажимом, насмешливо переспросила она. Ответить Белецкий не успел - их позвали снизу.

- Эй, влюблённые! - бесцеремонно заорал Жорка. - Хватит миловаться, ещё успеете. Идёмте чай пить, пока шашлык не поспел!

Белецкий первым выскочил из комнаты и сбежал по лестнице, пытаясь унять всё возрастающее раздражение. И когда же он, наконец, научится контролировать себя и не так бурно реагировать на любое упоминание имени Аслана?.. В конце концов, Кетеван для себя всё уже давным-давно решила. Он не в силах повлиять на её решение.

Впрочем, на свежем воздухе его дурной настрой как рукой сняло. Белецкий уселся рядом с однокурсниками на скамейку и с благодарностью принял из рук Анжелы кружку с крепким травяным чаем.

Вслед за ним неторопливо спустилась и Кетеван. Она остановилась неподалёку с самым независимым видом и получила свою кружку чая от подруги.

- Хорошо-то как! - вдыхая запах готовящегося на углях мяса, произнесла Анжела. - В такую погоду ещё здорово на лыжах кататься. Ох, как же я люблю лыжи...

- Так вперёд, - отозвался Жорка со смешком. - Вон, в сарае три пары лыж валяется, я видел... Выбирай на свой вкус!

- Сейчас всё же не советую, - мягко вмешался Белецкий. - Я и сам люблю на лыжах погонять, но через полчаса уже темнеть начнёт.

Климова, похоже, всерьёз расстроилась из-за этого обстоятельства.

- В этой вашей Москве я даже зимы толком не ощутила, - девушка капризно надула губы. - Что есть она, что нет - не почувствовала... Вот уже и второе марта. Скоро всё таять начнёт...

Между тем Жорка снял с огня шампуры, ухватив их по несколько штук в каждую руку, отчего стало казаться, будто он держит два огромных букета гладиолусов.

- Отворяйте мне двери, холопы! - басом пропел он, подражая оперным певцам. Парни распахнули дверь веранды, и Жорка с шашлыками торжественно вплыл в дом.

Празднование начиналось...

Воздух внутри уже совершенно прогрелся от раскалённой печки, и всем тут же стало

жарко в свитерах. В доме было уютно и хорошо, а накрытый стол радовал глаз и заставлял урчать желудок вечно голодных студентов.

Все торопливо расселись и с радостными возгласами принялись за еду. Ну, и за выпивку, конечно, тоже. Её привезли с собой не настолько много, чтобы нажраться в хлам до поросычьего визга, но и не просто для “понюхать”.

Все тосты сегодня произносились исключительно за Белецкого, как за виновника торжества: прославляли его восемнадцатилетие, желали здоровья, пили за прекрасное настоящее и многообещающее счастливое предстоящее, за успехи в будущей карьере и, конечно же, за любовь...

Кетеван, уже начисто забывшая сцену в мансарде, смотрела на него, как ни в чём не бывало, подставляла свой бокал, чтобы “чокнуться”, улыбалась и тоже произносила какие-то искренние сердечные пожелания... А Белецкий всё никак не мог забыть тот разговор наверху. Имя Аслана крепко засело у него в голове, как заноза, и он понимал, что, помимо банальной ревности, сюда впервые примешивается ещё и серьёзное беспокойство за Кетеван. Ему - невольно, неосознанно - хотелось защитить её, уберечь от неизбежного разочарования. Чего она там себе навоображала, глупышка маленькая...

Ему же самому с каждым днём этот брак казался всё более и более сомнительной идеей. Не придумала ли дурёха того, чего нет, вознесясь на крыльях своей мнимой любви? Не придётся ли вскоре больно шмякнуться о суровую реальность? А может, её просто притягивает аура недоступности, невозможности счастья... Кто знает, как всё повернулось бы, если бы у них с Асланом сразу всё сложилось. Вдруг она охладела бы к нему уже через пару месяцев... Хотя, положив руку на сердце - был ли уверен сам Белецкий, что любил бы свою Кети с прежним пылом, ответь она на его чувства согласием?..

- Сандро, - попросила Кетеван с покрасневшими щеками и возбуждённо блестящими глазами, - а почитай стихи! Мне так нравится, как ты это делаешь...

- О-о-о, - многозначительно сдохнул Жорка, - какие у вас затейливые сексуальные игры, друзья. Вас возбуждают ритмы... поэзии?

- Заткнись, Иванов, и не завидуй, - со смехом перебила его Анжела. - Никто у нас на курсе читает так, как Сашка. А ты и вовсе завываешь, как кришнаит, когда декламируешь.

- Ну так что? - умильно взглянула на него Кетеван. - Прочтёшь нам что-нибудь? Что-нибудь такое... ух, нежное, откровенное, чтобы за душу взяло!

Разве он мог ей хоть в чём-то отказать?.. Прав, тысячу раз прав был Жорка. Спасибо хоть, не по карнизу пройтись попросила.

Мгновение спустя он уже читал Александра Кушнера. Это стихотворение первым пришло ему в голову и, пожалуй, было чуть более личным, чем он желал бы продемонстрировать окружающим. Но было поздно. Его уже закрутила воронка чужой любовной лирики, так удивительно и странно переплетающаяся с его собственными переживаниями...

*- Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.*

Какая мука, благодать -

*Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.*

*Какая жизнь - сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье - ждать письма
По месяцам - и не дожидаться...*

Это было практически публичное признание. Читая стихотворные строки, он смотрел Кетеван прямо в лицо, словно наказывая её за невинную просьбу: такого откровения ты ждала? этой нежности хотела?.. ну, так получай!

Кетеван плотно сжала губы, наблюдая за ним со смешанным чувством восхищения, растерянности и страха: куда-то его ещё занесёт?.. А его физически выматывало это стихотворение, он чувствовал, что, выворачивая душу, теряет силы. Последние слова он договаривал уже совсем тихо, почти шёпотом, по-прежнему не отрывая взгляда от Кетеван.

*- Что с горем делать мне моим?
Сти. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!*

Он закончил читать, и на некоторое время над столом повисла одуряющая тишина. Никто не знал, как правильно реагировать на эту внезапную исповедь, этакую поэтическую истерику: даже дураку было понятно, что у Белецкого здесь больше личного.

Все искоса поглядывали на Кетеван, ожидая, прежде всего, её реакции на происходящее. А она вдруг без единого слова встала, гибко потянулась за гитарой, прислонённой к стене (кто-то из ребят захватил инструмент с собой), снова уселась на место, устроила гитару у себя на коленях и заиграла. А потом - запела своим удивительным, чуть хриловатым, чувственным голосом знаменитый романс “Не обещайте деве юной...”* Это был её ответ Белецкому, а заодно и попытка разрядить обстановку.

*- ...И как ни сладок мир подлунный,
Лежит тревога на челе -
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.
...Течёт шампанское рекою,
И взор туманится слегка.
И всё как будто под рукою,
И всё как будто на века.
Крест деревянный иль чугунный
Назначен нам в грядущей мгле -
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...*

Белецкий сидел оглушённый, опустошённый, подавленный и обессиленный, словно из него разом выкачали все жизненные соки, и не отрывал взгляда от Кетеван. В висках стучало, как отбойным молотком: “Люблю... люблю... люблю...”

Умница Анжела догадалась, как вернуть вечеру былую лёгкость и непринуждённость: предложила всем попить чайку. Быстренько убрав грязную посуду, она попросила Жорку принести с улицы самовар. На столе оставалась лишь последняя бутылка вина да коробка шоколадных конфет.

Между тем, уже совсем стемнело. В комнатах горел электрический свет, а на веранде, где был накрыт стол, зажгли две старинные керосиновые лампы. Стало совсем уютно и как-то умиротворённо: казалось, что каждая встревоженная душа и любое мятущееся сердце неизменно должны успокоиться при этом мягком свете. Все постепенно снова расслабились и принялись беззаботно болтать, Жорка отобрал у Кетеван гитару и сам забренчал что-то лёгкое, весёленькое, задорное...

И только Белецкого ещё долго колотило от эмоций. Он и не представлял раньше, даже не догадывался, как невыносимо больно бывает, если вкладываешь в исполнение *своё*... Не подозревал он и о том, что подобное умение свойственно лишь по-настоящему талантливым людям. Поэтому они и сгорают так рано. Так ярко. Так... отчаянно и безнадежно.

**Песня кавалергарда из кинофильма "Звезда пленительного счастья" (музыка Исаака Шварца, слова Булата Окуджавы).*

Весна пролетела быстро - никто и оглянуться не успел. И вот уже на носу вторая сессия, и снова бесконечные зачёты, экзамены, прослушивания и просмотры... Впрочем, это касалось не только первокурсников и не только актёров. Всё училище - и младшие, и старшие курсы - трясло в этот период не по-детски, студенты жили на валерьянке и чёрном кофе.

Обитатели Большого Николопесковского переулка уже не удивлялись, если их внезапно атаковали учащиеся Щуки. То к беззаботному собачнику, выгуливающему своего мопса, подбегал студент режиссёрского факультета и слёзно умолял одолжить псину ненадолго - для съёмок короткометражки... То в ближайшее кафе гурьбой вваливалась молодёжь и упрашивала бармена предоставить им пару стульев “вот для такого малю-у-усенького эпизода!” То носились по дворам и расспрашивали сидящих на лавке бабулек, не завалюсь ли у них старого драпового пальто, непременно с каракулевым воротником?..

Сдавая хореографию, парни метались по общаге в поисках лосин.

- Ара, я мужчина, армянин, мне двадцать пять лет! - злился третьекурсник Тигран Аштоян. - О чём ты меня вообще спрашиваешь? Какие, в жопу, лосины?! - он захлопывал дверь, но через несколько секунд возвращался, смущённо протягивал требуемое и негромко добавлял:

- Вот, возьми... Только не говори никому, что они у меня были. Позора не оберёшься!

После экзаменов друзья-однокурсники разъезжались на каникулы по своим родным городам и весям. И Жорка, и Анжела... Кетеван, дождавшись окончания сезона в Большом театре, отправлялась вместе с тётёй Нателлой в Тбилиси.

Белецкий понятия не имел, как будет жить без неё целых два месяца, он пока просто боялся думать об этом. Оставшееся до расставания время они с Кетеван постоянно проводили вдвоём, как попугайчики-неразлучники - гуляли по летней Москве, ездили на пляж, купались, ели мороженое и клубнику... и разговаривали, разговаривали, разговаривали, словно старались наболтаться впрок, с запасом.

- Почему бы тебе не вернуться вместе с тётей? - осторожно спрашивал он, намекая на то, что в августе стартует новый театральный сезон и тётя Нателла должна будет возвратиться в столицу раньше племянницы. - Чего тебе торчать там ещё целый месяц без неё, одной...

- "Там" - это у себя дома! - смеясь, напоминала Кетеван. - И не одна я буду, а со своей семьёй. С родителями, бабушкой, другими близкими людьми... Я их два года не видела, глупый!

Одно его утешало - в Тбилиси хотя бы не было Аслана...

И даже Лидочка, милая славная Лидочка, собиралась его покинуть - в июле она должна была улететь с труппой на гастроли в Лондон, а затем в Рим и Париж. Глаза её сияли воодушевлением и предвкушением, когда она поделилась этой потрясающей новостью с Белецким.

- Сначала хотели взять Соломатину, она протезе одного из наших хореографов, так что это неудивительно... - оживлённо рассказала ему балерина. - Но худрук заявил, что полечу именно я, потому что двигаюсь лучше и на сцене выгоднее смотрюсь! У меня будет сольная партия в "Лебедином озере", ты представляешь?.. Выход в испанском танце - в чёрно-красном платье, с веером... До сих пор не могу в это поверить! Ох, Соломатина меня теперь, наверное, убить готова, но я же не специально у неё этот кусок изо рта вырвала...

Он был искренне рад за неё и пропустил мимо ушей фразу о том, что отвергнутая соперница готова Лидочку "убить". Как оказалось, зря...

Через несколько дней, когда Белецкий позвонил Лидочке уточнить дату отъезда, он услышал в трубке, что девушка захлёб рыдает - так, что не может выговорить ни слова. Чтобы не тратить время на ненужные расспросы, он тут же сорвался и поехал к ней домой. Ему долго никто не открывал, хотя он прекрасно знал, что хозяйка дома: в окнах её квартиры горел свет, он видел его с улицы. Наконец, дверь распахнулась, и Лидочка предстала перед ним во всей красе: с зарёванным лицом, распухшим носом, красными глазами и... с костылём, на который опиралась.

- Я ногу... сло... сломала! - проревела она отчаянно, заикаясь и дрожа всем телом. - Я не еду... на гас... гас... тропи... - и её сотряс новый приступ рыданий.

Он, ни о чём не спрашивая, аккуратно подхватил её на руки, стараясь не потревожить больную ногу, отнёс в комнату, усадил к себе на колени и долго-долго успокаивал, утешал и гладил по волосам, как ребёнка, пока она не затихла и не смогла более-менее связно рассказать о произошедшем. Оказалось, у Лидочки сломана плюсневая кость стопы. Это означало, что в гипсе проходить придётся как минимум месяц.

- Кто-то подрезал мне ленточку на пуантах, - всё ещё изредка всхлипывая, поделилась девушка. - Я и не сразу заметила, её так аккуратно завязали... Оступилась прямо на стыке у рампы, возле оркестровой ямы... хорошо хоть, вниз не загремела. Это было самое начало спектакля. Зал битком, представляешь... все сидят, смотрят... что мне оставалось делать?..

Решила потерпеть...

- Потерпеть? - не веря своим ушам, переспросил Белецкий. - Ты танцевала со сломанной ногой?!

- У меня очень высокий болевой порог. Для балерин все эти травмы, вывихи и переломы - дело обычное... Со мной и раньше бывало такое, я около года назад ломала ключицу... сначала, конечно, больно, а потом просто чувствуешь тепло - и всё. Только и успела шепнуть за кулисы, чтобы врача вызвали. Мне вкололи обезболивающее, я кое-как дотанцевала первый акт до конца, а потом уже выпустили другую девочку на замену...

- Ты говоришь, ленточку подрезали, - он с тревогой взглянул на неё. - Это серьёзно? У вас такое бывает? Я думал, что все эти легенды о лезвиях в пуантах и прочих балетных кознях - не более, чем страшилки.

- У нас всякое бывает, - вздохнула Лидочка. - Особенно если на кону - роль, а также поездка за границу...

- Я так понимаю, ты догадываешься, кто это сделал?

Она улыбнулась его наивности.

- Ну конечно. Соломатина, кто же ещё... она уже мою роль репетирует и костюм ушивает. Да только доказательств у меня всё равно нет...

Он прижал её голову к своей груди.

- Ничего... будут у тебя в жизни ещё заграничные гастролы, не переживай.

- Спасибо тебе, - выдохнула она. - Спасибо, что приехал. Я тут чуть с ума не сошла за эти два дня одна. Всё плакала и плакала...

Лидочка переехала в Москву несколько лет назад из далёкого уральского городка, и некому было поддержать её в столице.

- Наверное, даже поесть забывала? - он расстроено покачал головой. - Ну ничего, теперь я здесь... и я за тебя возьмусь, так и знай. Отказы не принимаются!

Только поздним вечером он, спохватившись, вспомнил, что зван сегодня на прощальный ужин к семейству Нижарадзе... Тётя Нателла собирала небольшое застолье в честь своего отъезда в Грузию: пара сослуживиц из Большого, а также друзья Кетеван - Анжела и Белецкий. Это совершенно вылетело у него из головы!.. Кети его убьёт, точно убьёт.

- Могу я воспользоваться твоим телефоном? - спросил он у Лидочки. Та кивнула:

- Конечно. Если тебе надо уйти по своим делам, ты не стесняйся... мне уже лучше, правда. Я вполне могу справиться сама, ты не обязан со мною нянчиться.

- Ну, нет уж, - отрезал он. - Одну я тебя точно не оставлю. По крайней мере, в первое время...

Заслышав в трубке голос Белецкого, Кетеван обрадовалась и рассердилась одновременно.

- Сандро! Ну, куда же ты провалился?! Все уже собрались давно, а тебя всё нет и нет, я не могу дозвониться, у вас дома никто к телефону не подходит...

- Кети, - он смущённо кашлянул, - тут такое дело... в общем, я не приду. Не могу. Извинись, пожалуйста, перед тётей... и сама прости меня.

- Что случилось? - испугалась она. - У тебя какие-то проблемы?

- У меня нет. Просто близкий мне человек попал в беду. Я сейчас должен быть рядом.

Кетеван помолчала, осмысливая информацию, а затем проницательно уточнила:

- Близкий человек... он или она?

- А это имеет какое-то значение?

- Значит, "она", - догадалась Кетеван. - Понятно...

- Да что тебе "понятно"? - внезапно разозлился он. - Я действительно просто не могу сейчас быть у вас, постарайся это принять.

- Я всё понимаю, Сандро, - подчёркнуто спокойно произнесла она. - Ты не переживай. Я не обижаюсь, и тётя тоже не обидится. Просто... досадно немного, мы же потом с тобой так долго не увидимся!

Это было - словно ножом по сердцу. Но он не мог, никак не мог сейчас бросить Лидочку!..

- Прости меня, - повторил он тихо. - Я буду очень скучать.

- Пока, - суховати ответила она и повесила трубку.

- Ты звонил своей девушке? - понятливо спросила Лидочка, увидев его расстроенное лицо, когда он вернулся в комнату. Не то, чтобы она специально подслушивала, но всё равно обрывки разговора невольно доносились до её ушей.

- У меня нет девушки, - ответил он без всякого выражения и опустился на диван рядом с Лидочкой.

Она протянула руку и осторожно провела по его тёмным волосам.

- Мне жаль, - тихо сказала она, - что из-за меня тебе пришлось нарушить свои планы.

Он перехватил её руку, прижал ладошкой к своим губам, поцеловал и успокаивающе улынулся.

- Мои планы на ближайшее время - только ты.

Белецкий провёл у Лидочки весь июль. Можно сказать, переехал к ней с вещами.

Он практически перестал появляться дома, а в редкие набеги на родную квартиру отбивался, как мог, от назойливых расспросов матери - у кого он живёт, "у той самой грузинки или у кого-то ещё?"

- Остань от парня, - миролюбиво посоветовал отчим. - Какая тебе разница? У бабы - и ладно. В его возрасте это нормально.

Белецкого буквально передёрнуло от "бабы", но он предпочёл не акцентировать на этом внимание. Сил и желания на разборки с отчимом не было, да и времени - тоже. Он просто в очередной раз поразился про себя: как вышло, что его интеллигентная, воспитанная и образованная мать, снобка и чистоплюйка, выбрала себе в спутники жизни такого мужлана?..

Он достал из шкафа спортивную сумку и принялся кидать туда вещи первой необходимости.

- Похудел-то как! - запричитала мать, не обращая внимания на увещевания супруга. - Глаза ввалились... Она тебя что, совсем не кормит, эта твоя... - и многозначительно замешкалась, подыскивая подходящее определение.

- Ну так, наверное, они все калории сжигают... активными физическими упражнениями, - плоскосто схохмил отчим, и Белецкий закусил нижнюю губу, чтобы не сорваться. Лицо матери побледнело от ненависти к коварной пройдохе, которая завладела телом и мыслями её сына.

- И ты так спокойно об этом говоришь?! - упрекнула она мужа.

- Хуже было бы, если бы он вообще не интересовался противоположным полом.

Главное - чтобы в подоле не принёс! - отозвался тот и захохотал, по-детски радуясь собственной несмешной шуточке. - Саня, я надеюсь, вы исправно предохраняетесь? Учить тебя не надо?..

Мама прижала пальцы к вискам, демонстрируя, что ей дурно. Белецкому уже порядком поднадоела вся эта трагикомедия, фарс под названием "матушка пытается наставить блудного сына на путь истинный". Он застегнул молнию на сумке и почти бегом выскочил за дверь, наспех попрощавшись.

У Лидочки ему было хорошо и спокойно, несмотря на то, что он взвалил на себя все заботы по хозяйству и уходу за больной. Но, во всяком случае, никто не выедал ему мозг...

Белецкий бегал в магазин за продуктами, готовил простую еду, по совету врача покупал в аптеке кальций и витамин D, помогал травмированной девушке перемещаться по квартире, буквально на руках носил её в ванную и даже в туалет, хотя она уверяла, что справляется сама и вполне резво скачет на одной ноге. Лидочка была бесконечно благодарна ему за заботу и внимание. Его же восхищала сила её духа. Даже с гипсом она продолжала заниматься, делала ежедневную растяжку, чтобы не терять форму, выполняла упражнения и танцевальные па здоровой ногой.

- Ты мой маленький стойкий оловянный солдатик, - шутил Белецкий.

- Такая же одноногая? - отшучивалась балерина в ответ. - А вообще, рано радуется Соломатина! Явлюсь в августе к открытию сезона целая и невредимая и буду порхать, буквально летать над сценой!

- Ни капли в тебе не сомневаюсь, - искренне говорил он. Его заразила и убедила её уверенность в собственных силах. Она с жаром приводила примеры из жизни, когда знакомые балерины восстанавливались после очень тяжёлых травм.

- Самое страшное для танцора - это разрыв ахиллова сухожилия, - объясняла Лидочка. - А мой перелом - тьфу, даже и разговаривать не о чем. Всё срастётся!

Правда, иногда в её глазах мелькал скрытый страх - она сомневалась, доверят ли ей после такой травмы сольные партии. Как ни крути, а уникальный шанс сверкнуть в "Лебедином озере" был упущен, и в ближайшее время ей вряд ли снова представится подобная возможность. Но Лидочка всё равно была настроена самым решительным образом.

Вечерами, когда жара немного спадала, они спускались во двор (вернее, он спускал её на руках) и, если было настроение, направлялись в сторону ближайшего сквера. Лидочка старательно ковыляла на своём костыле, а он следил, чтобы она не слишком напрягалась, и по необходимости поддерживал, уменьшая ей нагрузку.

Они садились на лавочке у пруда, чтобы покормить уток остатками утренней булки и заодно надышаться кислородом перед сном.

- Мы как парочка заправских пенсионеров, - смеялась Лидочка. - Эдакие старые пердуны... Милый, ты не видел мою искусственную ногу?

- Нет, дорогая, - шамкая, отвечал Белецкий, - а куда ты положила мою вставную челюсть?

- Ах, она была в стакане с водой, я, наверное, запивала своё лекарство от склероза и нечаянно проглотила!..

А ночами у них был жаркий секс - вовсе не "пенсионерский", пусть и не такой

сумасшедший, как раньше, просто он боялся нечаянно причинить ей боль.

И всё было так хорошо, так мирно, чинно и благородно, что он почти убедил себя в том, что избавился от своей роковой зависимости по имени Кети. Он практически не думал о ней - так ему казалось. Ему просто больше некогда было забивать себе голову романтическими бреднями...

Однажды вечером, когда они вдвоём с Лидочкой сидели в сквере и она оживлённо рассказывала ему какую-то очередную театральную сплетню, Белецкий вдруг нечаянно наткнулся взглядом на фигурку девушки в конце аллеи. Дыхание перехватило, а сердце, моментально *узнав*, хоть и не веря этому узнаванию, забилося с бешеной частотой.

Девушка шагала по дорожке в сторону выхода. Лица её Белецкий не видел, но... разве он мог не признать эту стройную спину, идеальную линию плеч, рассыпавшиеся небрежной копной длинные тёмные волосы?..

- Кети... - выговорил он внезапно севшим голосом. А затем закричал уже в полную силу:

- Кети! - и, вскочив со скамейки, бросился бежать, чтобы догнать Кетеван, точно боялся, что она может вот-вот исчезнуть, раствориться в воздухе, как вечерний мираж. Он забыл в это мгновение обо всём, даже о Лидочке, которая осталась сидеть на месте и ошарашенно глядеть ему вслед.

Кетеван была уже почти на выходе из сквера, когда он, наконец, настиг её и схватил за руку. Испуганно взвизгнув, девушка обернулась.

Это была не Кети...

- Вы что себе позволяете? - возмутилась незнакомка, гневно уставившись на Белецкого.
- Чего вы руки распускаете? Что вам вообще от меня надо?..

Он стоял перед ней - с прерывистым взволнованным дыханием и взлохмаченными волосами, сбитый с толку, растерянный и... страшно разочарованный своей ошибкой.

- Извините, - выдохнул он наконец. - Я вас просто... кое с кем перепутал.

Недоверчиво хмыкнув, девушка отвернулась и зацокала каблучками по направлению к выходу, не удостоив его больше даже взглядом. А Белецкий ещё долго стоял, бестолково таращась ей в спину и пытаясь прийти в себя.

К счастью, мудрая Лидочка не стала задавать ему никаких вопросов, когда он вернулся к ней. Она поняла по его лицу, что лучше не стоит этого делать.

- Прости меня... - пробормотал он в раскаянии, только сейчас сообразив, что бросил девушку на произвол судьбы и просто удрал. Что бы она делала без него одна? Сумела бы добраться до дома самостоятельно?

- Всё нормально, - Лидочка ободряюще похлопала его по руке, давая понять, что ничуть не обижается. - Пойдём домой, да?.. Становится холодно.

Среди ночи он проснулся от того, что Лидочка осторожно трясёт его за плечо. Растерянно моргая и ещё не окончательно сориентировавшись, где и с кем находится, он уставился на встревоженную девушку в свете ночника.

- Ты опять зовёшь эту свою Кети, - пояснила она.

- Кети?.. - он смутился, поскольку совершенно не помнил, что видел во сне.

- Ну да. Я потому и запомнила, имя редкое... Иностранка?

- Извини, что разбудил, - уклоняясь от ответа, сказал Белецкий. Но на этот раз отделаться от расспросов Лидочки было не так-то легко. Женщина всегда остаётся

женщиной... любопытство может проснуться в ней в самый неподходящий момент.

- Да ничего страшного. Кети - это ведь та самая, которая тебе "не девушка"? После телефонного разговора с которой ты ходил, как в воду опущенный? Которая привиделась тебе в сквере и ты рванул догонять её, моментально слетев с катушек?..

- Господи, сколько вопросов... Честно, не знаю, почему это имя у меня вырвалось, - снова уходя от прямого ответа, отозвался Белецкий. - Я совершенно о ней не думал.

Лидочка хихикнула.

- А чего ты оправдываешься? Даже если бы думал... Мне до этой Кети, по большому счёту, нет никакого дела. Единственное, что могу сказать... Ничего не знаю о том, красивая ли она. А вот в том, что полная дура - ни капли не сомневаюсь!

- Почему это? - опешил он.

- Да потому что только полная дура могла не ответить на твои чувства. Я же вижу, как ты маешься... Значит, это не взаимно.

- Проницательная ты моя, - усмехнулся он, снова устраиваясь на подушке и прикрывая глаза.

- Не бойся. Я не стану лезть в душу и расспрашивать, - рука Лидочки легла на его грудь, игриво пробежалась сверху вниз. - Ого!.. А кое-кто тут у нас, оказывается, в полной боевой готовности?

- А потому что кое-кто тут у нас ручонки шаловливые распускает... - притворно ворчливым тоном откликнулся Белецкий.

- "Велика беда, не спорю... но могу помочь я горю"*, - проворковала она. Он выразительно изогнул одну бровь:

- "На меня скорей садись, только знай себе - держись?"

- Ну не-е-ет... - она томно потянулась, как кошка. - Уж лучше вы к нам! - и оба захохотали, а через мгновение нетерпеливо потянулись друг к другу.

**Здесь и далее - строки из сказки Петра Ершова "Конёк-горбунок".*

Когда до окончания каникул оставалась всего неделя, Белецкого угораздило сняться в телевизионной рекламе. Это был его первый опыт работы перед камерой. Получилось всё весьма спонтанно и неожиданно.

Август выдался на удивление длинным, бестолково-нудным, тягучим. Занять себя было совершенно нечем, на дачу с матерью и отчимом Белецкий не поехал, друзья-однокурсники ещё не вернулись, а у Лидочки начался новый театральный сезон. Хоть девушке и рекомендовали пока воздержаться от активных нагрузок и тренировок, она решила не пропускать репетиции.

Белецкий бесцельно слонялся по непривычно опустевшей летней Москве, пыльной и душной. Подумывал было о том, чтобы заглянуть в гости к тёте Нателле - по всему выходило, что она вот-вот должна была приехать из Грузии. Заодно можно было расспросить её о Кетеван, как она там. За всё это время девушка прислала ему из Тбилиси одну открытку, где коротко упоминала о том, что отдыхает в кругу семьи просто прекрасно, объедается любимыми блюдами, а ещё в городе стоит страшная жара. Ни слова о том, что она скучает или хочет поскорее его увидеть...

Несколько раз ноги сами привычно приводили Белецкого в знакомый уютный дворик,

и, сидя на скамейке, он подолгу таращился на окна квартиры Кетеван. В конце июля он увидел, что по вечерам там стал загораться свет, и сообразил, что тётя Нателла, наконец, вернулась.

И всё-таки он так и не решился войти в подъезд, подняться по лестнице и постучать в знакомую дверь. Это было бы просто... неудобно. К чему отвлекать женщину от домашних дел? К тому же, у неё с открытием нового театрального сезона наверняка куча забот. Не до незваных гостей...

Очень часто он добредал во время своих прогулок до училища. Если в июне студенты сдавали сессию, а в июле проходили вступительные экзамены у абитуриентов, то август в Щуке был периодом тотального затишья. Этакое сонное царство.

Однажды, когда до первого сентября оставалось всего ничего, Белецкий решил зайти проверить, не вывесили ли новое расписание занятий. Он оказался не единственным любопытным: по коридорам Щуки вовсю сновали такие же любознательные студенты. Он вдруг почувствовал, как соскучился по самой атмосфере училища, по лекциям и практическим занятиям, этюдам и репетициям, по педагогам, по их Мастеру.. И по ребятам-однокурсникам, конечно, тоже. По Жорке, даже по Анжеле!

Покрутившись возле доски объявлений и не обнаружив там свежего расписания (и ни одного знакомого, как назло, не встретил), разочарованный Белецкий уже собрался уходить несолоно хлебавши, как вдруг его окликнул незнакомый мужской голос:

- Молодой человек! Можно вас на минуточку?..

Он обернулся, чтобы взглянуть, кому понадобился.

Светловолосый мужчина лет тридцати сидел на подоконнике и рассматривал Белецкого без стеснения, в упор, с ног до головы.

- Это вы мне? - холодно уточнил парень. Ему не понравился этот оценивающий взгляд: словно незнакомец тут же, сию секунду, выставил ему оценку по десятибальной шкале. Впрочем, судя по итоговой довольной улыбке, оценил он Белецкого весьма высоко...

- Да, вам. Вы же актёр, верно?

- Я студент.

- Ну, это одно и то же... А курс какой?

- Первый... то есть, уже второй.

- Отлично, - блондин был явно доволен и удивленным, и услышанным. - Не хотите в рекламе сняться? Вас вся страна в лицо узнавать будет.

- Как Лёню Голубкова?* - пошутил Белецкий. Собеседник от души расхохотался.

- Нет-нет, никаких акций АО МММ! Всего лишь жвачка. Новый вкус, мята с лимоном...

- и он назвал довольно известную компанию.

- И что? - Белецкий пока даже не воспринимал этот разговор всерьёз. Казалось, что его просто разыгрывают. - Мне придётся красиво жевать в кадре и надувать пузыри?

- Ну, не так примитивно... У нас сценарий есть. Мы вам дадим почитать, конечно... если вы согласитесь приехать на пробы. Меня, кстати, Игорь зовут. Я театральный агент, занимаюсь подбором актёров для серии этих роликов.

Он протянул Белецкому визитку. Тому ничего не оставалось, как тоже представиться:

- Александр.

- Позвоните в понедельник с утра, чтобы записаться на пробы. Имейте в виду, мы очень неплохо платим!

- Неплохо - это сколько?

- Двести пятьдесят тысяч рублей, - невозмутимо откликнулся Игорь. По тогдашнему курсу выходила сумма, равная примерно ста долларам - больше месячной зарплаты среднестатистического российского служащего... Белецкий недоверчиво присвистнул.

- Да уж, неплохо... Это за один ролик?

- За съёмочный день. Если вас утвердят на всю серию, выйдет примерно три-четыре дня работы.

- Хорошо, - он уже практически без колебаний взял визитку и сунул в карман. - Я вам позвоню.

- Советую не затягивать, - Игорь обезоруживающе улыбнулся. - Работа непыльная, а кандидатов на роль много...

- Но вы заинтересованы именно во мне? - поддел его Белецкий. Блефовал, конечно, но как оказалось - попал точно в яблочко. Мужчина чуть смутился, но быстро справился с замешательством и выдал ещё одну обаятельную улыбку из своего арсенала:

- Да, чёрт возьми, да! Александр, у вас очень яркая внешность. На экране будете смотреться просто потрясающе. В вас влюбится всё женское население страны!..

- Я позвоню, - повторил Белецкий и, чтобы продемонстрировать, что тоже не лыком шит, послал агенту не менее обаятельную улыбку из своего личного стратегического запаса.

**Лёня Голубков - персонаж рекламной кампании акционерного общества МММ в 1992 - 1994 гг., сыгранный актёром театра и кино Владимиром Пермяковым. С ним связана как всенародная любовь, так и - впоследствии - лютая ненависть к МММ. После выхода рекламных роликов многие фразы оттуда стали крылатыми ("Я не халявщик, я - партнёр!", "Куплю жене сапоги!" и так далее).*

Вот так он и попал на съёмки. Утвердили его моментально, пробы оказались простой формальностью. Как и ожидалось, ему предложили не один ролик, а сразу целую серию. Партнёршей Белецкого выступала юная манекенщица из Дома моды, Снежана Меркулова - красивая, как фарфоровая куколка, и такая же пустоголовая. Белецкий подозревал, что эта прелестная особа попала на съёмки и вовсе без проб, ибо являлась любовницей спонсора рекламных роликов.

Снимали не в павильоне, а в естественных пейзажах и интерьерах: на улицах Москвы, в парках, кафе... Сюжеты не отличались каким-то глубоким смыслом и оригинальностью. В первом ролике молодые люди познакомились на Чистых прудах, и Белецкий угощал девушку жевательной резинкой; во втором они катались на аттракционах, продолжая всё так же дружно жевать; в третьем перекусывали в кафе (и, разумеется, для свежести дыхания после еды непременно закидывали себе в рот очередную мятно-лимонную пластинку жвачки); наконец, в четвёртом был показан их первый поцелуй.

Прежде Белецкому не доводилось целоваться с девушкой исключительно "по работе", без каких-либо чувств. Он привык делать это хотя бы с минимальной симпатией к партнёрше. Однако оказалось, что ничего сложного в поцелуях на камеру нет - как говорится, пять минут позора, и ты звезда. Снежане, к слову, очень понравилось с ним целоваться, и тайком от своего "папика" она даже незаметно подсунула ему записочку с номером телефона. Разумеется, он не стал ей звонить. В его жизни и так было достаточно мексиканских страстей.

Много лет спустя он случайно наткнулся на интервью Снежаны какому-то низкопробному бульварному изданию, где она смаковала подробности их совместной работы и намекала на то, что, помимо поцелуя, их связывало нечто большее. Белецкого это только позабавило. Смешно, но чаще всего именно проходные, ничего не значащие в его жизни женщины воображали, что играют в его судьбе какую-то важную роль... Те же, кто был ему по-настоящему дорог, отличались особой деликатностью и никогда не трясли в жёлтой прессе грязным бельём...

Никаких диалогов заучивать и произносить от актёров не требовалось: смонтированные ролики должны были демонстрироваться под бодренькую закадровую песню-слоган, что-то глупо-незамысловатое в духе “нежность дыхания, свежесть дыхания пусть вам поможет на первом свидании”. В общем, работка действительно оказалась непыльной, а в конце съёмок Белецкому вручили аккуратно запечатанный конверт с баснословной, невероятной по тем временам для обычного студента суммой в четыреста долларов.

А потом он проснулся знаменитым...

Точнее, это случилось не сразу.

Между окончанием съёмок и выходом первого ролика на телевизионный экран прошло несколько недель. Лето закончилось, в Щуке вовсю шли занятия. И вот тут-то молодого человека буквально огрело славой. Популярность обрушилась на него лавиной...

- Ой, это же тот самый парень из рекламы жвачки! - неслоь ему навстречу и вслед, со всех сторон: в общественном транспорте, на улице, в магазине. Многие подходили и робко спрашивали разрешения его потрогать или взять автограф. Кто-то, завидев Белецкого, принимался громко напевать мелодию из рекламы - ту самую, про свежесть дыхания и первое свидание. Девушки забрасывали его своими телефонными номерами и просили угостить жевательной резинкой.

Его это смущало и удивляло до крайности. Он не мог до конца осознать и принять, что всё происходящее - серьёзно, что никто над ним не издевается и не подшучивает. Он - звезда? Да вы смеётесь, что ли? Даже неловко было, что за такую халтуру люди превозносили его до небес. Да, у него была выразительная внешность, обаяние, телегеничность... и всё-таки вот это фанатичное обожание - за какую-то дурацкую рекламу?!

Дома невозможно было находиться - телефон разрывался от звонков. Его безостановочно разыскивали агенты, чтобы пригласить для участия всё в новых и новых съёмках. Очевидно, Игорь оставил его номер в какой-то внутренней базе. Однако Белецкий твёрдо решил, что рекламы в его жизни больше не будет. Он мечтал о серьёзных, больших ролях в настоящем кино... В кино, впрочем, его тоже приглашали. Но в основном на роли каких-то придурков, да ещё и с непременно постельными сценами, которые стали очень популярны в девяностых - и поэтому он вежливо, но твёрдо отклонял подобные предложения.

Однокурсники отнеслись к его успеху по-разному. Кто-то искренне поздравлял и радовался, кто-то беззлобно посмеивался, пренебрежительными шуточками как бы принижая значимость произошедшего, кто-то откровенно завидовал... Самым неприятным было то, что с ним вдруг сразу захотели дружить те люди, с которыми он прежде и парой слов не перекинулся. Они стали подкатывать к нему с любезными улыбочками и льстивыми

речами, и это было омерзительно.

Мастер же сухо заметил, что ничего не имеет против того, чтобы его студенты снимались во время учёбы. Но только, если это стоящие, талантливые проекты, а не коммерческая пустышка.

Зато Кетеван сияла и явно гордилась им... а это было самое главное. Она вообще как-то изменилась за лето, стала более нежной, более внимательной и отзывчивой. Иногда, когда она думала, что Белецкий её не видит, он украдкой ловил её взгляд на себе - непонятный, странноватый, изучающий... Она словно мысленно сравнивала его с кем-то - нетрудно догадаться, с кем. Порой ему казалось, что сравнение выходит в его пользу... но боялся даже помыслить об этом, чтобы не спугнуть неясное, смутное, намечающееся. Он больше не собирался давить на неё, делать первый шаг, чтобы снова всё, не дай Бог, не испортить.

Он просто терпеливо ждал.

Осенью девяносто четвёртого состоялась премьера фильма “Утомлённые солнцем”. В училище не смолкали разговоры о новом михалковском творении: засекреченное, не виденное ещё практически никем из студентов и даже преподавателей, оно уже заслужило славу шедевра как минимум десятилетия, если не целой эпохи. Во многом сыграло свою роль и то, что фильм получил Гран-при Каннского международного кинофестиваля.

Их Мастеру посчастливилось одним из первых посмотреть картину, и он посвятил её анализу и разбору целое занятие со своим курсом, после чего воодушевлённые студенты ещё больше загорелись увидеть фильм. Когда же, наконец, им это удалось - разговоры и споры не смолкали затем целый месяц.

Белецкий пришёл от увиденного в восторг. Он разгадал в фильме Михалкова мотивы, перекликающиеся с его обожаемым Чеховым: ведь режиссёр перенёс условную чеховскую усадьбу, перефразированный “Вишнёвый сад”, в тридцатые годы нашего столетия и безжалостно столкнул самое милое в русской традиции с самым ужасным. Кетеван же уловила в “Утомлённых солнцем” эпохальность, отсылающую к её любимому роману “Унесённые ветром”, и в то же время она была недовольна финалом, чисто по-женски жалея всех героев - и Митю, и Марусю, и Котова, и, конечно же, малышку Надю, оставшуюся без отца.

- Ты слишком узко оцениваешь сюжет, - кипятился Белецкий: как всегда, когда дело касалось искусства, они спорили до хрипоты. - При чём тут отец, мать, дети?.. Ведь дача комдива Котова - образ собирательный. Здесь представлена целая Россия в миниатюре! Бабушки, дедушки, тётушки, старые девы, венская мебель, фотографии на стенах, чёрный рояль и непременно “бельканто” в исполнении харизматичного главного героя... Это классика! А в эпицентре всего этого - прославленный большевик, ныне обречённый на заклятие, и его антипод - энкаведешник из “бывших”, который это самое заклятие и осуществляет...

- Нет, ну Меньшиков в этой роли неподражаем, - Анжеле, в отличие от её товарищей, было плевать на высокие материи - она предпочитала рассуждать о более приземлённом и понятном. - Такой красавец, правда? Просто душка.

- Я видел его в спектакле “N” в роли Нижинского, - вспомнил Белецкий. - То, что он творит на сцене... это что-то невероятное. После подобного невольно ощущаешь себя полным дерьмом и понимаешь, что никогда не сможешь сыграть так же... даже вполнину так.

- Глупости! - тут же вскинулась Кетеван. - Сандро, ты - артист не менее, а может быть, даже более талантливый, чем Меньшиков! - для пушей убедительности она крепко сжала его ладонь. - И я верю, что ты достигнешь таких же высот. И в театре, и в кино!

Слышать это было безумно приятно. Она так в него верила... как не верила, пожалуй, даже родная мать, которая до сих пор (не без влияния отчима) считала, что выбор сыном профессии - едва ли не самая главная ошибка в его жизни. Она-то мечтала, что он поступит в институт международных отношений!..

А по поводу рекламных съёмок, к слову, матушка испытывала весьма двойственные чувства. С одной стороны, было ужасно приятно, чего скрывать: её мальчик вдруг сделался известным, его узнают на улицах и просят автографы, как у какой-нибудь звезды! А с другой... ну это же реклама. Низкий жанр, практически непристойный, искренне полагала она. Спасибо хоть, не лекарство от диареи или презервативы рекламировал.

Что касается отчима, то тот, напротив, был премного доволен: Саня мужик, стал настоящие, большие деньги зарабатывать!.. Его не смутило бы, даже если пасынок снялся бы в рекламе туалетной бумаги. Главное - чтобы платили хорошо.

1995 год, Москва

Между тем, студенческая жизнь катилась своим чередом: бурно, местами нервно, бессонно и голодно, но в целом очень весело. Обитатели общежития постоянно выдумывали что-нибудь сногсшибательное: то устраивали пляжную вечеринку в купальных костюмах, притащив в кухню невесту у кого позаимствованный надувной бассейн; то организовывали на крыше званый бал в стиле девятнадцатого века; то бегали в новогоднюю ночь по этажам, одевшись в маскарадные костюмы, стучались во все комнаты подряд и чуть ли не силой заставляли всех присутствующих там читать стихи, после чего вручали каждому рассказчику приз в виде бумажной снежинки.

А в марте, когда в Америке прошла очередная церемония “Оскар” и фильм “Утомлённые солнцем” получил статуэтку как лучший иностранный, студенты Шуки на радостях устроили свою кинопремию - своеобразный ответ Голливуду. Разыскав где-то несколько красных ковровых дорожек, они устлали ими пол в холле, вырезали из картона призовые “статуэтки”, покрыли их золотистой краской и организовали церемонию награждения. Девчонки вырядились в лучшие платья, а парни вдели бутоны в петлицы своих пиджаков. Это был настоящий праздник! Феерия!..

Звездой вечера стало совместное выступление Белецкого и Кетеван - они мастерски спародировали культовый танец Джона Траволты и Умы Турман из “Криминального чтива”. Их шуточный номер впоследствии сделался гвоздём многих программ, не только любительских, но и официальных - на торжественных мероприятиях в училище эти двое отжигали так, что только искры летели. “Безумно красивая пара!” - говорили о них, и у Белецкого привычно сжималось сердце в сладко-горькой тоске. Красивая... но не пара.

Весна принесла с собой ещё одно событие, не слишком весёлое, хоть, впрочем, и не трагичное: Белецкий расстался с Лидочкой.

Это произошло не по его инициативе. Балерина завела себе официального жениха, кого-то из “спонсоров”, и, как подозревал Белецкий, отъявленного бандита. Разгул криминала в те годы был привычным явлением, каждый второй бизнесмен являлся выходцем из

“братков”, и это давно никого не удивляло.

Лидочка пригласила Белецкого “попрощаться” к себе домой. Разумеется, прощание началось постелью и закончилось ею же.

- Как же я буду по тебе скучать... - вздохнула девушка, прижимаясь к нему всем телом, словно не желала отпускать. - Мне ни с кем и никогда не было так хорошо, как с тобой. Правда.

- Даже с женихом? - поддел её Белецкий. - Так, может, и не стоит замуж выходить?

- А что мне ещё остаётся делать? - Лидочка засмеялась. - Не тебя же дожидаться, тут без вариантов, ты ведь меня всё равно не любишь...

- Да ведь и ты меня - тоже, - заметил он. Она загадочно улыбнулась.

- А вот люблю! - и непонятно было, то ли прикалывается, то ли всерьёз... Он, разумеется, принял её слова за остроумную шутку.

- Но зачем тебе так срочно понадобился этот брак? - недоумевая, спросил Белецкий.

- Ты не поймёшь, - она махнула рукой. - Серёжа - гарантия моей будущей карьеры. У него есть деньги, есть связи... а главное, заинтересованность в том, чтобы сделать меня солисткой. Он очень любит балет, он меня именно в театре заметил и запомнил... Если я буду с ним - не пройдёт и года, как мне достанутся главные партии в лучших спектаклях. Ему это тоже выгодно - престижно иметь в жёнах приму Большого театра, это сразу повысит его статус. Да и мне при таком авторитетном и влиятельном муже едва ли кто-то рискнёт делать пакости... К тому же, есть ещё одна банальная причина: мне жутко надоело на всём экономить, хочется просто нормально пожить и не считать каждую копейку, - призналась Лидочка в порыве внезапного откровения. - Знаешь ли ты, сколько стоят хорошие американские пуанты?! А в месяц мне нужно как минимум две пары, потому что, как только они делаются мягкими, танцевать становится ужасно неудобно. В театре нам раньше выдавали по девять пар в год, а сейчас на это просто нет средств... Ты осуждаешь меня за корысть? - она искоса взглянула на Белецкого, который внимательно слушал её пламенную речь.

- Осуждать? Ну, что ты, - он улыбнулся и, наклонившись, быстро поцеловал её голое плечо. - Мне просто будет тебя очень не хватать.

- Мне тоже, - Лидочка впиалась в его губы коротким острым поцелуем. - Но продолжать встречаться тайком - не вариант, Серёжа ни в коем случае не должен узнать о нас.

- Понимаю, - вздохнул Белецкий. - И, в любом случае, я желаю тебе только добра. Будь счастлива...

А летом, когда нервотрёпка, связанная со сдачей сессии, наконец осталась позади и Белецкий предвкушал, как весело они с Кетеван станут проводить время на каникулах, случилось непредвиденное.

Приехал Аслан.

2019 год, Москва

Он прибыл минут за десять до назначенного времени. Специально выехал с запасом, учитывая утренние пробки, хотя условленная заранее кофейня была совсем недалеко от дома. Однако, как выяснилось, Кетеван приехала ещё раньше - она уже ждала его, сидя за столиком в углу.

Белецкий увидел её первым и сразу же узнал. Остановился в дверях, пока она его не заметила, и издали немного понаблюдал за нею, давая себе время на то, чтобы усмирить взволнованное, растревоженное сердце. Он, не желая признаваться в этом даже себе самому, ужасно боялся этой встречи. Боялся того впечатления, что они произведут друг на друга. Боялся тем для разговора, которые они выберут...

На первый взгляд, Кетеван мало изменилась. Конечно, она уже не была двадцатилетней девчонкой - той, которую он видел в последний раз на вокзале в далёком девяносто седьмом году. И всё-таки, время было к ней благосклонно. Он попытался взглянуть на неё отстранённо, как на незнакомку. Какое впечатление она бы на него произвела, если бы он увидел её впервые, именно здесь и сейчас?

За столиком сидела, несомненно, очень красивая женщина. Стройная, элегантно и со вкусом одетая. Тёмные волосы были собраны в аккуратную гладкую причёску. *А ведь он ещё помнил, как рассыпался прежде этот непокорный водопад по её плечам и спине, окутывая девушку, словно плащом... И запах её волос, любимый, обожаемый им аромат... казалось, он вновь чувствует его - даже издали. Хотя, конечно, это была всего лишь обонятельная иллюзия.*

Кетеван сидела так, что ему был виден только её профиль, освещённый мягким утренним светом. Рассеянно глядя в окно, она в непроизвольном волнении то сжимала, то разжимала пальцы. Видимо, тоже нервничала перед встречей. А он всё никак не мог пересилить себя, чтобы перестать таращиться на неё исподтишка, подойти и, наконец, поздороваться. Всё медлил, оттягивая неизбежный момент встречи.

В этот ранний час в кофейне практически не было посетителей. Это играло Белецкому на руку - больше шансов остаться незамеченным, неузнанным, избежать назойливого внимания посторонних. И всё равно на всякий случай он надел тёмные очки и кепку с большим козырьком.

Тем временем Кетеван взглянула на свои наручные часы, чуть нахмурилась и посмотрела на дверь. Скользя взглядом по Белецкому, она хотела было отвернуться, но тут же округлила глаза, узнавая, и попыталась выдавить из себя неуверенную улыбку.

Торчать в дверях дальше и строить из себя истукана было глупо. Он подошёл к столику, снял очки и тоже нерешительно улыбнулся в ответ.

- Ну, привет...

Она подскочила ему навстречу и смущённо замерла, не зная, как себя вести дальше: поцеловать? обнять? пожать руку?..

Белецкий первым легко коснулся губами щеки Кетеван. Кожа её была шелковисто-прохладной и пахла приятно - чем-то свежим, нежным, чуть горьковатым, и всё-таки... это был не её, *иной* запах. Аромат незнакомки.

Он уселся напротив окна - так, чтобы оказаться спиной к залу. Зато теперь Кетеван могла хорошенько рассмотреть его лицо, освещённое солнечным светом. Белецкий впервые подумал о том, что и сам очень изменился за эти годы. Нет, конечно, ему грех жаловаться, он отлично выглядит для своих убийственных (страшно выговорить!) сорока трёх. Но он уже давно не тот мальчишка, не тот Сандро, с которым она распрощалась более двадцати лет тому назад.

- Ну что? Не узнаёшь? - спросил он с иронией. Кетеван только покачала головой, борясь то ли с шоком от увиденного, то ли с нахлынувшими эмоциями. А вот она изменилась,

вблизи это сделалось более очевидным, и дело было вовсе не во внешности. В ней появилась какая-то надломленность вкупе с застенчивостью, даже робостью. Ни капли от дерзкой и самоуверенной девчонки с языком без костей, которой она была когда-то.

- Доброе утро, что будете заказывать? - прервав их уединение, возле столика материализовалась молоденькая и явно невыспавшаяся официанточка. Она как раз украдкой давила очередной зевок, когда увидела и узнала Белецкого. Сонливость вмиг слетела с её хорошенького, хоть и слегка помятого, юного личика.

- Мне любой чёрный кофе без сахара, главное - чтобы очень крепкий, - попросил он, даже не заглядывая в меню. Ему просто нужно было взбодриться, всё-таки бессонная ночь давала о себе знать - не только официантка умирала нынешним утром от недосыпа. А ему сегодня до позднего вечера придётся быть на ногах...

- Капучино, - пожелала Кетеван.

Откровенно любясь Белецким, официантка с придыханием уточнила:

- Из еды ничего не желаете? Завтраки, салаты, десерты?..

Он пожал плечами и перевёл взгляд на Кетеван.

- Я не хочу, да и времени особо нет, скоро в театр. Может, ты голодная?

Она только покачала головой.

Официантка, отступив на пару шагов в сторону, вытащила телефон и попыталась незаметно сделать селфи на фоне знаменитого артиста. Он раскусил её уловку и предостерегающе поднял ладонь:

- Не надо, пожалуйста. Я этого не люблю.

- Извините... - смутилась глупышка, покраснев до корней волос, как свёкла. - Просто не смогла удержаться. А вы нам потом в книге отзывов распишетесь?..

- Как ты всё это выдерживаешь? - хмыкнув, поинтересовалась Кетеван, когда официанточка скрылась из вида. - Наверное, безумно тяжело, когда тебя постоянно узнают, пытаются сфотографировать, взять автограф... Или ты уже привык за столько лет?

- Привык, но это не значит, что подобное не выводит меня из себя. Стараюсь по возможности быть вежливым... правда, получается далеко не всегда, пару раз срывался, после чего журналисты с упоением обгладывали мои косточки под обличающими заголовками "Белецкий зазнался, его накрыла звёздная болезнь!" - улыбка у него вышла невесёлая.

- Ты действительно стал большой звездой, - произнесла она то ли в удивлении, то ли почти в страхе. Он негромко рассмеялся.

- Сам по себе и для близких людей я остался таким же, каким был всегда. Звездой меня называют посторонние. Я тут ни при чём...

Кетеван помолчала немного, собираясь с мыслями, а затем призналась:

- Я наблюдала за тобой со стороны все эти годы.

- Один - ноль в твою пользу, - уголок его рта дрогнул в едва уловимой усмешке. - Не могу похвастаться тем же. Я совершенно потерял тебя из виду.

"Да и не искал..." - добавил Белецкий мысленно. Она укоризненно улыбнулась, точно угадывая то, о чём он подумал.

- Но, если честно, мне так и не стало понятнее, чем и как ты живёшь. В интернете только сухие факты биографии или глупые сплетни. Интервью в последние годы ты вовсе не даёшь, да и раньше говорил с журналистами исключительно на профессиональные темы,

никогда - о личном...

- А тебя интересует личное? - он искоса взглянул на Кетеван. - Так я могу рассказать. Дважды разведён, женат третьим браком. Двое внебрачных детей, один из которых живёт в Америке, и я никогда не видел его вживую...

- Да перестань ты! - она отмахнулась с досадой. - Этими “ценными сведениями” и так забит весь интернет. А ещё пишут, что ты хам, циник, бабник и социофоб... Но это же полная чушь! - Кетеван презрительно фыркнула. - Надо совсем не разбираться в людях, чтобы придумать о тебе такое.

- А почему ты решила, что они не разбираются? Может, как раз правы.

- Ерунда! - категорично отозвалась она. - Уж меня-то не обманешь. Я не знала в своей жизни более доброго, отзывчивого и порядочного человека, чем ты... Порою даже слишком, чересчур порядочного.

- “Ты так говоришь, как будто это что-то плохое”, - процитировал Белецкий популярный интернет-мем. Глаза его смеялись.

- А в наши дни это и есть плохо, - Кетеван не поддержала шутку. - Нельзя быть таким... чистым, с открытым сердцем, Сандро, тебя просто сожрут!

Он посерьёзnel.

- Да я давно уже никому не доверяюсь и не открываюсь, Кети. Правда. Только жена меня более-менее знает и принимает таким, какой я есть. Но дорого же ей обходится это моё доверие... я бываю порой совершенно невыносимым и занудным.

Тем временем официанточка принесла их заказ. Сгрузив на столик чашки, она украдкой ещё раз стрельнула кокетливым взглядом в Белецкого и, соблазнительно покачивая бёдрами, удалилась. Кажется, она успела подкрасить губы и подвести глаза.

- Жена... - повторила Кетеван задумчиво, продолжая прерванный разговор. - Она очень милая девочка, твоя Галя.

Он уже поднёс к губам чашку и поэтому чуть не поперхнулся своим кофе.

- В каком смысле? Вы что, знакомы?!

- Нет, конечно. Я подписана на её инстаграм, - невозмутимо пояснила Кетеван. Он покачал головой и закатил глаза:

- О, мир соцсетей... бессмысленный и беспощадный.

- Да-да, я в курсе, что ты в этом плане затворник и у тебя нет ни единого аккаунта ни в одной соцсети, - она улыбнулась. - Кремень! А ещё говорят, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя...

- Надеюсь, она не фотографирует меня в трусах, спящего, и не вываливает затем в сеть на радость подписчикам, - пошутил Белецкий.

- А ты что, не следишь за инстаграмом собственной жены? - поразила Кетеван. Он пожал плечами.

- Да как-то не до этого... всё, что происходит у неё в жизни, я и так знаю. И мне гораздо интереснее поговорить с ней лицом к лицу, чем читать посты и смотреть видео.

- На самом деле, у неё там нет ничего криминального, - успокоила Кетеван. - Тебя-то, во всяком случае, точно. Много фотографий Крыма. Море, природа...

- В этом вся Галюша, - он улыбнулся с плохо скрываемой нежностью. - Она боготворит те места, где родилась и выросла. Ну, ладно, хватит о нас с ней... Ты-то как? Я про тебя ничего не знаю. Видишь, я даже не был в курсе, что вы с Анжелкой до сих пор общаетесь. Она мне про тебя ни разу не говорила.

- Это я её попросила, чтобы не говорила, - призналась Кетеван. - Не хотела тебя беспокоить понапрасну. Ну, знаешь... подумала, а вдруг тебе будет неприятно вспоминать обо мне.

Он поморщился, словно жевал лимонный ломтик.

- Неприятно?.. Это, знаешь ли, не совсем подходящий термин. Да, мне было непросто, особенно в первое время, когда ты только уехала. Но... не понимаю, почему Анжелка таила это от меня столько лет, когда всё давным-давно быльём поросло. Мне действительно было бы интересно узнать, просто по-дружески, как сложилась твоя жизнь, и как... как тётя Нателла? - внезапно спросил он. Почему-то в последний момент не рискнул полюбопытствовать о муже. Испугался?..

- Жива, здорова, сейчас на пенсии, - охотно откликнулась Кетеван. Похоже, она тоже была рада тому, что Белецкий не принялся выспрашивать её о семейном положении. - Очень часто вспоминает о тебе, представляешь. Она не говорит открыто, но, по-моему, её огорчило, что после моего отъезда ты оборвал с ней все контакты.

- Так получилось, - он почувствовал, что по-мальчишески краснеет. - Я очень уважал твою тётю, даже любил, но... просто не смог. Не смог общаться с ней, как раньше.

- Видимо, она это понимает, - кивнула Кетеван. - Во всяком случае, пытается понять.

А он всё равно продолжал смущаться, как идиот, вспоминая обстоятельства своей последней встречи с тётей Нателлой...

1997 год, Москва

Он пришёл к ней, пьяный вдребезги. Он никогда прежде так не напивался. Тётя Нателла испытала самый настоящий шок, когда, открыв поздно вечером дверь, обнаружила за ней милого и интеллигентного мальчика Сандро, который едва держался на подгибающихся ногах. Она с трудом успела подхватить его, тяжёлого, непослушно-неповоротливого, иначе он бревном растянулся бы прямо на пороге.

Тётя Нателла пыталась реанимировать парня, как могла. Затащила его в ванную и заставила сунуть голову под кран с холодной водой. Сварила ему крепчайший кофе. Это немного привело Белецкого в чувство, хоть, разумеется, и не отрезвило окончательно. Но, по крайней мере, он уже мог что-то говорить, а не просто бессвязно мычать...

Сам он помнил события того вечера смутно, урывками. Но и те крохи, что осели в памяти, вгоняли Белецкого в краску даже спустя годы.

Тётя Нателла сидела в кухне на табурете, а он рыдал, уткнувшись ей в колени. Рыдал взахлёб, как младенец, а она гладила его по мокрым волосам, успокаивая и баюкая.

- Что мне теперь делать? - спрашивал он, точно от её ответа зависело его будущее.

- Жить, - спокойно отвечала тётя Нателла.

- Как жить?! Я не смогу без неё...

- Мой милый мальчик, - серьёзно произнесла женщина, - поверь мне, человеческая жизнь намного больше одной-единственной любви. И если любовь неразделённая - это ещё не конец света. Даже когда любимый человек... умирает, - её голос не дрогнул, - это тоже не повод отчаиваться. Когда-нибудь ты это обязательно поймёшь. Сейчас у тебя просто ничтожно мало опыта...

Он поднял на неё заплаканные покрасневшие глаза.

- Я послезавтра женюсь, тётя Нателла...

- Мне кажется, ты совершаешь ошибку, - мягко сказала она. - Я понимаю, что у тебя должно быть, есть на это свои причины, но... клин клином не вышибешь. Подумай хорошенько.

- Нет... - он в отчаянии замотал головой. - Уже всё решено, уже нет возврата... Я обещал, я просто не могу отступить, понимаете?..

Она ничегошеньки не понимала в этом бессвязном пьяном бреде, но успокаивающе кивала, продолжая гладить его по волосам.

- Ну, а раз дал слово - то держи его. Будь мужчиной до самого конца.

На следующий день он проснулся, когда тётки Нателлы уже не было дома. На столе его ждал завтрак, накрытый салфеткой, и записка:

“Доброе утро, Сандро. Я уехала на работу. Если не дождёшься меня - пожалуйста, брось ключи в почтовый ящик, когда будешь уходить”.

Какое там - “дождёшься”! Ему было нестерпимо стыдно оставаться здесь ещё хотя бы пять минут. Он не стал ни завтракать, ни принимать душ - только ополоснул лицо, чтобы как можно быстрее сбежать из этого гостеприимного дома (как оказалось - навсегда), боясь встретиться лицом к лицу с радушной хозяйкой и посмотреть ей в глаза.

Из-за этого жгучего стыда он так и не пришёл к ней больше ни разу. Просто не смог себя пересилить...

2019 год, Москва

Судя по незамутнённому, открытому взгляду Кетеван, она была не в курсе той давней истории. Значит, тётка Нателла ничего не рассказала племяннице о его позоре, о безумной пьяной истерике... У него немного отлегло от сердца.

- Тётка - твой огромная поклонница, ты не в курсе? - радостно щебетала между тем Кетеван. - У неё есть полная коллекция твоих фильмов на дисках, а ещё она бывает почти на каждом спектакле с твоим участием...

Ему словно влепили с размаху пощёчину.

- Тётка Нателла ходит на мои спектакли? - переспросил он в замешательстве. - Ты... уверена в этом? За все годы она ни разу не показала мне на глаза.

- Должно быть, не хочет, чтобы ты чувствовал себя неловко, боится смутить и разбередить душу старыми воспоминаниями, - Кетеван пожала плечами. - Вот и не беспокоит тебя понапрасну.

- Она ни разу не показала мне на глаза, - с горечью повторил Белецкий, всё ещё осмысливая эту информацию. - Ни разу не подошла - хотя бы на поклоне...

- Вообще-то, она обычно берёт билеты на балкон, - Кетеван словно пыталась извиниться за тёткино поведение, как-то оправдать его. - Пенсия у неё не очень большая. Сам понимаешь, она не всегда может позволить себе даже амфитеатр, не говоря уж о партере... Так что любит тебя и твоей игрой в основном издали.

Ему снова стало нестерпимо стыдно и горько, словно в этом тоже была его вина.

- Передай тётке, пожалуйста, - произнёс он глухо, - что с сегодняшнего дня я всегда буду оставлять у администратора проходки на её имя. На каждый свой спектакль, в партер.

Кетеван округлила глаза, пытаясь что-то сказать, но, на счастье, этот до крайности неловкий момент был прерван звонком его мобильного. Белецкий схватился за телефон с

радостью, как за спасательный круг.

Однако звонивший не нёс с собой приятных вестей...

1995 год, Москва

Кетеван позвонила рано утром, подняв его с постели.

- Сандро, мне нужна твоя помощь, - жарко зашептала она в трубку. - Вопрос жизни и смерти!

- Что случилось? - зевая, спросил Белецкий, не принимая её болтовню всерьёз, поскольку прекрасно знал способность девушки всё драматизировать.

- Я сейчас передам трубку тётё, и ты отпросишь меня из дома на три дня! К себе на дачу, - выпалила она всё так же, шёпотом.

- Чего-чего? - он даже рассмеялся. - Это ты сейчас так ненавязчиво себя пригласила? Нет, ну я так-то не против, просто надо было хоть заранее...

- Да замолчи ты! - перебила она с досадой. - Нет времени объяснять, всё потом. Тётя сейчас выйдет из ванной, и ты скажешь ей то, о чём я тебя попросила. А потом, когда она уйдёт на работу, я тебе перезвоню и всё объясню... Ни на какую дачу я с тобой, конечно, не поеду, но тётя не должна об этом знать.

Ему ужасно не понравились эти тайны мадридского двора.

- Но, послушай... - начал было он, внутренне закипая, - я так не могу. Скажи прямо, что ты задумала? Куда собралась?

- Тс-с-с, она идёт! - - зашипела Кетеван. - Сандро, я буду твоей вечной должницей... Пожалуйста!..

И через мгновение Белецкий услышал в трубке голос тёти Нателлы.

- Э-э-э... доброе утро, - поздоровался он, изо всех сил оттягивая момент исполнения просьбы.

- Сандро, - откликнулась она несколько озабоченным тоном, - признаться, я слегка ошарашена. Вы вот так внезапно срываетесь из города на дачу, да ещё и на несколько дней...

- Да, - отозвался он растерянно, чувствуя себя при этом совершенным идиотом. - Просто... спонтанно собрались.

- Если бы я узнала об этом хотя бы накануне... я приготовила бы вам с собой чего-нибудь вкусенького! - завела тётя Нателла свою любимую песнь.

- Да перестаньте, - сказал он, сам не узнавая собственный голос. - Мы всё сами там приготовим.

- Ну, ладно... - слышно было, как она вздохнула. - Когда Кети с тобой, я за неё абсолютно спокойна. Только тебе я и могу доверять!

А вот сейчас он ощущал себя последней сволочью, обманывая эту милую женщину, и мысленно проклинал последними словами Кетеван, втянувшую его в столь дикую и нелепую авантюру.

- Позаботься о моей вертихвостке, пожалуйста, - ласково попросила она напоследок, точно вбивая гвозди в крышку его гроба. - Проследи, чтобы она нормально ела, и не ходила по вечерам в слишком лёгкой одежде, и чтобы на жаре не пила холодной воды, она так легко простужается!

- Хорошо, тётя Нателла... - еле слышно пообещал он. Отказаться бы, пока не поздно, признаться ей во всём! Но в ушах всё ещё стоял умоляющий голос Кетеван. Он просто не мог

её подвести...

Распровавшись с женщиной, он сам не свой опустил трубку на рычаг и схватился за голову. Что, чёрт возьми, происходит? Куда собралась эта взбалмошная девчонка, и, главное, с кем?!

Почему-то самый простой, самый очевидный ответ так и не пришёл ему в голову, хотя всё лежало на поверхности...

Через полчаса Кетеван перезвонила, как и обещала.

- Что ты творишь? - возмутился он в трубку. - Во что меня впутываешь?! Так мерзко я себя ещё никогда не чувствовал. С кем и как далеко ты едешь? С Анжелкой?..

- Да не психуй ты, - отозвалась она счастливым голосом. - И спасибо, что прикрыл... А ты разве сам ещё не догадался? Ко мне Аслан приехал!..

От ненавистного имени в ухе зазвенело. Белецкий в ужасе отдернул трубку и с отвращением взглянул на неё, точно она была виновата во всех его несчастьях.

- Алло, Сандро, куда ты пропал? - призывала его Кетеван. Ответить он смог далеко не сразу. Зато когда нашёл в себе силы - заорал на неё так, что его, наверное, было слышно даже на лестничной клетке.

- Ты совсем спятила? И куда ты с ним собираешься? Вконец мозги отключились, не соображаешь, что делаешь?! Да никуда я тебе не отпущу, даже не думай! С чужим, практически незнакомым парнем...

- Он не незнакомый и не чужой! - до слёз оскорбилась Кетеван. - Он самый близкий мне человек. Я его чувствую, как никого больше, понимаешь?

Нет, дело было вовсе не в ревности. Он вдруг по-настоящему испугался за неё.

- Куда вы с ним направляетесь? - спросил он по возможности спокойным тоном. - Оставь мне, пожалуйста, точный адрес и телефон, если есть. Я должен быть уверен, что в любой момент смогу тебя найти, как-то связаться...

- Адреса я не знаю, - беззаботно откликнулась эта дурочка. - Аслан сказал, что кто-то из московских друзей предложил остановиться у него на несколько дней.

- Ты ненормальная... нет, просто вконец чокнутая, - застонал он в бессилии. - Собираешься ехать на квартиру неизвестно к кому... неизвестно с кем... Да ты представляешь, что там могут с тобой сделать?!

- Ай, не нагнетай, пожалуйста, Сандро, - недовольно протянула она. - Всё будет хорошо. Просто не может быть иначе. Мы же любим друг друга... по-настоящему любим.

- Ты хоть понимаешь, глупая, зачем он тебя позвал пожить в квартире своего друга и что ему от тебя надо? - горько спросил Белецкий. Судя по её довольному смеху, раздавшемуся в ответ - вполне понимала и отдавала себе отчёт в действиях...

- Ты вынуждаешь меня всё рассказать твоей тёте, - выдохнул он.

- Ты что, Сандро?! Не смей! - моментально взвилась она. Голос её звенел от гнева. - Даже не думай об этом! Я тебе никогда этого не прощу!

- А я никогда не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится! - закричал он, пытаясь до неё достучаться. Бесполезно... она была глуха и слепа сейчас.

- Ничего не случится, - отозвалась она всё тем же беззаботно-легкомысленным тоном. - Всё будет хорошо, вот увидишь! Ладно, мне уже пора. Он обещал заехать за мной через полчаса.

- Что?! - переспросил он в ужасе. - Послушай, не смей никуда с ним ехать! Слышишь, я тебе запрещаю! Дождись меня, поняла? Я выезжаю сейчас же. Только, пожалуйста,

дождись!..

2019 год, Москва

- Саня, ты можешь прямо сейчас приехать? - раздался в трубке умоляющий голос Антона Крапивина - режиссёра, который ставил спектакль про Анну и Алексея Карениных.

- А что случилось? - Белецкий бросил быстрый взгляд на часы: до начала утренней репетиции оставалось ещё сорок минут.

- У нас ЧП! - выдохнул Антон. - Настька опять скандалит...

- И почему я не удивлён, - Белецкий усмехнулся. - Что на этот раз? Ноготь сломала или любимые духи пролила?

- Долго рассказывать. Приезжай, сам увидишь. А то она уже грозит в знак протеста отказаться от роли и уйти из спектакля... Ты же знаешь, что *эта* может.

- Ладно, скоро буду, - пообещал он.

Отключив телефон и торопливо попросив счёт у официантки-кокетки, Белецкий взглянул на Кетеван виновато. Они так и не успели ни о чём толком поговорить, а самое-то главное - вот идиотизм! - он не узнал, зачем она приехала в Москву и почему так настаивала на встрече.

- Извини, я уже должен ехать. Дела в театре.

- Я догадалась... - тихо отозвалась она, умело скрывая разочарование.

Уже поднимаясь из-за стола, он всё-таки собрался с духом и задал мучающий его вопрос:

- Ты замужем?

Кетеван в секундном замешательстве принялась машинально поправлять несуществующую прядь, якобы выбившуюся из идеальной причёски.

- Полгода, как развелась, - пальцы её чуть заметно подрагивали. - Жаль, что теперь нельзя курить в общественных местах, - заметила она вскользь, немного нервно. - Я бы сейчас закурила.

- Твоим мужем был...

- Аслан, - подсказала она с какой-то обречённостью в голосе. - Мы прожили вместе больше двадцати лет.

- Дети?.. - продолжал он свой безжалостный допрос, словно напоследок навёрстывая упущенное и пытаясь компенсировать зря потраченное на пустую болтовню время.

- Сын. Один. Я... довольно поздно его родила.

- Наверное, у вас была серьёзная причина, чтобы расстаться после стольких лет брака, - предположил он, продолжая стоять и глядеть на неё сверху вниз.

Лоб Кетеван пересекла морщинка то ли досады, то ли печали.

- Причин было море. Но об этом я тебе уже не успею сейчас рассказать... - она попыталась выдавить из себя робкую улыбку. - Может быть, ещё как-нибудь увидимся? Анжелка говорила, что неплохо было бы организовать встречу нашего курса. Найти и собрать всех ребят, позвать Мастера... У него же юбилей в этом году. Как ты на это смотришь? Ты с нами?

Белецкий добросовестно задумался, точно пробуя эту идею на вкус, и внезапно понял, что, оказывается совсем не прочь.

- А знаешь... Пожалуй, я присоединюсь к вашей компании. Собирайте всех, только не

забудьте заранее поставить меня в известность.

- Мы постараемся согласовать дату встречи с твоим плотным графиком, - улыбнулась она. - Всё-таки, ты из нас - самый занятой человек...

- Я буду на этой встрече, Кети, - пообещал он. - Я обязательно буду.

По дороге он набрал номер Анжелы.

Вместо гудков у бывшей жены была установлена песня "Экспонат"*, и Белецкий успел прослушать весь первый куплет и уже дойти до лабутенов, прежде чем Анжела, наконец, откликнулась зашпанным голосом. После того, как карьера в кино пошла у неё в гору, она с облегчением оставила ненавистную работу в труппе захудалого московского театра и стала позволять себе роскошь спать до обеда, если, конечно, у неё не было назначено утренних съёмок.

- Подъём, спящая красавица, - сказал он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

- Чего тебе, Белецкий? - недовольно прохрипела бывшая. - Вообще совести нет, трезвонишь в такую рань...

- Зачем Кети приехала в Москву? - быстро спросил он, не давая ей времени на то, чтобы опомниться. В трубке повисла тишина. Затем, прокашлявшись, Анжела с напускным равнодушием отозвалась:

- Ну, вот сам бы у неё и спросил... она тебе что, не сказала?

- Что вы замыслили? - прижимая телефон плечом, он резко вывернул руль. Нервы были на взводе. Он ни на секунду не поверил спокойствию Кетеван в кофейне и теперешнему Анжелкиному показному безразличию.

- Вы с ней что-то задумали, - уже не вопросительным, а утверждающим тоном произнёс он. - О чём-то договорились... Только вот я до сих пор не пойму, у тебя-то какая роль в этом балагане? Дёргаешь за ниточки? Наслаждаешься игрой марионеток?

- Какие ниточки, окстись, и в мыслях не было... Я чиста перед тобой, как слеза ребёнка, - попыталась отшутиться она.

- А эта встреча выпускников... Кети сказала, что это была твоя идея. Ненаглядная моя, что у тебя в голове?! - продолжал допытываться он.

- По моему, Белецкий, это у тебя в голове - паранойя, - страдальчески вздохнула бывшая супруга. - Немудрено, с твоим-то образом жизни... Ты стал настоящим затворником в последние годы...

- Что ты рассказывала Кети обо мне? - перебил он.

- Только то, что сама знаю... А знаю я немного, милый, ты же давно не беседовал со мной по душам, - она пренебрежительно фыркнула. - Да не ищи ты всяких тайных подтекстов и скрытых смыслов! Просто у Кети сейчас сложный период. Ты, наверное, знаешь, что она развелась. Ей просто нужно развеяться. Вот она и приехала в Москву. Наберётся новых впечатлений перед тем, как начать новую жизнь. Походит по местам боевой славы, так сказать. И я подумала, что...

- ...что можешь, этак невзначай, подсунуть ей меня, чтобы она утешилась? - подсказал он.

- Ну, не то чтобы "подсунуть", - смутившись, заюлила Анжела. - Но мне кажется, ей бы сейчас пошли на пользу ваши общие воспоминания. Прошлые эмоции и чувства...

- Ты что, сватаешь за меня Кети? - не поверил он своим ушам.

- А почему нет? - искренне удивилась она. - Вы были бы красивой парой... Ещё в

студенчестве вместе офигенно смотрелись.

Он в сердцах стукнул по рулю - так, что ладонь заныла.

- Какого хрена, Анжела?! Что за бред ты несёшь? - он был взбешён до крайности. - Какая "красивая пара"? Я, вообще-то, женат!

- Ах да, я и забыла... - язвительно протянула Анжела. По её голосу явственно считывалось, как она относится к этому браку. Белецкий похолодел от внезапной догадки.

- Галю сюда не впутывай, поняла? И вообще держись от неё подальше. И от меня заодно. От нас обоих! Я в курсе, что ты от неё не в восторге, но тебя это абсолютно не касается.

- А может, касается? - игриво подхватила она. - Может, я чистосердечно радею за счастье своего любимого, хоть и бывшего, мужа?

- Забавляешься? - переспросил он с отвращением. - В сваху играешь? Я не понимаю тебя, Анжела. Чего ты добиваешься? Зачем это тебе? Никак не смиришься с тем, что ты не главная женщина в моей жизни? Да ты ведь меня даже не любила никогда.

- Остынь, Белецкий, - немного струхнув, дала заднюю бывшая. - Ни в какую сваху я не играю. Хотя, откровенно говоря, твоя нынешняя, прости господи, жена не вызывает у меня восторга. Слишком уж... покорная, слишком влюблённая, этакая восторженная дурочка... Она тебе тапочки в зубах не приносит, нет, когда ты домой возвращаешься?..

- Не. Трогай. Галю, - внятно повторил он. - Не смей, - и в раздражении отбросил телефон на соседнее сиденье.

Внезапно на пешеходный переход, будто материализовавшись из воздуха, выскочила какая-то шальная бабка. Белецкий едва успел притормозить и выругался сквозь зубы. Так и до аварии недалеко... Вообще-то, он уже несколько лет предпочитал пользоваться услугами личного водителя: можно было не напрягаться, а расслабиться в дороге, даже поспать или, наоборот, сосредоточиться, повторить текст роли... Ну, или хотя бы просто спокойно поговорить по телефону, не отвлекаясь и не рискуя схлопотать штраф, а то и задавить какую-нибудь бойкую старушку. Но сейчас его водитель был в отпуске, так что приходилось рулить самому.

Перепуганная бабка резво засемила по "зебре", с опаской поглядывая в сторону машины и прижимая к груди свою сумку. Белецкий терпеливо ждал.

Он не мог чётко сформулировать, о чём сейчас думает, что чувствует. Он даже не пытался проанализировать итоги странной утренней встречи с Кетеван. На душе было как-то мутно, беспокойно... и снова это противное, тревожное, полузабытое ощущение тоски в сердце.

**"Экспонат" ("На лабутенах") - песня группы "Ленинград" 2015 года. В виде сингла вышла в 2016 году, возглавив российский чарт на iTunes. Клип за год набрал более 100 миллионов просмотров на YouTube и победил в номинации "Лучшее музыкальное видео" на первой церемонии вручения Российской национальной музыкальной премии.*

К счастью, он умел быстро переключаться, настраиваясь на работу. В театр вошёл уже совершенно другой человек - деловитый, собранный, энергичный.

Едва оказавшись в репетиционном зале, он сразу же почувствовал, что обстановка там накалена до предела. Казалось, ещё немного - и из ушей и ноздрей Антона повалит пар, как в

мультиках.

- Саша!.. - капризно протянула партнёрша Белецкого по спектаклю, Настя Райская. - Ну хоть ты скажи ему, а?! Так же нельзя...

- Анастасия, звезда моя, - в привычно-ироничной манере поздоровался с ней он, - кто посмел тебя обидеть?

Настя надула пухлые губки, а Антон за её спиной выразительно закатил глаза и высунул язык, как удавленник, давая Белецкому понять, что его терпение на исходе.

Оказалось, случилось страшное: актриса взопрела во время примерки зимнего костюма.

- Ты понимаешь, это ведь мы ещё даже репетировать не начали! - торопливо принялась жаловаться она. - Я сегодня специально приехала пораньше, мы должны были примерить костюм и подогнать по фигуре, если понадобится. Так я ровно пять минут простояла в этой шубе - и уже чуть не рухнула! В помещении духота, так и сознание потерять недолго... А каково мне будет на сцене во время спектакля?! Во всём этом грёбаном зимнем обмундировании?! В зале ведь вообще практически нет вентиляции!

В чём-то, разумеется, она была права. Здание драмтеатра давно требовало если не реконструкции, то хотя бы серьёзного ремонта. Перед каждым окончанием сезона вся труппа задыхалась от жары. Да и зрителям было несладко во время представлений... Руководство обещало озаботиться этим вопросом вплотную с началом нового сезона и убеждало немного потерпеть. Как назло, май выдался жарким, и "терпеть" становилось всё труднее. А тут ещё и грядущая премьера, назначенная на первые числа июня!..

Настя Райская, в отличие от Белецкого, не служила в театре и не являлась членом труппы - она пришла сюда в качестве приглашённой "звезды" и должна была дебютировать на сцене в роли Карениной. Спектакль ставился специально под двух больших артистов с громкими именами - Райскую и Белецкого.

Опыта игры на сцене у Насти не было. Она получила известность и любовь публики благодаря кино и сериалам. У неё была огромная армия фанатов, в основном среди молодёжи - ведь она и сама была молода, красива, остра на язык и умело пользовалась этой популярностью, раскручивая свой инстаграм, в котором было уже более миллиона подписчиков. За Настей всегда тянулся шлейф скандалов. О ней постоянно кричали СМИ. Благодаря своей дерзости и прямоте актриса заслужила титул хамки среди коллег, с ней предпочитали не связываться - себе дороже.

Вот и сейчас, глядя в её хорошенькое личико с гневно раздувающимися ноздрями, Белецкий понял, что скандал почти неизбежен. Нужно было срочно утихомирить и нейтрализовать бунтарку...

- Послушай, моя радость, - Белецкий приобнял Настю за плечи, - я всё понимаю. Тебе тяжело. Поверь, я тоже не в восторге от условий, в которых приходится играть.

- Это просто невыносимо! - подтвердила она, устремляя на него возмущённый взгляд своих чуть раскосых, как у кошки, зелёных глаз. Острый подбородок на округлом личике в форме сердечка только усиливал её сходство с кошачьими.

- Но эта сцена происходит зимой, на улице, выкинуть её мы не сможем при всём желании. Не вырядишься же ты в летнее платье только потому, что тебе, видите ли, душно, - втолковывал Белецкий. - Предлагаешь переделывать все эти массивные громоздкие декорации и менять на ходу текст пьесы?

- А давайте сразу Льва Толстого перепишем, - ехидно подал голос Антон. - Чего мелочиться, особенно, когда до премьеры чуть-чуть осталось...

- Ты его и так уже переписал до такой степени, что бедный Лев Николаич в гробу переворачивается! - обернувшись к нему, грозно зашипела Настя. - Так что лучше не играй на нервах, а помолчи, непризнанный гений.

- Почему это непризнанный?.. - самолюбиво, по-мальчишески, подорвался режиссёр, но Белецкий сделал ему знак заткнуться и не раздувать конфликт дальше.

- Насть, ну правда, чего ты выпендриваешься, - миролюбиво сказал он, продолжая успокаивающе обнимать её за плечи. - Ты же знаешь, что сыграть всё равно придётся. Все ждут, что ты будешь блистать в этой роли. Твои поклонники бьют копытом, так им не терпится увидеть тебя на театральной сцене... Поэтому надо просто - что?..

- Что? - послушно повторила она.

- Сжать зубы, немного потерпеть - и сыграть так, чтобы все обалдели. Ты же сможешь это сделать, я знаю!

Настя самолюбиво ухмыльнулась.

- Конечно, смогу...

- Ну, тогда отбрось все истерики и претензии... и просто отдайся этой роли, - Белецкий легко ущипнул её за щёку. - Будь умницей.

- И возьми с полки пирожок, - пробурчал неугомонный Антон. Он, как и все, нервничал перед громкой премьерой, о которой уже заранее гудели СМИ, поэтому Настины закидоны и выкрутасы порядком надоели ему и воспринимались в штыки. Только Белецкий мог справиться со строптивым нравом артистки, не впадая при этом в бешенство.

- Саша, ты единственный нормальный человек в этом сумасшедшем доме, - со вздохом произнесла Настя. - Только ради тебя и терплю вот это вот всё...

- Польщён до глубины души, - отозвался он. - Ну, а теперь, может быть, уже начнём репетицию?..

1995 год, Москва

Никогда ещё поезда в метро не тащились так медленно, словно испытывая его терпение. У него и не было сил терпеть - он мчался вверх по лестницам эскалатора, заскакивал в уже закрывающиеся двери вагонов, обгонял неторопливо шествующих пассажиров, нечаянно задевая и толкая их, и получал вслед гневное: "Смотри, куда прёшь, каз-зёл!.." Он спешил к Кетеван так, будто даже секундная заминка грозила смертью.

Затем он долго барабанил кулаком в дверь её квартиры, непрерывно жал на кнопку звонка, уже понимая - отчаянно, безнадежно - что дома никого нет.

Следующие два дня слились для него в один бесконечный процесс поиска. Он метался по городу, как одержимый, тщетно пытаясь разыскать эту дурёху Кети. Дёргал за любую ниточку, которая, казалось, могла к ней привести. Его трясло от дикой злости на неё, от парализующего страха - за неё же, и, конечно, от удушающей ревности. В каждой встречной паре он видел Аслана и Кетеван. Если бы он действительно встретил Аслана сейчас, на самом пике своего безумия - то, без сомнения, убил бы его.

Анжела вполне могла быть в курсе того, где сейчас находится её непутёвая подружка, и он даже несколько раз заезжал в общагу, но, как назло, всё никак не мог застать однокурсницу на месте. Правда, вахтёрша уверяла, что студентка Климова совершенно точно в городе, она не уехала на лето.

В конце концов, на вторые сутки, вечером - бледный, дёрганный, взвинченный и

невывисавшийся - он просто опустился на крыльцо общежития, намереваясь дожидаться Анжелу во что бы то ни стало. Даже если ему придётся ночевать на этих грязных, пыльных ступенях...

Ночевать не пришлось. Терпение его было вознаграждено - через полчаса к общаге подъехала иномарка, в которой сидели Климова и какой-то мужчина лет сорока на месте водителя.

"Отец к ней, что ли, приехал?" - подумал Белецкий, поднимаясь, но в этот момент Анжела вдруг прильнула к мужчине с отнюдь не дочерним поцелуем. Затем она выпорхнула из машины, махнула на прощание ладошкой и побежала к общаге, но, увидев на крыльце Белецкого, чуть не споткнулась и густо покраснела. Затем она в замешательстве оглянулась, проверяя, уехал ли её спутник - точно боялась, что Белецкий увидел больше положенного. Она нервно покусывала губы и с тревогой всматривалась в лицо однокурсника, ожидая бесцеремонных любопытных расспросов. Ему же было до смешного всё равно, с кем крутит шашни Климова. Абсолютно безразлично. Его интересовала только Кетеван...

- Где она? - спросил он Анжелу без всяких предисловий. - Ты что-нибудь знаешь?

Её глаза забегали. Очевидно, она прекрасно поняла, о ком идёт речь.

- Да не волнуйся ты, Сашка, - преувеличенно беззаботным тоном отозвалась она. - Всё с твоей Кети в порядке. Она звонила мне вчера сюда, в общагу, живая и здоровая.

- Зачем звонила? - заторможенно переспросил он. Анжела передёрнула плечами.

- Ну, как - "зачем"... Поделиться радостью с подругой, конечно же!

- Радостью?

- Ну да. К ней приехал любимый человек, она счастлива... Ой, Саш, ну не делай ты такое лицо! - затараторила Анжела, довольная, что он не заостряет внимания на её собственных любовных похождениях. - Всё равно тебе с Нижарадзе ничего не светило с самого начала. Она в этого своего дагестанца влюблена, как кошка!

Его замутило.

- Где они сейчас? - выговорил он глухо. - Дай мне адрес.

Анжела округлила глаза.

- Адрес?.. Так я его не знаю, она мне не сообщила.

- А телефон?

- Телефона нет, она звонила из автомата, с улицы... Да не расстраивайся ты так! - воскликнула она, глядя, как изменилось его лицо. - У неё всё замечательно, нечего её искать... сама вернётся, когда надо будет. Ты бы лучше ехал домой и ложился спать, честно... вид у тебя совершенно дикий.

Он развернулся и, ни сказав ей больше ни слова, молча побрёл прочь.

- Саша?.. - окликнула его Анжела неуверенно. Что-то было в его поведении... в выражении лица, в тоне голоса... такое, что ей вдруг стало не по себе.

Однако он не обернулся.

Домашний телефон разрывался от звонков. Белецкий слышал эти трели, ещё когда только подходил к двери своей квартиры. Он торопливо достал ключи, открыл замок и забежал внутрь - быть может, это была весточка от Кетеван?..

Однако мироздание, очевидно, решило добить его в этот самый момент. Сняв трубку, Белецкий услышал на том конце провода голос тёти Нателлы.

Галинка не выскочила ему навстречу, не повисла на шее с поцелуями, вообще никак не проявила себя, хотя была дома - Белецкий услышал негромкий звук работающего в гостиной телевизора. Обычно жена всегда спешила к нему, когда он возвращался, расспрашивала, как прошёл спектакль, помогала устроить в вазы букеты цветов, которые ему надарили зрители... В этот же раз - ничего подобного.

Он аккуратно сложил цветы на столик в прихожей и заглянул в гостиную. Жена сидела на диване и делала вид, что внимательно наблюдает за происходящим на экране телевизора.

- Галюша, привет! - поздоровался он. Она даже бровью не повела. Так... это было что-то новенькое.

- И по какому же поводу, интересно знать, мне сегодня объявлена война? - поинтересовался Белецкий оживлённым тоном, демонстрируя, что его это больше смешит, чем пугает.

- Зайди в интернет и сам посмотри, - гордо, не поворачивая головы, отозвалась Галинка.

- Нет уж, будь добра, ткни меня туда носом. А то, боюсь, довольно проблематично найти что-то, если вообще понятия не имеешь, чего ищешь.

Она буквально швырнула в него планшетом, на экране которого был открыт какой-то сайт.

- “Звёздный сплетник”! - громко, с выражением, как на пионерской линейке, зачитал Белецкий и покосился на жену. - Очень красноречивое название...

Однако смех застрял у него в горле, когда он увидел статью на главной странице. Он даже моргнул несколько раз, не поверив поначалу своим глазам и борясь с желанием зажмуриться и не видеть этого больше никогда.

Там были опубликованы фотографии - его и Кетеван. Утренние, из кафе.

Очевидно, кто-то из посетителей всё же узнал его. На первом фото он получился вполоборота, а Кетеван спиной. На другом фото, наоборот, были видны только его затылок и спина, а его спутница - в профиль. Фотки, разумеется, были телефонными - размытыми, жуткого качества, но... не вызвали сомнений в том, кто на них запечатлён.

*“Сегодня утром популярный актёр театра и кино Александр Белецкий был замечен в кофейне *** с таинственной незнакомкой, - гласил текст статьи. - Имя её установить не удалось, но это совершенно точно была не законная супруга артиста Галина Тесленко. Встреча очень сильно смахивала на романтическое свидание. Влюблённые пили вместе кофе и мило общались, не отрывая нежного взгляда друг от друга...”*

“Александр Белецкий изменяет своей жене?” - вопрошал заголовок. Этакая вишенка на торте.

Белецкий опустился рядом с Галинкой на диван. Она самолюбиво отодвинулась к самому краю, и он, чёрт возьми, прекрасно понимал сейчас её чувства.

- Нет, - сказал он устало.

Она искоса взглянула на него.

- Что - “нет”?

- Александр Белецкий не изменяет своей жене.

- Да пойми ты, Саша, - воскликнула она с досадой, сразу вскинувшись, отбросив показную холодность. - Не в этом дело! Я и не думала обвинять тебе в измене. Просто... ужасно обидно, что я узнаю об этом из жёлтых новостей, а не от тебя лично. Почему ты мне

сразу не сказал, что едешь встречаться со своей первой любовью?

Он оторопел.

- Как... как ты догадалась? - выговорил он вмиг севшим голосом. Галинка посмотрела на него почти с жалостью.

- Может, конечно, я и полная идиотка, но уж ни разу не дура. Ты рассказывал мне о своей несчастной студенческой любви. Пусть без имён, но достаточно. Уезжая сегодня утром из дома, ты забыл убрать фотоальбом. Я и раньше его пролистывала... Вычислить, кому именно из своих однокурсниц ты неровно дышал, не составило особого труда - ты везде так на неё смотришь... Ну так вот, утром, проснувшись, я нахожу альбом здесь, а потом вижу вот эти фотки в интернете... и ту самую однокурсницу.. У неё своеобразная внешность, трудно не узнать. Я просто сложила два и два, - Галинка сникла.

- Так, стоп, - взмолился он. - Я расскажу тебе всё, как есть, только сама не придумывай себе всякого!

- Хорошо... - кивнула она. Судя по её кислому тону, “придумать всякого” и накрутить себя она и так уже успела, причём весьма продуктивно.

Он похлопал ладонью возле себя.

- Садись поближе.

Поколебавшись немного, Галинка всё же подвинулась к нему.

- Мы встречались сегодня с Кети вовсе не как тайные любовники, - начал он, - и это не было романтическим свиданием, что бы там ни сочиняли журналисты. Просто дружеская встреча. Попили вместе кофе - и всё. У нас с ней ничего никогда не было и быть не могло, ты же в курсе. Мы вообще не общались с ней все эти годы. А сейчас... она оказалась в Москве, позвонила мне и попросила встретиться.

- Зачем?

Он растерялся, потому что сам ломал голову над этим вопросом.

- Зачем?... Да я, если честно, так и не понял. Может, по старой памяти?.. Вообще-то, они вместе с Анжелкой решили организовать встречу нашего курса, собрать всех самойловцев, повспоминать прошлое, узнать, кто как живёт сейчас...

- А что, если... - Галинка кусала губы в волнении. - Если у неё к тебе вдруг проснулись какие-то чувства?

Ему совсем не было весело, но тут он даже коротко рассмеялся от этого странного предположения.

- Двадцать два года спустя?! Вот так, вдруг, внезапно проснулись? Да ну, такого не бывает.

- А у тебя... - было видно, что ей тяжело об этом спрашивать. - У тебя ничего не дрогнуло при встрече? Ведь такая любовь была...

- У меня тоже ничего не проснулось и не дрогнуло, потому что давным-давно умерло, перегорело и отболело, - поколебавшись, он обнял её, не будучи уверенным даже в том, что она позволит это сделать. Однако Галинка не отстранилась. Только вздохнула как-то измученно, словно уставший и обессиленный вконец человек.

- Да, может быть, возникло некоторое приятное волнение... - признал он нехотя, - но это, скорее, воспоминания об ушедшей юности в целом, лёгкость и романтика того жизненного периода, а вовсе не вернувшаяся вновь первая любовь.

- А может быть, она просто самоутверждается за твой счёт? - предположила Галинка нерешительно.

- В каком смысле?

- Ну, судя по всему, эта твоя... Кети, - имя далось Галинке с явным трудом, - никакого особого успеха в карьере не добилась. А тут - ты. Успешный, известный, красивый... Приятно же потешить больное самолюбие, напомнив себе - да и тебе заодно - как ты увивался за ней прежде. Может, она так попыталась возвыситься... нет, скорее - приосаниться на твоём фоне.

- Если это и в самом деле так, - произнёс он с сомнением, - то метод она выбрала довольно жалкий. Это как-то... мелочно. Даже ничтожно.

- Это не ничтожно, а жестоко по отношению к тебе, - покачала головой Галинка.

- А Кети всегда была жестокой, - усмехнулся он. - Она никогда не думала о моих чувствах, точнее, думала, но при этом хладнокровно брала их в расчёт - как бы повыгоднее использовать в своих целях.

Она опять тяжело, прерывисто вздохнула и уткнулась ему в грудь.

- Успокоилась? - спросил он, поглаживая её по волосам. Галинка неуверенно кивнула. Ей было и хорошо, и плохо одновременно. Он приподнял её лицо за подбородок и внимательно взглянул в глаза.

- Плакала тут в одиночку, признавайся?

- Немножко...

- Дурашка маленькая, - он снова прижал её к себе и поцеловал в макушку. - Ты ведь есть у меня. Неужели так трудно поверить и запомнить, что мне никто больше не нужен?

- Я верю, но... Саша, зачем они всё время сочиняют про тебя все эти мерзости? - жалобно спросила она, имея в виду журналистов. - Постоянно смакуют твои якобы измены, выуживают из небытия интервью с твоими бывшими, считают их количество...

- Количество - это единственное, в чём меня можно упрекнуть, Галюша, - усмехнулся он невесело. - До того, как мы встретились, у меня было много, очень много женщин.

- Я знаю, - она передёрнула плечами. - И не собиралась тебя упрекать, меня это не касается. Это всего лишь прошлое...

Он поморщился.

- Да, но всё равно я сейчас об этом очень жалею.

- Твои бывшие, я уверена, не жалеют! - подколола его Галинка, не удержавшись.

- И всё-таки, я не должен был... не имел права... чёрт, не знаю, как сформулировать, - пристыженно произнёс он. - У меня до сих пор комплекс, что такому распущенному похотливому идиоту, как я, досталась такая волшебная и чистая девочка. Я же вижу, что тебя это тоже гнетёт. Может быть, на уровне подсознания...

- Неправда! - запротестовала она. - Я об этом даже не думаю! Ну, почти...

- "Почти"... - повторил он со странным выражением, словно у него внезапно заболели зубы. - Вот поэтому я и не нахожу себе места. Боже, дау тебя не должно возникать даже тени сомнения! Ты у меня одна - и точка. Я не умею говорить о любви красиво, извини...

- Ты - и не умеешь?! - она нервно рассмеялась от подобного заявления.

- Нет, - твёрдо сказал он. - Я всегда прячусь за слова классиков, за чужие стихи и чужие мысли, как за палочку-выручалочку. В этом плане, несомненно, актёром быть очень удобно. Всегда держишь в голове чёртову тучу стихов и цитат на все случаи жизни...

- Успокойся, - произнесла она видя, что он не на шутку взволнован. - Мне и не нужны от тебя красивые признания.

Белецкий с нежностью провёл ладонью по её щеке.

- Просто знай, что без тебя мне пусто и холодно. Если утро не начнётся с твоей улыбки - весь день пойдёт коту под хвост. Ты мне нужна, - добавил он почти беспомощно. - Ты ведь в моей жизни появилась, прямо как в сказке - в нужное время и в нужном месте... Появилась и спасла. Андерсеновская русалочка... - намекая на её безграничную любовь к морю, пошутил он. - Жаль только, что я - так себе принц. Ну, какой уж есть... прошу любить и жаловать.

Галинка, затаив дыхание, умоляюще взглянула ему в глаза.

- Поцелуй меня, - прошептала она, облизнув пересохшие губы. После непростого разговора она чувствовала не лёгкость, а самое настоящее опустошение, и ей требовалось немедленно заполнить чем-нибудь эту пустоту, иначе она боялась, что снова по-детски расплачется.

Белецкий не заставил себя упрашивать, наклонился и сразу же накрыл её тёплые губы своими. Он словно ещё не знал их вкуса и только пробовал, дразня и раззадоривая - медленно, вкрадчиво, томительно исследуя, будто впервые. Галинка задрожала в его объятиях, резко переключаясь от печальных эмоций на прямо противоположные. Обычно муж был с ней пронзительно-нежен, но именно сейчас она внезапно поняла, что не хочет ни ласки, ни нежности, а жаждет подчиниться грубой мужской силе. Казалось, что именно напор придаст ей необходимое чувство защищённости, а вовсе не романтический трепет и робость, которые, напротив, сделали бы её в данный момент ещё более уязвимой и хрупкой.

Белецкий почувствовал её настрой и тут же перешёл к более активным действиям. Невольно издав приглушённо-благодарный стон, Галинка жарко ответила на поцелуй, положила ладонь ему на затылок и чуть надавила, крепче прижимая к себе. Страсть затопила её в момент, по самую маковку, безжалостно вытесняя всю невысказанную тревогу и смутную тоску. Ей хотелось кричать от нетерпения, и она сжала его плечи напряжёнными пальцами. Он уже и сам завёлся, как двадцатилетний, точно они не занимались любовью сегодняшним утром. Было не до прелюдий и долгих церемоний.

- Галюша... - он многозначительно указал взглядом наверх, где находилась спальня. - Извини, но до кровати я сейчас не дойду. Ты сама напросилась!

Подняв безропотно подчинившейся Галинке руки, он рывком стянул с неё лёгкий домашний сарафанчик. Она осталась практически обнажённой, только тонкая полоска белых трусиков - простых, хлопковых, никакого шёлка и кружев - соблазнительно оттеняла её смуглую кожу. Он обожал смотреть на неё, никогда не мог насмотреться: всегда казалось мало, недостаточно, так, что впору было ослепнуть от подобного хрупкого совершенства, женственности в её самом идеальном воплощении... Он безумно любил её тело, знал на вкус и на ощупь все его изгибы, впадинки и складочки, и когда Галинка чуть качнулась вперёд, привычно ощутил в ладонях мягкую тяжесть её упругой высокой груди. Дыхание его участилось; он с жадностью притянул жену к себе, и она подалась навстречу, одновременно расстёгивая его рубашку, отчаянно спеша и путаясь в пуговицах, сталкиваясь с его руками, тут же переплетаясь с ним пальцами и торопливо, почти неистово целуя всюду, куда только могла дотянуться.

- Ты - мой... только мой! - сладко и отчаянно выдохнула она ему прямо в губы, дрожа от охватившего её желания и чувствуя всем телом его горячую, обжигающую кожу, его ответную дрожь. - Я тебя никому не отдам, так и знай!

Он никогда не был особо суеверным, но тут невольно поймал себя на том, что хочет трижды постучать по дереву. "Пожалуйста, не отдавай, - взмолился он мысленно, ещё крепче прижимая её к себе. - *Пожалуйста...*"

1995 год, Москва

От растерянности Белецкий не успел ничего сообразить, не придумал сходу оправдания, почему он находится сейчас не на даче, а в городе. Но оправдываться и не потребовалось: тётя Нателла, ни о чём не спрашивая, просто произнесла тусклым, каким-то безжизненным голосом:

- Сандро, у меня к тебе большая просьба. Привези, пожалуйста, Кети домой.

- Её... - он кашлянул, не совладав с голосом, - её сейчас нет рядом.

- Я в курсе, - бесцветно подтвердила она. - К ней приехал этот парень из Дагестана... Аслан.

У него уже не было сил ничему удивляться. Очевидно, весь запас эмоций был вычерпан до доньшка за эти два дня. Он просто до боли в пальцах стиснул телефонную трубку и тихо поинтересовался:

- Вы давно знаете?

- Утром узнала... Решила устроить генеральную уборку, пока Кети нет, и обнаружила пачку писем на шкафу, под старыми газетами и журналами. "Главпочтамт, до востребования", - она то ли рассмеялась, то ли вхлипнула. - Конспиратор из Кети так себе...

Господи, какими же мы все были дураками! И её родители, и я свято уверовали в то, что она выкинула этого парня из головы, смирилась и успокоилась...

- Простите меня, - произнёс Белецкий в раскаянии, умирая от стыда. - Кети меня просто ошарашила этой новостью, я пытался отговорить и остановить её, правда...

- Я не виню тебя. Если моя племянница втемяшит себе что-то в голову - из неё этого не выбить, уж я-то знаю, - обречённо произнесла тётя Нателла и горько, с досадой добавила:

- Господи, уж лучше бы она любила тебя, Сандро! Я же знаю... вижу, как ты к ней относишься.

Он молчал, не зная, как комментировать это откровение. На том конце провода послышался приглушённый звон стекла и звук льющейся воды. Принимает лекарство? Валерьянку?.. Ну, не водку же она там в одиночку пьёт, подумал он как-то отстранённо, будто в тумане.

- Если с ней что-нибудь случится... - прошептала тётя Нателла в трубку, точно не решалась озвучить свои страхи в полный голос. - Приведи её, пожалуйста, домой. Мне больше не к кому обратиться. Сама я не могу туда поехать... очень боюсь, что не смогу сдержаться, натворю глупостей... и сделаю ещё хуже, чем есть.

- Тётя Нателла, - волнуясь, он бессознательно запустил руку в волосы и взъерошил их. Ему ужасно не хотелось разочаровывать и расстраивать её, но сказать всё равно пришлось бы. - Да ведь я понятия не имею, где они сейчас. Кети не оставила мне ни адреса, ни телефона для связи. Всё это время я пытался её разыскать, но...

- Адрес я знаю, - тяжело вздохнула она в ответ. - Я же справки наводила...

- Как вам это удалось? - воскликнул он, моментально воспрянув духом. У неё есть адрес!.. А значит, уже скоро он, наконец, сможет увидеть Кетеван и убедиться, что с ней всё в порядке... ведь в порядке же?!

- Можешь считать меня бесцеремонной и наглой особой, - усмехнулась она невесело, - но я перетрясла все тетрадки и записные книжки Кети после того, как нашла письма. Обнаружила махачкалинский номер телефона... тут же позвонила его родне, устроила им взбучку... они, по-моему, были в шоке от того, как я орала. Потому что сходу выложили мне адрес бывшего одноклассника Аслана, который сейчас живёт в Москве и занимается каким-то бизнесом. Аслан должен был остановиться именно у него. Он, вроде бы, собирался тоже поискать здесь работу... - на этот раз она явственно всхлипнула.

- Успокойтесь, пожалуйста, только не плачьте, - взмолился он. - Диктуйте скорее адрес, я сейчас же поеду и заберу её оттуда!

- Только, Сандро, пожалуйста... будь предельно осторожен, - попросила она напоследок. - Не лезь на рожон и... в общем, просто будь осторожен.

Одноклассник Аслана обитал в съёмной двушке в Чертаново. Именно он и открыл дверь Белецкому, когда тот прибыл на место. Парень оказался здоровенным, высоким, даже с виду крепким и сильным - но, в отличие от того же Жорки Иванова, который был таким от природы, одноклассник явно увлекался модным в те годы культуризмом, то есть бодибилдингом. Белецкий поначалу даже подумал, что это и есть Аслан собственной персоной, но потом сообразил, что ошибается. Едва ли Кетеван могла влюбиться в такого... простого, незатейливого, даже примитивного человека - с её-то взбалмошным характером и оригинальным вкусом.

- Тебе кого, братан? - поинтересовался парень, настороженно зыркнув на Белецкого из-

под густых чёрных бровей. - Дверью не ошибся?

- Кети позови, - попросил тот без предисловий. Лицо крепыша сразу же сделалось напряжённым.

- Кети? А ты ей кто? И откуда знаешь, что она здесь?

- Какая разница. Просто позови, её родные ищут, уже с ног сбились.

Поколебавшись, тот всё-таки посторонился, пропуская Белецкого в полутёмную прихожую.

- Что-то мне твоя физиономия знакома, - протянул он с подозрением. - Где я тебя раньше мог видеть?

Он щёлкнул выключателем, и над головой вспыхнула, озарив прихожую тусклым светом, голая лампочка. Крепыш продолжал пристально всматриваться в лицо Белецкого.

- Ты похож на парня из рекламы... точно, этого, с жвачкой! - осенило его вдруг. - Слушай, ну реально одно лицо! Это, случайно, не ты?

- Тебе кажется... - буркнул он.

И вот тут Белецкий, наконец, увидел Кетеван. Заслышав знакомый голос, она выскочила в прихожую и остолбенела. Буквально застыла на месте, как вкопанная.

- Сандро? - выдавила она из себя. - Ты здесь откуда?

Он моментально испытал облегчение - живая! Целая, невредимая... даже вполне бодрая и оживлённая.

В этот миг за её спиной возник другой парень. И вот он-то, вне всякого сомнения, и был Асланом. Белецкий с жадным, плохо скрываемым любопытством уставился ему в лицо, заранее настроенный на то, что этот тип покажется ему мерзким и отталкивающим. Аслан, как и его одноклассник, оказался очень высоким, крепким - и красивым. Красивым хищной, какой-то грубовато-дикой красотой. Это был не человек, а тигр. Скрытая угроза так и читалась в чуть прищуренном взгляде его чёрных глаз, в неприветливо сжатых губах, в гордо вскинутом подбородке. От него веяло опасностью... хотя, быть может, Белецкий просто накручивал себя из ревности.

Аслан перевёл взгляд на встревоженную Кетеван, которая, совершенно растерявшись, не знала, как реагировать на происходящее.

- Это, я так понимаю, "Фархад"? - насмешливо спросил Аслан, обращаясь к ней. - Тогда у меня два вопроса: какого хрена он здесь делает и не слишком ли нагло себя ведёт?

- А может, наконец, нормально меня представишь? - повернувшись к Кетеван, поинтересовался у неё Белецкий. Ему не понравился снисходительный тон Аслана, словно он не воспринимал его всерьёз. Так... мальчик на побегушках. Интересно, он вообще в курсе, какие у них с Кети отношения?

Судя по лицу Кетеван, выдававшему всю степень её замешательства, она не особо-то распространялась перед Асланом о своей нежной дружбе с однокурсником. Во всяком случае, не в деталях.

- Это... Сандро, - выдавила она наконец. - Александр Белецкий. Мы с ним вместе учимся, я упоминала.

Вот как, отметил Белецкий. *Упоминала...*

- Ну так что, - хмыкнул Аслан и подмигнул ей, - он тебя беспокоит? Преследует? А может, спустить этого красавчика с лестницы? Что скажешь, Расул? - он повернулся к своему однокласснику. Тот с готовностью осклабился.

- Нет! - вскрикнула Кетеван испуганно, невольно вцепившись Аслану в руку, точно

пытаясь его удержать, хотя парень продолжал стоять на месте. - Он не преследует меня, и вообще... никогда меня не обидит, он очень хороший!

Горячность её заверений удивила Белецкого. Она так боится, что этот её Аслан всерьёз может сделать ему что-то плохое? Вообще, в присутствии возлюбленного Кетеван была совсем другой - не той, к которой Белецкий привык. Вся её наглая дерзость, смелость, кокетство куда-то испарились. Сейчас он видел перед собой покорную и без памяти влюблённую девушку, которая с преданностью и обожанием заглядывала Аслану в глаза, только что хвостом заискивающе не виляла.

Легонько отстранив Кетеван, Аслан снова впери в Белецкого испытывающий взгляд.

- Ты не тяни kota за яйца, "хороший", чего припёрся-то?

- Я за тобой, - обращаясь к Кетеван и подчёркнуто игнорируя Аслана, сказал Белецкий. - Поехали домой, пожалуйста.

Её, наконец, осенило.

- Но, в самом деле... как ты меня нашёл? - спросила она, уже предугадывая и одновременно боясь услышать ответ.

- Тётя Нателла узнала адрес. Она позвонила родителям Аслана в Махачкалу.

Кетеван ахнула, а Аслан негромко выматерился.

- Ты нас сдал, да? - глаза девушки заметали громы и молнии. - Я же просила... Я так тебе верила!

- Да никого я не сдавал, успокойся, - устало отозвался он. - Она сама догадалась. Нашла вашу переписку... сопоставила факты... и позвонила мне.

- Но зачем ты в принципе подошёл к телефону, идиот? - застонала она в бессилии. - Пусть бы так и считала, что мы на даче... Можно было, вернувшись, всё отрицать! Отпираться до последнего...

Он вдруг разозлился на неё - так, что аж зубами скрипнул.

- Ты совсем не думаешь о родных тебе людях?! О тётё Нателле, о том, как она переживает за тебя? Да она места не находит!..

- Тон поубавь, - предостерегающе произнёс Аслан. - Не ори на мою девушку.

- Я забираю твою девушку, чтобы отвезти её домой, - жёстко сказал Белецкий.

- Морду тебе набить, что ли, - раздумчиво, точно сам у себя, спросил Аслан.

- Ну, попробуй, - отозвался Белецкий. Он был странно спокоен в этот момент. Ему совсем не было страшно, хотя он понимал, что если эти двое и в самом деле решат его избить - шансов на победу у него не будет практически никаких. Однако это его сейчас мало волновало. Прежде всего, нужно было сохранять хладнокровие и не терять голову. Он явился сюда вовсе не затем, чтобы драться. Хотят бить.. ну что ж, только пусть делают это побыстрее. А потом он исполнит данное тётё Нателле обещание.

- Не надо! - ещё больше перепугалась Кетеван и умоляюще повернулась к своему парню. - Не трогай его, Аслан... Он же актёр. Актёров нельзя бить по лицу. Это их визитная карточка.

- Так я могу и не по лицу, а по почкам, - недобро усмехнулся Аслан. Однако, юморист оказался...

- Ну точно, - захохотал вдруг Расул, до этого безмолвно внимающий их странной перепалке из противоположного конца прихожей. - Актёр!!! Я же говорю - реклама жвачки... Это и правда ты!

Между тем Кетеван, наконец, решила и робко взглянула на Аслана.

- Наверное, мне и в самом деле придётся поехать сейчас домой. Раз уж тётя в курсе... я должна ей всё объяснить.

- Хочешь, я с тобой? - спросил Аслан.

Видно было, что девушка отчаянно трусит перед предстоящей встречей с родственницей. Предложение Аслана выглядело заманчивым, и её в глазах уже загорелась надежда, но Белецкий резко осадил парня:

- Не советую. Тётя Нателла сказала, что за себя не ручается. Может, позже, когда она немного остынет...

- Да, так будет лучше, - сникла Кетеван, - мне надо самой с ней поговорить.

- Может, оно и правда к лучшему, - Аслан хмыкнул. - Сколько можно прятаться? Раз она звонила в Махачкалу - полагаю, мои предки уже тоже в курсе наших с тобой отношений... Вот разом и раставим все точки.

Кетеван ушла в комнату и вскоре вернулась со своей дорожной сумкой - той самой, с которой уезжала "на дачу". Белецкий молча отобрал её у девушки. Не бог весть какая тяжесть, но всё-таки... Теперь он заметил то, на что не обратил внимания раньше - под глазами у Кетеван залегли тёмные круги от бессонных ночей, а губы вызывающе припухли от бесконечных поцелуев. Сердце сжало тисками. Он вдруг впервые отчётливо осознал, что Кетеван не просто ему не принадлежит - она принадлежит *другому*.

- Я люблю тебя, Аслан, - глядя на парня, выдохнула она с такой непередаваемой, такой откровенной интонацией, что Белецкому даже стало неловко, будто он внезапно оказался в чужой спальне, собираясь подсматривать за интимной жизнью охваченной страстью пары.

- Я подожду тебя внизу, - буркнул он и выскочил за дверь чуть ли не бегом, предоставляя им возможность попрощаться по-человечески и ненавидя себя, ненавидя её, ненавидя Аслана... и весь белый свет впридачу.

2019 год, Москва

Телефон слабо завибрировал под подушкой, принимая новое сообщение. Белецкий сонно потянулся за ним, поднёс к глазам и увидел новое послание от Кетеван.

“3 июня, ресторан “Летающий кот” на Красной Пресне, собираемся в 19:00. Деньги на подарок Мастеру все кидают на Анжелкину карту, она сказала, что у тебя должен быть номер, но можешь сам ей позвонить и уточнить. У тебя же выходной по понедельникам? Ты точно сможешь приехать?”

“Да”, - коротко ответил он на это сумбурное многословие. Голова раскалывалась то ли от вечного недосыпа, то ли к дождю... Было не до церемоний. Через секунду Кетеван прислала в ответ счастливый смайлик с глазами-сердечками. Что ещё за детский сад... Или, напротив - слишком взрослая, слишком тонкая игра, которую он пока так и не смог разгадать.

Сквозь плотные шторы в спальню пробивался тускло-серый утренний свет. Белецкий посмотрел на часы - не пора ли вставать, а затем покосился на Галинку. К его удивлению, жена не спала. Тихо, как мышка, лежала на боку, подложив ладонь под щеку, и внимательно наблюдала за выражением его лица.

- Ты почему не спишь? - спросил он, преодолевая боль и пытаясь улыбнуться.

- Голова болит? - догадалась Галинка. Всё-таки, она уже успела изучить малейшие оттенки его настроения и самочувствия. - Сейчас принесу таблетку...

- Да не надо, - он попытался поймать её за руку, - не критично. Сам попозже схожу. Мне всё равно скоро собираться...

Однако она уже не слушала его. Мигом спрыгнула с кровати, выскочила из спальни, и вот уже торопливый лёгкий пробег её ног зазвучал по лестнице. Белецкий опустил голову на подушку, закрыв глаза. Как нево время это всё, прямо перед репетицией... и даже внеурочный выходной не возмёмшь, когда на носу премьеры, подумал он. А может быть, дело вовсе не в непогоде, и недосып тут ни при чём - просто он стареет?.. Эта мысль отнюдь не улучшила его настроения.

Галинка вернулась с лекарством и стаканом воды, а затем, дождавшись, когда муж проглотит таблетку, принялась лёгкими круговыми движениями массировать ему виски, лоб и затылок. Расслабившись под её чуткими пальцами, он почувствовал, как боль потихоньку отступает.

- Ты просто волшебница, - улыбнулся он жене, открывая глаза.

- Да ну, ерунда, - отмахнулась она. - Это всё таблетка. Я просто чуть-чуть тебя отвлекла. Сейчас правда лучше?

- Намного. Спасибо...

- Тебе хорошо бы хоть немного пожить за городом, на свежем воздухе, - она укоризненно покачала головой.

- Вот доиграю сезон - и переберёмся с тобой на дачу, - пообещал Белецкий.

- А на море поедём? - спросила она с надеждой.

- Если хочешь, можем слетать в Сочи на открытие Кинотавра, - предложил он. - Засветимся на красной дорожке, посмотрим несколько фильмов, поваляемся пару дней на пляже... И обратно домой.

- Тебе с твоей премьерой только и порхать туда-сюда: из Москвы - в Сочи, и назад, - отмахнулась она. - Нет уж, давай-ка доиграй этот сезон спокойно. А море... вообще-то, я Крым имела в виду. Я по маме соскучилась... - добавила она совершенно по-детски.

- Так поезжай одна, Галюша, - ласково сказал он ей. - Разве я против?

- Ну нет, - она замотала головой. - Я ни за что не пропущу твою премьеру!

- Я просто пока не знаю, какие у меня планы на вторую половину июня. Возможно, будут пробы... а в июле, вероятно, новые съёмки. График пока не утверждён окончательно. Если срастётся... боюсь, мне не удастся вырваться из города надолго, - он виновато взглянул на неё. - Чего тебе со мной летом-то здесь торчать. Заскучаешь...

- Кто тебе написал? - кивнув на его телефон, спросила она вдруг, без перехода. Он почувствовал себя застигнутым врасплох, хотя скрывать, в принципе, ему было совершенно нечего.

- Это... она? - догадалась Галинка, поскольку муж замешкался с ответом.

- Да, звала меня на встречу выпускников, я говорил тебе, - откликнулся он, тоже с некоторой заминкой. - В понедельник. Если хочешь, пойдём вместе.

- Я-то что там буду делать? - удивилась она. Белецкий и сам не знал, почему предложил ей это. Видимо, чувствовал, что в глубине души она ещё не успокоилась окончательно. Однако Галинка категорически отказалась.

- Я на этой встрече буду, как пятая нога у собаки. В качестве безмолвного приложения к тебе! Даже разговор поддержать не смогу, у меня с твоими однокурсниками нет общих воспоминаний, они мне совершенно чужие, незнакомые люди...

- Да они и мне, откровенно говоря, не такие уж близкие в большинстве своём. Просто

интересно взглянуть, кто кем стал... А ещё, представь - как все мне будут завидовать, когда я явлюсь под руку с молодой красоткой!

- Ах ты, тщеславный самодовольный тип, - засмеялась Галинка. - Нет уж, давай не будем подвергать их нервы такому испытанию. Иди один.

- Ты уверена?

Она посерьёзнула и взглянула ему в глаза.

- Абсолютно. Я тебе доверяю.

1995 год, Москва

Едва Кетеван спустилась во двор, как тут же ощетижилась, будто ёжик, словно предчувствуя грандиозную выволочку от Белецкого.

- Не надо читать мне нотаций! - заявила она с вызовом.

- И не читаю.

Он закинул сумку на плечо и молча зашагал в сторону метро. Кетеван засемила вслед за ним.

- И не спрашивай ни о чём! - на том же надрыве предупредила она. Он равнодушно пожал плечами. Однако у Кетеван, вероятно, была потребность высказаться и даже слегка поскандалить.

- Я взрослый человек и сама могу нести ответственность за свои поступки, - гордо произнесла она. - Не надо меня пасти и опекать, как маленькую...

- Это ты тётке скажи. Мне-то что, - откликнулся он безразлично, и даже не играл при этом. Ему вдруг действительно стало всё равно. В данный момент Белецкий мечтал только об одном - добраться до своего дома и лечь спать. Голова просто раскалывалась...

Кетеван удивлённо притихла и всю дорогу хранила молчание.

Тётя Нателла открыла дверь ещё до того, как они позвонили - видимо, ждала их и наблюдала из окна, кто входит во двор. Белецкий почувствовал, как напряглась Кетеван, стоя с ним рядом - буквально окаменела. Девушка явно не на шутку трусила...

- Спасибо, Сандро, - произнесла тётя Нателла ровным голосом. - А теперь... ты не мог бы оставить нас с Кетеван наедине? Я тебе очень признательна за то, что ты помог, но... нам нужно поговорить с нею с глазу на глаз.

"Кетеван"... Впервые он услышал, что тётя назвала племянницу полным именем, а не просто "Кети", как обычно.

- Конечно, - кивнул он и, насмешливо искривив губы, даже изобразил что-то вроде почтительного поклона. - Раз я вам больше не нужен и вы меня великодушно отпускаете... Сделал дело - гуляй смело!

Он развернулся, чтобы уйти. Тётя Нателла поймала его за руку, с тревогой взглянула в глаза. Даже собственная беда не ослепила её настолько, чтобы не заметить, что парень не был похож сам на себя.

- Ты в обиде за мою просьбу?

- Ну, что вы, - он коротко рассмеялся. - Разве у меня есть право обижаться? Кто я, в конце концов, такой?

- Мне действительно просто не к кому было больше обратиться, - растерянно и тихо проговорила она.

- Зачем к кому-то обращаться? Ведь всегда есть такой приятный во всех отношениях,

удобный и безотказный парень, как я... Перед которым даже не стыдно. Который всё стерпит, всё вынесет... который при любом раскладе не опозорит *честь семьи* и будет молчать, ведь так?!

- С тобой всё в порядке? Тебе там ничего не сделали? - встревоженно спросила она у него. Вид у Белецкого и впрямь был какой-то нездоровый. Несмотря на его сопротивление, тётя Нателла приложила ладонь ко лбу парня и охнула.

- Да ты весь горишь! Нет-нет, стой, куда ты сейчас? В таком состоянии я тебя не...

- Да перестаньте, тётя Нателла, - перебил он с досадой. - Только не надо делать вид, что вы обо мне действительно волнуетесь. Я прекрасно доберусь домой.

- С чего ты взял, что я делаю вид? - ошарашенно залепетала она. - Сандро, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Ты замечательный мальчик, и я очень рада вашей дружбе с Кети...

- Нашей... дружбе... с Кети! - кажется, это была самая настоящая истерика - он не мог отхохотаться минут пять. - Какая прелесть, я сейчас заплачу. Тётя Нателла, ну перед кем вы притворяетесь? Даже ваша фраза о том, что вы жалеете... жалеете, что Кети выбрала не меня... помните?... она не имеет ничего общего с симпатией ко мне. Прежде всего вы думаете о том, что если бы ваша племянница любила меня, а не Аслана, это было бы для вас *менее позорно*.

- Но... - беспомощно запротестовала она.

- Спасибо за заботу. Мне пора домой, - снова жёстко прервал её он и пошёл вниз по лестнице.

Белецкий провалялся с температурой четыре дня. Отчаявшись сбить жар средствами из домашней аптечки, мать позвонила в неотложку, а на другой день вызвала участкового врача. Её не на шутку перепугали эти несбиваемые "тридцать девять и пять". Он покорно принимал выписанные лекарства, пил сваренные матерью клюквенный и брусничный морсы - а всё остальное время просто спал, спал, спал, словно сном восстанавливал всю высосанную из него за два года энергию. Эти четыре дня болезни напрочь стёрлись из его памяти.

- Доктор сказал, что, помимо всего прочего, организм может быть ослаблен на фоне какого-нибудь стресса, нервного истощения, - сказала мать утром пятого дня, когда он, наконец, почувствовал себя немного лучше. - Что с тобой происходит, сынок? Как же ты довёл себя до такого состояния? У тебя всё в порядке в училище, точно? Может, ты от нас что-то скрываешь? Не нахватал ли ты "хвостов"? - в её глазах плескалась тревога.

- Всё нормально у меня с учёбой, мам, - отозвался он. - Благополучно переведён на третий курс. Не разводи панику.

- Тебе друзья несколько раз звонили, - вспомнила она. - Я сказала, что ты болеешь.

- Какие друзья?

- Да не помню уже... когда мальчики, а когда девочки.

- Если ещё будут звонить - передай, пожалуйста, что у меня нет сил разговаривать, - попросил он. - Не хочу никого слышать в ближайшее время. Совсем.

Однако "совсем" укрыться от товарищеской заботы не получилось. Ещё через день в квартире раздался звонок, и мгновение спустя Белецкий услышал, как зазвенели в прихожей голоса Анжелы Климовой и... Кети. Конечно же, Кети. "Мы с Тamarой ходим парой..."

- Сейчас посмотрю, девочки, - раздался негромкий голос матери, и она осторожно приоткрыла дверь его комнаты. Он торопливо зажмурился, отвернувшись к стене.

- Спит, - шёпотом сказала мать. - Он все эти дни постоянно спит, восстанавливает силы... Может быть, пройдем на кухню? Попьем чайку...

Очевидно, болезнь сына заставила мать на время зарыть топор войны - она была готова принимать у себя в гостях даже "провинциальную" Анжелу и Кетеван с её "лицом кавказской национальности".

- Чай? О, было бы здорово, - обрадовалась Анжела.

- Можно на него взглянуть? - услышал Белецкий голос Кетеван.

- Да, конечно... - несколько растерянно отозвалась мать.

Он лежал с закрытыми глазами и не мог видеть вошедших. В комнате царила полная тишина, нарушаемая лишь еле слышным тиканьем настенных ходиков. И всё-таки он знал, чувствовал, что Кетеван сейчас рядом. Стоит возле его кровати и смотрит ему в спину. Он задышал ещё более размеренно и спокойно, притворяясь, что погружён в глубокий сон. В ближайшие сто лет ему не хотелось ни видеть её, ни разговаривать с ней.

На его плечо легла тонкая рука. Он узнал это прикосновение, он узнал бы его даже из миллиона - вот так же, с закрытыми глазами... Кетеван несмело погладила его, затем прикоснулась прохладными пальчиками к его лбу - и тут же испуганно отдернула руку, боясь потревожить. А он сам боялся только одного - что стук его сердца подобен сейчас грохоту канонады, и она обязательно его услышит...

Постояв ещё немного рядом у его постели, Кетеван тихонько ушла. Он уловил осторожный звук закрывающейся двери.

Он так надеялся, что вместе с температурой прошла и его зависимость от девушки. Прошла его одержимость, желание постоянно быть рядом, дышать с ней одним воздухом, дышать *ею*... Он и сам уже бесконечно устал от своей больной, неистовой любви и мечтал только об одном - чтобы её запас, наконец, исчерпал себя. И сейчас, всего на несколько мгновений почувствовав Кети рядом с собой, он только с отчаянием понимал, что эта болезненная зависимость никуда не делась, она по-прежнему с ним. Понимал и в страхе задавал себе вопрос: сможет ли он когда-нибудь исцелиться - или эта любовь исчезнет только, когда его самого не станет?..

2019 год, Москва

В день встречи выпускников с самого утра Белецкого начали одолевать сомнения. Возможно, тому способствовала погода - дождливая, пасмурная... Так и подмывало всё отменить к чертям и остаться дома. К тому же, это был его единственный на неделе выходной день... Однако, нехорошо было подводить однокурсников, а также Мастера, который тоже обещал приехать.

Галинка рассеянно, вполглаза, наблюдала за его сборами и с виду казалась вполне спокойной. Лежала на кровати с планшетом и лениво просматривала френдленту в фейсбуке.

- А ты всех своих женщин любил по-разному? - спросила вдруг она.

- В каком смысле? - опешил Белецкий.

- Ну, к примеру, меня... и Кети. С ней же у тебя всё иначе было, ведь так?

Он присел рядом с ней на кровать и задумчиво уставился себе под ноги, всерьёз осмысливая этот внезапный вопрос.

- Мне сейчас кажется, что её я даже не любил, а просто сгорал, - сказал он наконец. -

День за днём, медленно, но верно. Еле спасся и соскочил... это была какая-то наркотическая зависимость, настоящая одержимость. Наверное, я любил даже не саму Кети, не реальность, а свою мечту о ней. Своё представление: как бы оно всё было, если бы мы... - он не договорил.

- И неужели даже не тянет проверить, вот ни капельку, как оно всё-таки вышло бы в реальности? - поддела она.

- Я кого-то сейчас выпорю, - пообещал он, нахмурившись.

- А я? Меня ты как любишь? Ведь от любви ко мне ты никогда не горел, не страдал, не мучился особо.

- А ты хотела бы, чтоб мучился? - Белецкий улыбнулся. - Понимаешь, у нас с тобой всё изначально получилось более спокойно, без шекспировских страстей. Но это абсолютно нормально. Нас ведь сразу потянуло друг к другу, возникла симпатия. Не было отторжения, привыкания, никто не бегал от другого, сломя голову... если не считать того момента, когда ты удрала от меня в Крым, - он укоризненно взглянул на жену.

- Я тогда просто испугалась, - вздохнула Галинка. - Ты мне так нравился, точнее, я уже была влюблена в тебя по уши, и мне казалось, что ты не способен ответить на мои чувства с такой же силой. Ты ведь был настолько... известный, настолько недоступный, будто житель из другого мира, и я долго не могла поверить в то, что ты мной всерьёз заинтересовался.

- Ну, в общем, оба слегка порефлексовали, куда ж без этого, - хмыкнул он.

- Ты-то разве рефлексировал? - усомнилась она.

- О, ещё как! Это был буквально "милльон терзаний". Ты была такая молоденькая и красивая, что я всё время думал: ну на фиг портить этой девочке жизнь? Зачем ей сдался такой старый и больной человек, как я?

- Ох, опять это твоё кокетство, - фыркнула Галинка, любуясь мужем - в простой белой футболке и голубых джинсах он казался почти студентом, и улыбка у него сейчас была юношеская - обаятельная, открытая, излучающая тепло и свет.

- Поезжай на свою встречу, старый и больной человек, а то опоздаешь!

Он наклонился, чтобы поцеловать жену. Платье её немного задралось, и Белецкий немедленно засунул руку под подол, задумчиво поинтересовавшись у висящей на стене картины:

- А может - ну её к лешему, эту встречу выпускников?..

- Вали уже, - засмеялась Галинка. - У меня вечером тоже встреча.

- С кем это? - насторожился он.

- С Верой. Она меня введёт в курс дела... так сказать, в неформальной обстановке.

В августе Галинка поступала на службу в театр Мюзикла - вместо ушедшей в декретный отпуск солистки Веры Громовой, которая была известна публике под сценическим псевдонимом Вероника Мендес. Вера исполняла главные партии в самых знаменитых музыкальных спектаклях театра, и Галинка должна была постепенно, шаг за шагом, заменить солистку в каждом из них. Официальный договор был давно подписан, первые репетиции позади, но Галинке всё равно хотелось порасспрашивать певицу поподробнее обо всех тонкостях будущей работы, особенно о коллективе.

- Вере привет, - отозвался Белецкий, тут же расслабившись. Прошлым летом они снимались вместе с Громовой в далёкой северной деревушке на реке Мезень и здорово сдружились за время съёмок. - Передай, что я скучаю. Надо бы собраться как-нибудь всем вместе, затусить, как в старые добрые...

- Ей сейчас не до тусовок, - усмехнулась Галинка. - Малышке всего полгода, она у Веры всё время отнимает...

- Слушай, - внезапно спросил он. - А может, нам тоже ребёночка завести?

Галинка выронила планшет.

- Ого. Неожиданно... - пробормотала она в замешательстве.

- Чего неожиданного-то? Мы третий год женаты.

Она расстроганно заморгала, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Это предложение и обрадовало, и испугало её.

- Ну... просто я не думала, что ты хочешь. У тебя же уже есть дети.

- Во-первых, я хочу не просто детей, а детей от любимой женщины. И больше не хочу, чтобы мой ребёнок рос отдельно от меня. Хочу быть рядом с самого первого дня его жизни. Нет, даже раньше... хочу видеть тебя беременной!

- Вообще-то, мама тоже давно намекает, что мечтает о внуках, - призналась Галинка, краснея. - Но ты представляешь, что скажут в театре?! Только пришла, чтобы заменить ушедшую в декрет артистку - и тут же сама упорхнула в декрет... Хотя, конечно, не факт, что у нас получится быстро, с первого раза, - она ещё больше смутилась.

- Роди мне дочку, пожалуйста, - попросил он. - Таковую же красотку, как и ты, - его руки уже бесстыдно забрались ей под платье, заскользили по спине, а затем переместились на грудь.

- Предлагаешь заняться этим немедленно? В смысле, начать делать детей прямо сейчас? - не удержалась она от шпильки.

- Чёрт, - он с сожалением оторвался от неё и взглянул на часы. - Надо ехать. Но обещаю, что всерьёз приступлю к выполнению плана по деторождению сразу же после возвращения! Готовься.

- Трепещу, - игриво откликнулась она и многообещающе поцеловала его в губы. - Постарайся не задерживаться.

Перед тем, как выйти из комнаты, Белецкий вдруг приостановился и обернулся.

- Я люблю тебя, - произнёс он и добавил, будто оправдываясь:

- Почему-то, знаешь... захотелось именно сейчас тебе это сказать.

- А я тебя - больше, - Галинка показала ему язык.

- Как там у вас, девочек, говорится - до луны и обратно? - пошутил он.

- Бери выше - до самого Марса!

Он снова улыбнулся ей напоследок - так, как она любила, когда вокруг его синих-синих глаз собирались милые морщинки - и вышел за дверь.

Вдруг у Галинки неприятно ёкнуло в груди. Образовавшаяся в комнате пустота вмиг оглушила её, а затем волна иррационального страха окатила с головой. Галинка испуганно и торопливо глотнула ртом воздух, точно тонущий человек, чья голова внезапно оказалась над поверхностью воды. Сердце колотилось, как бешеное. Это походило на внезапную паническую атаку, хотя прежде Галинка никогда не жаловалась на подобное.

Она сидела на кровати, пытаясь как-то отдышаться, успокоиться, и боролась с желанием выскочить за дверь, догнать мужа... чтобы не позволить ему уехать.

Услышав внизу звук захлопнувшейся входной двери, Галинка, дрожа, медленно перевела дыхание, и только затем почувствовала боль в ладонях. Опустив взгляд вниз, она с трудом сообразила, что непроизвольно так сжала пальцы в кулаки, что ногти впились в кожу до крови.

1995 год, Москва

Тем же летом Белецкий предпринял малодушную попытку уйти из училища. Просто вдруг понял, что будет не в силах постоянно находиться рядом с Кетеван. Всё это время он старательно избегал девушку, чтобы её власть над ним хоть немного ослабла. Но куда там!.. Она снилась ему ночами, и днём он не мог удержаться от того, чтобы не думать о ней. Это уже напоминало психическое расстройство, что всерьёз его пугало.

Он заехал в Щуку в июле - как раз в разгар свежей абитуриентской гонки за поступлением. Идя по коридору училища, он с некоторым оттенком зависти наблюдал за молодняком, мечтающим об актёрской карьере: это были обаятельные мальчишки и девчонки, хохочущие, счастливые, взволнованные, без оглядки влюблённые в жизнь... Один черноволосый паренёк выразительно, несколько напоказ читал любовное стихотворение, отчаянно кося глазом в сторону прехорошенькой блондинки с двумя косичками. Ясно было, что чернявый влип по уши. Белецкий лишь усмехнулся про себя.

Одного он не ожидал, дурак - что встретит Мастера.

- Саша, - удивился Самойлов, увидев своего студента в стенах училища во время каникул. - Ты что здесь делаешь?

- Я... мне нужно было... - растерялся Белецкий, но всё же взял себя в руки и смело взглянул на Мастера. - Рубен Константинович, я хотел бы написать заявление на отчисление по собственному желанию.

Несколько секунд Мастер молчал, всматриваясь в его лицо, а потом кивнул:

- Пойдём-ка со мной. Сейчас я не могу задерживаться, меня попросили провести прослушивание у абитуриентов, заменить заболевшего педагога... Посидишь со мной. Поприсутствуешь. Посмотришь. А потом мы с тобой поговорим.

- Но мне надо... - запротестовал было Белецкий.

- Всё равно на факультете сейчас никого нет. Заперто, - пожал плечами Мастер. - Кому ты собираешься подавать своё заявление? Пойдём, пойдём, - и потянул парня за собой ещё более решительно. Белецкому ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Прослушивание растянулось до самого вечера. Белецкий смотрел, как читают стихи и басни все эти симпатичные мальчишки и девчонки, которые жаждут стать актёрами. Мечтают, что этот волшебный мир приоткроет для них хоть краешек своей завесы...

Кто-то был откровенно бездарен, кто-то явно подавал надежды, а в ком-то с самого первого взгляда угадывался талант. Среди поступающих не было одинаковых или похожих. Все - личности...

Та самая блондинка с косичками бойко затараторила Агнию Барто: "Что болтунья Лида, мол, это Вовка выдумал..."

- Так, подождите, стоп, - прервал её Мастер, - вам сколько лет?

- Восемнадцать... - пискнула та, оробев.

- А что ж вы нам детский сад какой-то читаете? Давайте что-нибудь... - он покосился в сторону Белецкого, - ну, хотя бы про любовь. Вот, видите юношу? - он кивнул на своего студента. - Представьте, что вы влюблены в него по уши, страдаете, умираете от этой любви, а он вам взаимностью не отвечает. И так?..

Девчушка залилась краской и вдруг, неожиданно глубоким и чувственным голосом,

начала читать пушкинское “Письмо Татьяны к Онегину”, вперившись в Белецкого взглядом ясных серых глаз:

*- Я к вам пишу - чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня...*

- Посмотри на этих ребят, - негромко сказал Мастер, наклонившись к уху Белецкого. - Они все верят, ждут и надеются на то, что пройдут. Тебе они сейчас страшно завидуют. У большей части из них сегодня рухнет последняя надежда. А ты... ты счастливый человек, просто не догадываешься об этом.

Белецкий понуро молчал. Он понимал, что Мастер прав. В самом деле, брось он училище - ему будет дико не хватать вот этого всего. Неповторимой сумасшедшей атмосферы, окружающей обстановки, стихов и выступлений на публику, чтений и показов в учебном театре...

Последний абитуриент давно покинул зал, где проходило прослушивание. Самойлов и Белецкий остались вдвоём.

- Соберись, Саша, - произнёс Мастер спокойно. - Не будь жалким. Я же вижу, что с тобой... с вами обоими происходит. Я всё понимаю и не осуждаю. Когда и любить, как не в восемнадцать - двадцать лет... Но не позволяй этой любви полностью завладеть твоей жизнью, править ею. Используй свои переживания и страдания в актёрской игре. Реализуйся в творчестве. Учись на собственных ошибках и ранах. Всегда дыши полной грудью. Даже несчастная любовь бывает прекрасна, если не превращать её - и себя заодно - в посмешище...

Белецкий молча, с жадностью внимал каждому его слову.

- У настоящего актёра все жизненные драмы и трагедии идут в дело, как у хорошей хозяйки на кухне все имеющиеся в холодильнике продукты - в салат, - продолжал Мастер. - Полюбил - запоминай. Анализируй. Ты потом обязательно воплотишь это на сцене. Да так, что у зрителя будет рваться сердце от твоей игры. Понял?

- Понял, - кивнул Белецкий. - Спасибо вам, Рубен Константинович. И простите меня... - ему уже было стыдно за свой глупый необдуманный порыв.

Мастер приобнял его за плечи, показывая, что всё в порядке.

- Поезжай домой, Саша. Отдохни, наберись сил за лето. И - до встречи в сентябре.

2019 год, Москва

И всё-таки Белецкий немного припозднился, хотя в принципе ненавидел опаздывать и был крайне пунктуальным человеком. Крепко застряв в пробке за пару кварталов до ресторана, он уже всерьёз подумывал о том, чтобы оставить машину где-нибудь здесь и идти пешком. А может быть, судьба просто намекала ему, что не стоит и вовсе идти на эту встречу... Жил же он как-то без своих драгоценных однокурсников больше двадцати лет, и ещё столько же проживёт, если, конечно, здоровье позволит. Может, стоило вообще

развернуться и отправиться домой?

Перед глазами до сих пор стояло лицо Галинки. Это непередаваемое выражение, когда он заговорил о детях... Белецкий улыбнулся. Возможно, он и ведёт себя как последняя сволочь и эгоист, заставляя беременеть и рожать двадцатичетырёхлетнюю девчонку, чтобы ещё крепче привязать её к себе... но ему очень этого хотелось. И, кажется, она была явно обрадована его идеей, хоть и смущалась.

Наконец, движение на Красной Пресне потихоньку восстановилось. Зато погода снова начала стремительно портиться, как это было всю последнюю неделю: на небе сгустились тяжёлые тёмные тучи, обещая скорый дождь.

Так оно и вышло - когда Белецкий парковал машину, на лобовое стекло упали первые нерешительные капли воды. А едва он ступил на порог ресторана, буквально за его спиной разверзлись хляби небесные, и он торопливо вошёл внутрь.

Как выяснилось, местом встречи бывшие однокурсники избрали караоке-бар. В небольшом и довольно уютном зале имелась профессиональная сцена для выступлений, и прямо сейчас там с микрофоном в руке оглушительно надрывался, подражая Лепсу, какой-то здоровенный мужик:

- Толька-а-а рюмка водки на столе, ветер плачет за окно-о-ом.

Тихо болью отзываются во мне этой молодой луны-ы-ы крики...

Белецкий поискал взглядом своих. Вообще-то, он не был уверен, что с лёгкостью их узнает. К счастью, он быстро заметил Анжелу, а следом за ней разглядел и другие знакомые лица.

Пока он шёл к столу, где расселись его бывшие однокурсники, то успел заметить, что бывшая жена сегодня в ударе. Она явно солировала, что-то оживлённо рассказывая и жестикулируя.

В этом окружении Климова, несомненно, чувствовала себя звездой. Да она и была ею, если сильно не придирается. Кто бы мог подумать каких-то три года назад, что из неудачницы, малоизвестной актрисы крошечной труппы захудалого театра она превратится в знаменитость! И всё с лёгкой руки Белецкого - это он посоветовал её кандидатуру режиссёру, у которого тогда снимался. Одна-единственная, но яркая трагикомическая роль моментально вознесла Анжелу на вершину славы и зрительского обожания. Её стали наперебой приглашать в сериалы и “большое” кино, в основном в комедии. Климова даже умудрилась найти себе мужа среди поклонников. Глядя на эту полную, румяную, пышущую энергией и задором женщину, мало кто догадывался, что за её внешним добродушием и широкой приветливой улыбкой прячется личина истинной интриганки...

- Саша пришёл! - заметив Белецкого, радостно ахнул кто-то. Анжела моментально была забыта. Все радостно загудели, приветствуя вновь прибывшего - всё-таки, из всех них он оказался в итоге самой большой звездой. Мужчины жали Белецкому руку, женщины взвизгивали и бросались на шею обниматься, и через пару минут у него голова пошла кругом от запаха всевозможных духов. С удовольствием отметив, что во главе стола сидит Мастер, Белецкий двинулся к нему, чтобы поздороваться. И только потом, опустившись на свободный стул рядом с Рубеном Константиновичем (словно специально оставленный для Белецкого), он, наконец, увидел Кетеван, сидевшую через два человека от него.

Она была сегодня красива. Очень красива. Высокая причёска открывала стройную

изящную шею, длинные серьги покачивались и звенели при каждом повороте головы... Перехватив его взгляд, Кетеван спокойно улыбнулась - без тени фамильярности, никак не афишируя их недавнюю встречу. Он сдержанно кивнул в ответ.

- У-у-у, какой ты стал! - галдели между тем однокурсники.

- Саня, тебя что, заморозили? - укоризненно поинтересовался Генка Огурцов, похлопывая себя по объёмному пивному животу. - Мы все толстые, лысые и морщинистые, а ты как будто мальчик двадцатилетний...

- Это на него так ностальгия по юности действует, - многозначительно протянула Анжела. - Романтические воспоминания и всё такое...

Вот же язва, подумал он мимолётно, впрочем, не особо удивляясь - это было вполне в её репертуаре.

- Саша, - волновалась рядом Катюша Мельникова, - а ты дашь автограф для моей дочки? Она твоя безумная фанатка. Все мои студенческие фотки, где есть ты, по сто раз на дню пересматривает.

- А сколько лет дочке? - улыбнулся Белецкий.

- Шестнадцать... Зовут Лиля, - подсказала она, торопливо подсовывая ему ручку и блокнотик. - Напиши что-нибудь тёплое, искреннее... она с ума сойдёт от счастья. Она же мне дома сегодня истерику закатила, тоже хотела на эту встречу прийти. Я еле отмазалась. А можно ещё и селфи с тобой сделать?..

- Ой, нет, пожалуйста, только не селфи, я это ненавижу... - начал было он, но, заметив её жалобно захлопавшие ресницы, со смехом сдался.

- Ну ладно, делай, бог с тобой. А с дочкой приходите на любой мой спектакль. Я с ней с удовольствием пообщаюсь.

- Ой, правда? Было бы здорово...

Приехать на встречу смогли далеко не все. Многие и вовсе покинули Москву сразу после выпуска, и разыскать их не удалось даже через соцсети. Очень хотелось верить, что они блистали сейчас где-нибудь на подмостках в родном Саратове или какой-нибудь Вологде...

В целом, если не считать лёгкого, едва уловимого дискомфорта от близкого присутствия Кетеван, вечер намечался вполне приятный. Белецкий даже искренне развеселился и завертел головой, разыскивая дражайшего приятеля своих студенческих лет.

- А где Жорка? - спросил он. - Не приехал?

- Да вон же он, - хмыкнула Анжела, - в караоке надрывается, весь репертуар Лепса уже перепел..

Ничего себе. Он ведь видел старого друга, но не узнал его! Впрочем, и немудрено было не узнать - роскошную шевелюру Жорки сменила не менее роскошная, будто отполированная лысина. Дождавшись паузы между куплетами, Белецкий махнул рукой, привлекая его внимание.

- Саня!!! - взревел Жорка прямо в микрофон, сбившись с ритма, и едва не свалился со сцены. Через пару мгновений он уже сжимал друга в крепких медвежьих объятиях.

- Ты совсем не изменился, гад, - радостно воскликнул он. - Я-то думал, это просто фотошоп... А ты и вживую красавец. Вот же с-с-скотина!..

- Где твои золотые кудри, Иванов? - засмеялся Белецкий. Тот довольно погладил себя ладонью по лысине и пояснил:

- Играю бандитов в сериалах про ментов и братков из девяностых. Это моё пожизненное

амплуа. Приходится и внешне соответствовать...

Что ж, Иванов, по крайней мере, нашёл себя в профессии. Странно, что они с Белецким никогда не пересекались на съёмочной площадке... но, впрочем, мало ли снимают сериалов!

Остальные однокурсники оказались не так удачливы. Кто-то совсем оставил актёрское дело, занявшись бизнесом или даже работая в офисе. Хранившие же верность полученному образованию реализовывали себя по-разному. Одни выступали в телевизионных ток-шоу, играя в искренность и рассказывая всякие скандальные истории якобы из жизни, а на самом деле заранее прописанные в сценарии. Другие работали аниматорами на праздниках. Кое-кто, вроде Генки Огурцова, и вовсе подвизался в кукольном театре.

- Я - звезда культового спектакля “Теремок”, неужели ты не слышал обо мне? - с плохо скрываемой грустью поделился он с Белецким, маскируя шутливой фразой всю ничтожность и никчемность своего положения. - Блистаю в роли Зайчика-побегайчика и срываю овации от четырёхлетней сопливой публики... На что просрано полжизни, х... знает, - добавил он с досадой.

- А ты, Сашка, у нас везунчик, - вздохнул кто-то с тщательно завуалированной завистью. - Как попал в кино во время учёбы - так и продолжаешь сниматься... Ты же с того исторического сериала взлетел, верно?.. “Петербургские трущобы” - ну, где ты корнета играл?.. Первая роль - и сразу знаковая...

- Нет, - улыбнулся Белецкий, - до этого ещё реклама жвачки была.

- Точно! - вспомнила Оля Савицкая. - Я на ютубе пару месяцев назад наткнулась на рекламные ролики девяностых годов. Там и твоя реклама тоже есть! Ты там такой молоденький, хорошенький... И песня эта, помнишь? Привязчивая, зараза! “Нежность дыхания, свежесть дыхания...”

- Припоминаю, как ругал тебя за эти съёмки, Саша, - усмехнулся Мастер. - Очень боялся тогда, что ты растратишь свой талант на подобные коммерческие поделки... К счастью, ты умудрился избежать соблазна лёгкой наживы. Я горжусь тобой, мальчик, так и знай!

Самойлов, конечно, сильно сдал за эти годы. Ему уже исполнилось семьдесят пять. Но он старался держаться молодцом, сохраняя ясный ум и трезвую голову. К сожалению, пробыл он вместе со своими бывшими студентами недолго - через несколько часов улетал в Италию на какой-то кинофестиваль. Но за это время Мастер умудрился очень тепло пообщаться с каждым из них. Постарался сказать всем что-то ободряющее и вдохновляющее... Даже если он и был разочарован тем, что далеко не все птенцы его гнезда пошли по актёрской стезе - то виду не подавал. Они все были равны для него - равно-ценны, равно-дороги. Даже Нижарадзе, одна из самых талантливых его студенток... хоть она и бросила училище незадолго до диплома.

На прощание ученики подарили ему именные часы на цепочке - в память об этой встрече. Кто знает, когда в следующий раз им удастся вновь увидеться... да и удастся ли?

- Рубен Константинович, я за рулём, давайте отвезу вас в аэропорт? - предложил Белецкий, поскольку единственный в этой компании не пил, и к тому же, уже подумывал о том, как бы потихоньку слиться: хорошенького понемножку... Но Мастер покачал головой, сообщив, что уже заказал такси.

- Оставайся, Саша, - сказал он. - Пообщайся с друзьями... я думаю, многим из вас есть, что вспомнить и что рассказать друг другу. На все вопросы должны быть получены ответы, - добавил он многозначительно. - Не стоит тащить непосильный груз прошлых лет за собой...

Пока Белецкий ломал голову над тем, что могли означать эти слова, на освободившийся рядом с ним стул пересела Кетеван. Сама, без приглашения. Он мог не поворачивать головы, она могла не произносить ни слова - всё равно он угадал бы её присутствие. Белецкий ощущал его буквально физически. Вся лёгкость, всё то оживление и приподнятое настроение, что владели им до этого, моментально испарились. Отмалчиваться и дальше делать вид, что не замечает её, не представлялось возможным. Мастер прав - нужно получить, наконец, ответы на все мучающие его вопросы...

Белецкий медленно, с огромным усилием, заставил себя повернуться и посмотреть ей в глаза.

- Галь, я тут! - Вера весело помахала ей рукой из-за уже облюбованного столика. Галинка махнула в ответ и поспешила в заданном направлении. Они тепло обнялись.

- Классно выглядишь, - сказала Вера.

- Ты тоже, - искренне отозвалась Галинка.

- Ох, куда там, - отмахнулась певица со смехом. - Я и так набрала за беременность двенадцать килограммов, никак не могу их сбросить, просто кошмар... Рома уверяет, что мне идёт, но... - она страдальчески закатила глаза.

- Да нет же, ты правда потрясающе выглядишь, - заверила Галинка.

Несмотря на довольно существенную - пятнадцатилетнюю - разницу в возрасте, ей всегда было легко и приятно в компании этой красивой обаятельной женщины. Обе быстро нашли общий язык и, хотя знакомство их состоялось благодаря Белецкому, они спокойно продолжали общение уже без него. Пригласить Сашину жену в свой театр было именно Вериней инициативой, с которой она пошла к главрежу, и тот поддержал её.

- Спасибо огромное, что нашла время для встречи, - с признательностью произнесла Галинка.

- Да ну, ерунда. Для меня это за счастье - хоть иногда вырваться из дома! - засмеялась Вера, намекая на своё материнство. Однако Галинка знала, что она чуть-чуть лукавит. Вера была известной и востребованной певицей, так что вполне могла себе позволить нанять для ребёнка няню - даже не одну - и продолжать преспокойно жить в своё удовольствие. Она могла даже не бросать работу! Однако Вера предпочла вкушать все прелести материнства сама, с первого дня жизни младенца.

Словно прочитав мысли Галинки, Вера улыбнулась.

- Нет, конечно, я не жалею. Но... иногда просто немного устаю. Хочется развеяться, понимаешь? А то порою забываешь о том, что мир вовсе не сосредоточен в четырёх стенах детской комнаты... Хотя поначалу я тоже думала: вот рожу, посижу пару месяцев дома и вернусь в театр и на эстраду. Но поняла, что не могу доверить своего ребёнка чужому человеку. Просто не могу! И пусть недосып, ночные кормления, плач, колики, зубы... я хочу всё это испытать и пережить сама.

- Но ведь муж тебе помогает? - спросила Галинка.

- Конечно, - кивнула она. - А кто сейчас, думаешь, остался сидеть дома с Анжелилкой? Конечно же, Рома... Теперь уже полегче стало, потихоньку начали вводить прикорм, а вот прежде... полная зависимость ребёнка от сиськи, шаг вправо или влево расценивается как побег, - она счастливо засмеялась.

Галинка улыбнулась с вежливым интересом. На самом деле, она пока весьма смутно представляла себе всё это, и хотя Белецкий буквально сегодня завёл с ней разговор о ребёнке

- она ещё не могла примерить на себя роль матери даже теоретически. Это был совсем другой мир, иные заботы и отличные от прежних проблемы.

В меню Вера сразу же принялась искать что-нибудь лёгкое, диетическое, дозволенное кормящим мамам.

- Дико трудно не сорваться и не налопаться каких-нибудь вредных, но ужасно вкусных вещей... - вздохнула она. - Веришь, нет - мне даже ночами снится, как я пожираю сочный гамбургер с кетчупом и майонезом, вприкуску с копчёной скумбрией... Мечтаю, как запиваю всё это литрами кофе, или нет - лучше шампанского!

Галинка лишь сочувствующе кивнула.

Пока они дожидались своего заказа, Вера постаралась как можно доходчивее, но не слишком длинно, морально подготовить Галинку к предстоящей работе в театре Мюзикла. В принципе, коллектив там мало отличался от любого другого театрального коллектива - были и свои подводные камни, куда без них. Вера рассказала, как с кем себя стоит вести: с кем держать ухо востро, ни в коем случае не открывать душу и не откровенничать, а кому, наоборот, можно довериться. Поделилась она также некоторыми полезными знаниями и практическими умениями, в том числе - как незаметно удрать от толпы поклонников, ожидающих артистов после каждого спектакля.

- Ну, эти ценные сведения мне пока без надобности, - усмехнулась Галинка. - Я ещё не в том статусе, чтобы у меня были свои поклонники среди зрителей вашего театра.

- Не скажи, - покачала головой Вера. - В инстаграме у тебя приличное количество подписчиков. Да и "вконтакте" мне встречались фан-группы и паблики, посвящённые тебе и твоим песням...

- Фан-группы - это отголоски моего участия в "Голосе России" три года назад, - она отмахнулась. - А вот в инстаграме... если честно, я не верю, что это именно мои поклонники, - Галинка выделила голосом слово "мои". - Такое ощущение, что в основном Сашины фанатки понабежали... просто пытаются к нему поближе подобраться. И это несмотря на то, что у меня в инсте даже нет ни одной фотографии с ним! Мне кажется, они и добавляются то ко мне только из-за него... Концертов и выступлений у меня пока мало, да и те - по клубам... Большинству моё имя ни о чём не говорит. Ну, или только в многозначительном контексте: "Кто это?.. А, жена Белецкого? Ну, тогда всё поня-а-атно".

- Ну, не принижай себя, - улыбнулась Вера. - Ты - личность. Талант, а не просто "жена Александра Белецкого". Иначе я не стала бы хлопотать за тебя.

Галинка опустила голову.

- Хотелось бы в это верить...

Обе немного помолчали.

- Как Сашка? - мягко спросила Вера.

- Нормально. Привет тебе передавал. Вот, поехал сегодня на встречу выпускников Щукинского училища... - тон получился какой-то совсем уж невесёлый.

- Тебя это расстраивает?

- Да нет. Почему?.. - возразила она.

- Я... видела фото в интернете, - призналась Вера. - Ну, те... из кафе.

Галинка заметно напряглась.

- Вот как...

- Ты из-за этого такая потерянная? - осторожно поинтересовалась Вера. - Я же вижу, тебя гнетёт что-то. Вроде улыбаешься, а глаза - как у побитой собаки.

- Я... наверное... просто... - выдохнула Галинка и внезапно сорвалась:

- Боже, как я устала от всего этого! - она закрыла лицо ладонями. - Мне даже поделиться не с кем, потому что все близкие, даже мама, сразу скажут: ты ведь знала, за кого замуж выходила. Да, я знала... но это не означает, что мне не может быть тяжело, что я не имею права ни на усталость, ни на отрицательные эмоции... Я должна всё время быть в маске "молчи и терпи".

- Ты вовсе не должна терпеть, - возразила Вера. - Кто тебе такое сказал?

- Ну, как же - "не должна"... По мнению моих знакомых, я просто с жиру бесуюсь. Сама себе выбрала такого мужа, никто меня насильно в этот брак не тянул.

Вера задумчиво побарабанила пальцами по столу.

- На самом деле, мой Ромка бы тебя понял. Он тоже ужасно страдает из-за того, что я - певица. Вернее, не так: ему нравится мой голос, он радуется моим успехам на сцене и в кино, просто... терпеть не может ту часть моей жизни, которая связана с публичностью и известностью. Понимаешь?..

- Да, это я как раз очень понимаю, - вздохнула Галинка. - Саша - талантище, и я, конечно же, тоже безумно радуюсь его успехам в карьере. Но одно неизбежно влечёт за собой другое... Все эти... фанатки, папарацци, скандальные статьи на тему "изменяет или не изменяет"... Меня это достало, честно. Просто бесит! - она нервно смяла бумажную салфетку.

- Старайся закрывать глаза на все эти вбросы, - посоветовала Вера. - Трудно, но вовсе не невыполнимо. Иначе никаких нервов не хватит. Помни главное: Сашка тебя очень любит...

- Ты-то откуда знаешь? - Галинка недоверчиво хмыкнула. - Он не особо распространяется о чувствах.

- А ему и не надо распространяться, - спокойно возразила Вера. - Это было очевидно едва ли не с первого дня нашего знакомства. Когда мы снимались вместе на севере... господи, да я до сих пор помню, как он скучал по тебе. Показывал мне твои фотографии в телефоне. А к нему там постоянно женщины подкатывали, ну просто на шею вешались, ты же знаешь своего мужа: где бы он ни появился, все от него млеют. И местные жительницы, и актрисулька наша молоденькая тоже на него глаз положила, уж как она крутилась-вертелась рядом...

- А он? - затаив дыхание, со страхом спросила Галинка. Вера ободряюще улыбнулась.

- Он со всеми был безупречно вежлив и галантен, в его стиле. Но... при этом всё время думал о тебе.

- Да проблема даже не в том, - Галинка чуть-чуть оттаяла и благодарно улыбнулась Вере. - Я не сомневаюсь в его любви как таковой. Может, я слишком самонадеянна, однако точно знаю, что он меня и правда любит. Я не могла бы оставаться с ним вместе, если бы это было не так. Но... та женщина с фотографий из кафе... - она запнулась на мгновение, словно размышляла, стоит ли доверить Вере столь страшную тайну. - Это его первая любовь. Её зовут Кети.

- Ну и что? - пожала плечами Вера. - Первая - на то и первая, что даже не вторая. Сколько лет-то уже прошло? Неужели ты думаешь, что у него до сих пор в душе что-то сохранилось?

- Мне... сложно сформулировать, - произнесла Галинка, кусая в волнении губы и мучительно подбирая слова. Скомканная салфетка крошилась в её пальцах на мелкие клочки. - Эта Кети ему в своё время просто кусок сердца отгрызла. По сути, у него сейчас

болит там, где уже давно ничего нет. Это всего лишь фантомные боли. Понимаешь?.. - она тяжело вздохнула. - И я вижу, как он мечется, будто тигр в клетке. Он себе места не находит. Именно потому, что оно *не должно* болеть, а всё равно почему-то болит...

- Очевидно, это нелегко, - признала Вера. - И ему, и тебе... Честно, не знаю, как бы я вела себя в подобной ситуации. Может, и ревновала бы. Даже необоснованно.

- Вот я и ревную. Немного. Не к Кети, а к их общему прошлому... - вздохнула Галинка. - Ещё и люди такие... - она замялась, - злые. Беспощадные. Они словно ждут, когда он оступится. Буквально предвкушают. Обычно журналистов обвиняют во всех бедах, но они ведь - представители общества, причём самые типичные! Охочие до скандалов, как бабульки на лавочках охочи до грязного чужого грязного белья. Все эти жареные новости, смачные "постельные" сплетни... это то, что народ *желает* знать! А журналисты всего лишь оправдывают подобные ожидания. Спрос рождает предложение, верно? - убито закончила она.

- Верно... - тихо подтвердила её спутница.

- Когда мы с Сашей поженились, - вспомнила Галинка, - в СМИ не опубликовали ни одного доброго материала. Ни одного! Всё с каким-то подвыподвертом, с многозначительными намёками и неутешительными прогнозами... И с красочными эпитетами, конечно же - я типичная "бездарная малоизвестная певичка", которая собирается пиариться за его счёт, либо "наивная влюблённая дурочка", которую он - "стареющий ловелас, переживающий кризис среднего возраста" - непременно скоро бросит.

Официантка принесла заказ. Пока она расставляла тарелки, и Галинка, и Вера хранили молчание. Но, едва они остались одни, Галинку снова как прорвало. Видимо, у неё это давно накопело...

- И люди ведь так и думают: он ей будет изменять, он обязательно ей будет изменять. Все просто откровенно ждут этого и цинично делают ставки, как долго он продержится. Никто не верит в то, что Саша меня любит. Все убеждены, что ему просто удобно со мной. Кофортно... А я же не дура, я всё замечаю. Это... очень обидно, - её горло перехватило спазмом.

- Успокойся, - Вера покачала головой. - На самом деле, невозможно обидеть человека без его на то согласия. Это твой выбор - принимать или нет, обижаться или не стоит.

- Я не нравлюсь почти никому из его окружения, - продолжала Галинка. - Его первая жена меня терпеть не может. У неё аж физиономия кривится всякий раз, когда она меня видит. Вот за что она меня так ненавидит? Я ведь ей дорогу не переходила, когда мы с Сашей познакомились, они уже сто лет как разошлись... Тогда почему?

- Потому что ты хорошая, красивая и умная, и к тому же - действительно, не напоказ, любишь Сашку, - Вера погладила её по руке. - Подобное сочетание вкупе с добротой и искренностью многих выводит из себя. Открытая безусловная любовь нынче не в моде, знаешь ли... это уже считается чем-то унижительным и подозрительным. Была бы ты стервой, этакой бабой с яйцами - тебе охотнее простили бы брак с Сашей, охотнее поверили бы в его любовь "вопреки". А таких, как ты, люди не понимают и не принимают. Им проще увериться в том, что ты - банальная, скучная и неинтересная забитая тихоня без права голоса, либо в том, что ты лицемерка и просто искусно притворяешься. Они не хотят верить в простое добро, без примесей, а вот если там есть гнильца или червоточинка... тогда это не кажется таким уж подозрительно идеальным.

- Это всё стереотипы... Все головы забиты стереотипами! - возмутилась Галинка. - Раз у

Саши было много женщин - это значит, что он обязательно продолжит свои загулы и после свадьбы. Где бы мы ни оказались, окружающие следят за выражением наших лиц - на светских приёмах, вечеринках, каких-то мероприятиях... Смакуют каждую деталь, придавая ей тот смысл, которого она изначально не имела... Если мы не целуемся на публике и не зажимаемся по углам - это значит, страсть давно остыла. Ах, жена Белецкого слишком серьёзная на фото - значит, у них в семье разлад, до развода рукой подать! А вот он посмел кому-то улыбнуться - ну всё, тут к гадалке не ходи, точно изменяет, ведь "люди не меняются". Да что за бред?! - воскликнула она в сердцах. - Люди ещё как меняются, всю свою жизнь!

- Просто так легче, - повторила Вера. - Когда картина мира распадается на одинаковые по размеру и форме чёрно-белые кусочки, это проще принять, чем когда всё слишком сложно и разноцветно. Мы все - люди - в массе своей ленивы и нелюбопытны, нам удобнее пользоваться заготовленными шаблонами, чем кроить что-то своё. Время такое... Переизбыток информации, ну кому это надо - всерьёз анализировать?

Она умиротворяюще улыбнулась.

- А самое-то главное... по большому счёту... Галя, поверь: всем тупо *всё равно*. Вот сейчас вас с Сашкой обсуждают с пеной у рта, но уже через пять минут легко переключатся на какую-нибудь другую пару, другую звёздную историю, чей-нибудь развод или свадьбу... Так что просто не бери в голову. Постарайся помнить о том, что люди всё очень скоро забудут.

- Спасибо, - дикое напряжение, которое владело Галинкой в последние дни, немного отпустило. - И за то, что выслушала, и за то, что успокоила. Тебе бы психологом работать...

- Мне это уже не раз говорили, - засмеялась Вера, с облегчением переводя дух и, наконец-то, принимаясь за свой салат. Ей тоже нелегко дался этот разговор. - Чёрт, похоже, я выбрала по жизни не ту профессию! И кстати, если позволишь... - добавила она, - нет, не в качестве непрошеного совета - скорее, просто дружеского пожелания. Попробуй любить Сашку чуть-чуть... иначе. Не так самозабвенно.

- То есть? - заметно успокоившаяся и вполне благодушно настроенная Галинка сделала глоток сока из стакана.

- Я знаю, что это в принципе звучит абсурдно - рекомендация, как кого любить. Но всё-таки... Ты окружила его непрерывной, ежеминутной заботой, как коконом, а я советую позволить и ему позаботиться о тебе. Попереживать за тебя... хоть немножко.

- Что ты имеешь в виду? - Галинка смутилась. - Я слишком уж достала его своей любовью?

- Вообще нет, я не об этом, - сконфуженно произнесла Вера. - Не вздумай обижаться.

- Да я не обижаюсь, - серьёзно сказала Галинка. - Я помню: нельзя обидеть человека, пока он сам этого не захочет, - она улыбнулась. - Знаю, что ты права. Просто... после того сердечного приступа... а потом - операции год назад... Если бы ты только знала, как я за него боюсь, - выдохнула она. - Я всё время думаю, что просто умру в ту же секунду, если с ним что-нибудь случится.

- Это понятно. И это прекрасно - когда так сильно любишь человека, - Вера ободряюще кивнула ей. - Но... во-первых, прекрати себя накручивать. Он отлично восстановился после операции, у тебя абсолютно нет поводов паниковать из-за его здоровья. А во-вторых, хотя бы иногда заставляй и его поволноваться. Позволь ему почувствовать себя мужиком рядом с тобой. Отключи "мамочку". Помнишь стихи Роберта Рождественского? Хотя, наверное, ты и

не помнишь, ты же из другого поколения, - улыбнулась Вера и процитировала по памяти:

- Будь, пожалуйста, послабее. Будь, пожалуйста.

И тогда подарю тебе я чудо запросто.

И тогда я вымахну - вырасту, стану особенным.

Из горящего дома вынесу тебя, сонную.

Я решусь на всё неизвестное, на всё безрассудное, -

в море брошусь, густое, злое, - и спасу тебя!..

Это будет сердцем велено мне, сердцем велено...

Но ведь ты же сильнее меня, сильнее и уверенней!

Ты сама готова спасти других от уныния тяжкого.

Ты сама не боишься ни свиста пурги, ни огня хрустящего.

Не заблудишься, не утонешь, зла не накопишь.

Не заплачешь и не застонешь, если захочешь.

Станешь плавной и станешь ветреной, если захочешь...

Мне с тобою - такой уверенной - трудно очень.

Хоть нарочно, хоть на мгновенье, - я прошу, робея, -

помоги мне в себя поверить, стань слабее.

- Ты... удивительная, Вера, - сказала Галинка после паузы. - Вот не зря Саша так ценит тебя, как друга. Знаешь, меня и правда отпустило. Как будто старый тугой узел наконец развязался. Даже дышать легче стало... Спасибо тебе.

- Не за что, - Вера залихватски подмигнула ей, отчего стала выглядеть совсем девчонкой - никто не дал бы ей сейчас её законных тридцати девяти лет. - Я буду рада, если тебе... вам с Сашей, - поправила она, - действительно поможет этот наш разговор.

- В чём дело, Сандро? - промурлыкала Кетеван, ничуть не смутившись и не отводя взгляда. - Такое ощущение, что ты меня игнорируешь. Со всеми пообщался - и с Мастером, и с ребятами, а я для тебя будто не существую.

- Отчего же? - он пожал плечами. - Просто с тобой мы виделись несколько дней назад, а с остальными встретились впервые за много лет. Интересно пообщаться со старыми друзьями, знаешь ли...

- Мы с тобой... не договорили тогда, - напомнила она деликатно.

- А тебе есть, что мне сказать? Так начинай, я не против, - серьёзно разрешил Белецкий.

- Даже, в некотором роде, мечтаю наконец-то тебя выслушать...

- Пригласи меня на танец, - потребовала Кетеван. Он едва заметно поморщился.

- Извини, я не любитель танцев.

- Да ладно тебе, вспомни, как мы раньше с тобой зажигали! "Криминальное чтиво",

Траволта и Турман...

- Я давно уже всё забыл, - холодно отозвался он.

- Ну я же тебя сейчас не прошу изображать что-то сверхъестественное, - Кетеван улыбнулась. - Просто обычный "медляк", как мы раньше говорили... помнишь?

- А тебе не кажется, что мы оба уже несколько вышли из возраста "медляков"? - язвительно спросил он. Эта настойчивость раздражала его.

- Ой, Белецкий, брось строить из себя ещё большего зануду, чем ты есть на самом деле, - бесцеремонно вмешалась Анжела. - Идите и потанцуйте уже по старой памяти. Глупо дуться из-за каких-то давних обид!

Он почувствовал, что начинает заводиться из-за такого откровенного, неприкрытого сводничества. Больше всего злило ещё и то, что к их разговору с интересом прислушивались однокурсники.

- Анжел, что ты вообще несёшь? "Дуться" - это немного не моя история. Я... - но тут он наткнулся на умоляющий взгляд Кетеван. Она незаметно указала ему глазами на Климову и чуть-чуть качнула головой, словно прося не вступать в перепалку и вообще - не позволять Анжеле видеть и слышать лишнего.

- Один только танец... пожалуйста, - упорно, с подтекстом, повторила она, и Белецкий вдруг сообразил: она просто не хочет, чтобы их подслушивали. Это единственная возможность остаться более-менее наедине.

- Ладно, - сдался он. Это было из серии "легче дать, чем объяснять, почему нет".

Они встали из-за стола и вышли в центр зала, не глядя друг на друга. Белецкий молча обнял её за талию, а Кетеван положила руки ему на плечи. Желающие петь в караоке не переводились: на смену Жорке пришёл уже изрядно наквасившийся и оттого сентиментальный Генка, на смену Лепсу - по просьбе женской половины курса - Билан. Какая-то попсовенькая сопливенькая песня, идеально подходившая под определение "медляк"...

- И словами не сказать эту боль мою,

И не нужно больше лгать - до сих пор люблю.

Смело верил и мечтал, что всё это не уйдёт,

Я руками отпустил - а сердце ждёт...

Белецкий даже рассмеялся про себя. Всё происходящее напоминало ему какой-то дурно срежиссированный спектакль... вон и саундтрек подходящий подобрали, чтобы слезу выжать. Одна беда - ему, в отличие от остальных актёров, не дали заранее ознакомиться со сценарием, и сейчас Белецкий просто ломал голову, что будет дальше и куда его в конце концов занесёт.

А всё-таки удивительная вещь - человеческая память... Он не держал Кетеван в своих объятиях страшно сказать, сколько лет, а руки привычно ощущали знакомые изгибы стройного гибкого тела. Бред, вздор, чушь, она изменилась за это время, пытался убедить

себя Белецкий, и фигура её тоже изменилась, и в то же время он понимал, что действительно *помнит* все эти ощущения от прикосновений друг к другу. Их совместные танцы, репетиции, спектакли... И всё-таки... всё-таки, с облегчением осознал он, это были просто воспоминания. Всего лишь воспоминания. Больше не имеющие власти над его настоящим.

- Там просто было слишком много посторонних ушей, - между тем подтвердила его догадки Кетеван. - Не сердись, что вытащила тебя сюда.

- А посторонние глаза не в счёт? - поинтересовался он. - Через пару часов наше совместное фото - теперь танцующее - снова всплывёт в каком-нибудь жёлтом издании, только на этот раз напишут, что я не просто изменяю жене, а в буквальном смысле трахаюсь с тобой прямо посреди зала ресторана на виду у всех, - бросил он отрывисто. Обычно Белецкий подбирал выражения, но сейчас был жутко раздосадован, разозлён и смущён одновременно.

- Здесь нет посторонних, тем более журналистов, - удивилась Кетеван. - Разве ты не обратил внимания на то, что в зале - только мы, “самойловцы”, и больше никого? Специально забронировали ресторан на целый вечер, только под встречу нашего курса.

- Ну, хоть на этом спасибо, - он немного расслабился.

- И всё равно ты какой-то недовольный. Всё ещё злишься на меня за то, что я тебя пригласила? Просто хотела пообщаться с тобой... по-дружески. Что тебя беспокоит?

- Что беспокоит? То, что ты слишком мягко стелешь, Кети, - усмехнулся он. - Переигрываешь. Совсем все навыки растеряла? В училище ты играла лучше, - он действительно был зол - на себя, на неё - и оттого практически грубил ей. Просто невыносимо было видеть эту ангельскую улыбочку и невинно хлопающие ресницы... о, всё это знакомые приёмчики, он не успел их забыть даже за столько лет.

- Ты прости меня, Сандро, - произнесла она будто бы в искреннем раскаянии. - Прости за прошлое. Я очень виновата перед тобой.

- Если ты ещё не забыла русский фольклор, то, наверное, припомнишь поговорку “дорога ложка к обеду”?

- Да, знаю, что запоздала со своими извинениями на пару десятков лет...

- Мне не нужны твои извинения, Кети. Теперь не нужны. Мне уже всё равно, - ровным голосом отозвался он.

- Но мне нужно... мне *необходимо*, чтобы ты меня простил! - воскликнула она с отчаянием.

- Ты всегда думала только о себе, - незло, почти ласково, сказал Белецкий. - Ужасное избалованное дитя, ты эгоистично заботилась лишь о своём комфорте. Тебе не нравилось, если на тебя сердились, злились или обижались, верно?.. Ты хотела быть милой и любимой всеми... Скажи, ведь ты и записку о том, что уезжаешь, послала мне тогда только для того, чтобы тебя не мучал комплекс вины? Если бы ты уехала из Москвы, не убедившись в том, что я больше не держу на тебя зла, тебе было бы неудобно?

- А ты жестокий, оказывается, - помолчав, откликнулась Кетеван.

- Бываю иногда. Хорошие учителя попались, - жёстко ответил он.

- Хочешь сказать, что стал таким из-за меня?! Ну, не преувеличивай, - она немного делано засмеялась.

- Преувеличивать?! Ты всего лишь проехала по мне, как танк. И я потом всего лишь полжизни не мог очухаться. В себя прийти. До паники боялся снова полюбить, открыться кому-то, довериться... У меня вот здесь, - он постучал ладонью по груди, - всё было просто

выжжено и мёртво. И ничего там не росло и не приживалось ещё много лет. Первую же девушку, в которую после тебя я смог, наконец, влюбиться по-настоящему, я сам же обидел и предал. От страха. Она так и не смогла меня простить... И только с Галей, наконец, я перестал себя накручивать. Нет, я не виню тебя в том, что было тогда... - добавил он после паузы. - Я сам виноват, ты никогда мне ничего не обещала. Одного не понимаю - какого дьявола тебе нужно от меня *сейчас*?

- А вот мне интересно, ты действительно любишь свою жену? - задала Кетеван встречный вопрос. Он покачал головой, как бы поражаясь её цинизму.

- Я люблю её так, как тебе и не снилось. Но почему это в принципе тебя волнует?

- Я... завидую ей, - тихо призналась Кетеван. - Счастливая она. Ей с тобой очень повезло...

- Ты издеваешься? - он смотрел на неё в неподдельном шоке. - Ты вообще о чём, Кети?! Ты же прекрасно знаешь, что много лет назад... стоило тебе хотя бы раз сделать шаг мне навстречу... и сейчас на её месте могла бы быть ты. А теперь... поезд ушёл, какая зависть, что ты несёшь?

- Ты меня ненавидишь... - выдохнула она.

Белецкий задумчиво покачал головой.

- Все почему-то противопоставляют любви - ненависть. А на самом-то деле, настоящий антипод любви - это равнодушие. Вот это значит, что тебя по-настоящему отпустило... Оказывается, я уже давно не ненавижу, Кети. Мне всё равно. Мне. Всё. Равно, - выделил он эту фразу.

- Я не верю тебе, - её лицо исказила болезненная гримаса. - Не верю! Не могло всё так бесследно исчезнуть. Ты же умирал от любви ко мне...

- Тебе хочется, чтобы я продолжал умирать? - его брови недоуменно взметнулись. - Господи, зачем? *Тебе* это зачем? Так уж нравится видеть меня униженным, “чуть свет - уж на ногах, и я у ваших ног”? - процитировал он Чацкого.

А она вместо ответа вдруг приподнялась на цыпочки и прижалась своими губами к его, не давая опомниться. Белецкий оторопел на мгновение, а затем отшатнулся почти в ужасе, буквально оттолкнул её.

- Да ты что, с ума сошла?! Что с тобой происходит?

Её глаза мимолетно наполнились слезами.

- Извини... - всхлипнула она. - Наверное, и правда не нужно было... - и, бросив его посреди зала, она поспешно подхватила свою сумочку, оставленную на стуле, и кинулась вон из ресторана.

Белецкий медленно вернулся к столу, совершенно не понимая, что сейчас только что произошло и что это была за истерика. Все однокурсники в ошеломлённом молчании наблюдали за этой сценой. Даже Генка Огурцов, заливавшийся соловьём в караоке, сбился с ритма и умолк.

- Эх ты, рыцарь! - возмутилась вездесущая Анжела. - Иди, догони её немедленно... верни!

Он повернулся к ней, всё ещё ничего не соображая, точно в каком-то дурном сне. Вот только спасительное пробуждение всё никак не наступало.

- С какой стати? Что, чёрт возьми, происходит с твоей чокнутой подружкой?! - тщательно проговаривая слова, спросил он, едва сдерживая бешенство. Поцелуй всё ещё

горел на его губах - короткий, острый, пронзительный, пряный... будто отравленный.

- И в самом деле, Климова, отстань ты от него, - удивлённо пробасил Жорка. - Почему это именно Саня должен ей соплю утирать? Он ей, прости, ни сват, ни брат... А у Кети, по ходу, просто ПМС - психанула на пустом месте, типичное бабское дело...

Вечер, разумеется, был безнадёжно испорчен - так же, как и настроение. Однокурсники с опаской поглядывали на Белецкого и осторожно перешёптывались. Он понял, что банально мешает сейчас им всем вдоволь перемыть ему кости, посудачить-погадать о том, что произошло, и решил осчастливить страждущих - просто уйти.

Его не останавливали. Только Жорка на прощание навязал свой номер телефона и взял с Белецкого клятву не пропадать.

На улице хлестал дождь. Ночной летний ливень... Отражения фонарей дрожали и переливались в лужах на асфальте. Вместо того, чтобы быстрее идти к машине, Белецкий запрокинул голову и подставил разгорячённое лицо небесным струям. Ему показалось, что они ледяные... но это было даже хорошо сейчас. Именно то, что нужно.

Дождь смывал остаточные воспоминания о том поцелуе, не оставляя ни следа горечи, сожалений или стыда. Белецкий поднял руки и тщательно вытер ладонями мокрое лицо, точно умылся. Он не врал, когда говорил Кетеван о том, что ему всё равно. Да, её поступок сбил его с толку и взволновал, но... это ничего не значило. В груди ничего не дрогнуло и не отозвалось на её поцелуй. Там всё просто молчало. Словно и не Кети его поцеловала, а какая-то обезумевшая мимолётная фанаточка - сорвала силком поцелуй и растворилась в толпе. Только всё ещё свербела мысль, что его пытаются каким-то образом использовать... но это не имело ничего общего с любовным томлением и романтическими мечтами. Ему не нужна была *эта* женщина. У него уже была другая. Своя...

Он даже не слишком удивился, когда увидел Кетеван. Она сидела на автобусной остановке, совсем недалеко от ресторана - одинокая, вымокшая с ног до головы, зарёванная и несчастная...

Белецкий обречённо притормозил, понимая, что, несмотря ни на что, не сможет вот так уехать, и распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья.

- Быстро в машину! - скомандовал он. Кети поднялась, обхватив себя за плечи руками, и медленно приблизилась. Мокрая одежда облепила её настолько бесстыдно, что он тут же отвёл глаза. Не потому, что его это как-то задевало. Просто не хотел её смущать. Если, конечно, она в состоянии была думать в данный момент о смущении...

Она села в салон. Он включил печку, чтобы Кетеван хотя бы немного обсохла. Бедняга дрожала так, что у неё в буквальном смысле зуб на зуб не попадал от холода. Белецкий искоса взглянул на неё и вдруг понял, что сейчас, в данный момент, у неё просто нет сил хитрить, изворачиваться и притворяться, ведя какую-то двойную игру. Она - такая, какая есть, словно этим дождём с неё напрочь смыло всю фальшь и шелуху... Она расскажет ему абсолютно всё.

- Ну, что у тебя стряслось? Выкладывай, - со вздохом произнёс он. Продолжая всхлипывать, Кетеван повернула к нему заплаканное лицо и выдохнула одной короткой резкой фразой, словно пуля просвистела:

- Мой сын умирает.

Домой он вернулся уже под утро.

Квартира была пуста. Он неоднократно звонил Галинке, но она не брала трубку, и все его последующие сообщения о том, что он, вероятно, задержится, остались без ответа. Тогда Белецкий решил, что жена просто уже спит, но теперь, очутившись дома, он с порога понял, что здесь никого нет. Это была особенная тишина. Её невозможно было ни с чем перепутать.

Когда же он зажёл всюду свет и прошёлся по комнатам, то обнаружил, что Галинка исчезла не просто так.

Она собрала чемодан и уехала.

ЧАСТЬ 3

Теперь наоборот. Мне сорок,

А клёну и берёзе – шестьдесят.

И я сквозь ветви так же пялю взгляд,

*Как одурманенный ребёнок,
Туда, где нет домов до горизонта,*

Где поезда и лес – граница фронта,

*И небо нераздельное над ним.
Туда – мечты, гудки, салютов море,*

И понимание, что будет много горя,

*Но это где-то впереди, чёрт с ним.
Теперь со мной оно, и Он со мною.*

Несчитаны ошибки за спиною.

*Что, Господи, с собой я натворил?..
Квартира номер семьдесят шестая –*

Как год рожденья. Осень золотая,

*И первый снег на листья повалил...
Даниил Страхов*

1995 год, Москва

Первым человеком, которого Белецкий встретил в начале учебного года, оказалась та самая блондинка с косичками, на чьём прослушивании ему довелось попристутствовать в июле.

- Ой! - воскликнула девушка, когда они едва не столкнулись в дверях Щукинского училища. Белецкий вежливо посторонился, давая ей возможность пройти первой, но блондинка уже вперила в него любопытный взгляд огромных серых глаз.

- Ой, - повторила она, на этот раз обрадованно, - здравствуйте!.. А вы меня не узнаете?

Он шутливо продекламировал:

- “Ужель та самая Татьяна, которой он наедине, в начале нашего романа, в глухой, далёкой стороне, в благом пылу нравоученья читал когда-то наставленья, та, от которой он хранит письмо?..”*

- С ума сойти, - ахнула девушка, - вы что, всю поэму наизусть помните?! Хотя чему я удивляюсь, это как раз ожидаемо...

- Почему это? - заинтересовался он. Она смущённо улыбнулась, поправляя выбившуюся из причёски белокурую прядь.

- Мы с мамой приходили на вечер чтецов в учебный театр. Я тогда только готовилась к поступлению, часто бывала здесь... и вас хорошо запомнила. Вы так здорово стихи читаете!

- Спасибо, - ему была приятна похвала, приятна и эта милая девчушка. - А вы, стало быть, поступили всё-таки? Можно вас поздравить?

- Да, - она радостно кивнула. - Так волнуюсь, всю ночь сегодня заснуть не могла. Всё-таки, первый учебный день!

- Ну тогда бегите, чтобы не опоздать, - он ободряюще улыбнулся ей. - И желаю вам удачи, Татьяна Ларина!

Она засмеялась.

- Вообще-то, меня Аня зовут. Аня Журина.

- Очень приятно. Саша... Белецкий.

- Спасибо вам, Саша. Ну... наверное... то есть, я хотела сказать... может, ещё увидимся? - неловко пробормотала она, трогательно краснея.

- Ну конечно же, когда-нибудь наверняка увидимся, - он сделал вид, что не понял прозрачного намёка. - Мы ведь здесь оба учимся.

Аня с трудом скрыла разочарование. Белецкий, разумеется, догадался, что она ждала от него немного иного ответа. Но... господи, что он мог ей предложить? Куда ему сейчас, с его-то полной неразберихой в личной жизни, ещё и эту крошку-Анечку?! Пусть даже она мила и свежа, как майская роза...

**Строки из поэмы А.С.Пушкина “Евгений Онегин”*

Однако Аня оказалась неожиданно целеустремлённой и настойчивой особой. Уже через несколько дней, заметив Белецкого в буфете, она под села к нему за стол и, как обычно трогательно смущаясь, попросила помочь разобраться с этюдом*, который у неё никак не получался.

- Что за этюд? Беспредметка? - поинтересовался он.

- Ага... нам дали домашнее задание на тему “Люди в метро”, мне достался этюд “Билетик потеряла”. А что тут можно показать? И, главное, как? - она растерянно захлопала ресницами.

- Ну, смотри... - он и сам не заметил, как перешёл с ней на “ты”. - Твой образ тут уже даже в самом названии заложен. Не просто “билет”, а “билетик”... Следовательно, ты -

этакая инфантильная, суетливая, немного смешная дамочка. Представь, как подходишь к турникету, увешанная многочисленными пакетами... нет, их у тебя на самом деле нет, но тебе надо будет их *сыграть!*.. Подходишь - и начинаешь торопливо рыться в воображаемой сумке, бестолково щёлкать замком, открывать и закрывать его, в раздражении отбрасывать ненужные бумажки и фантики, которые попадают тебе под руку... Потом, волнуясь, хлопываешь себя по карманам, на всякий случай в сотый раз заглядываешь в кошелёк, периодически роняешь то один, то другой из своих бесчисленных пакетов... А ещё представь, что всё это время вокруг тебя снуют люди. Задевают тебя плечами, толкают, ты всех задерживаешь своей вознёй, тебе неловко и стыдно, но ты продолжаешь искать. Ну, вот... как-то так, - он развёл руками.

- Кла-а-асс!.. - в искреннем восхищении протянула она. - Спасибо тебе огромное.

- Да было бы, за что, - отмахнулся Белецкий.

- А ты... любишь театр? - спросила вдруг Аня. Он даже фыркнул от неожиданности.

- Отличный вопрос студенту театрального училища, не находишь?

- Нет, в смысле... посещать чужие спектакли - любишь? - она покраснела.

- А, в этом смысле, - он улыбнулся. - Конечно, люблю. Но смотря какие, всё подряд не ем.

- У меня... - Аня опустила ресницы, - случайно... В общем, есть два пригласительных в центр Мейерхольда на спектакль "Нумер в гостинице города NN", - выпалила она скороговоркой, решившись. - Это по "Мёртвым душам" Гоголя. Не хочешь сходить?

- Ого, - присвистнул Белецкий. Он был наслышан об этой постановке Валерия Фокина, удостоенной Госпремии, а также наград "Хрустальная Турандот" за лучшую режиссуру и "Золотая маска" - как лучший спектакль сезона. - Звучит заманчиво. А когда?

- Послезавтра! - выдохнула она, страшно волнуясь в ожидании его вердикта.

Белецкий добросовестно задумался. Не хотелось обижать девочку отказом, но и брать на себя какие-то обязательства, которые неизменно возникнут после похода на спектакль, он не желал. Он всё ещё сопротивлялся её явной, неприкрытой симпатии к собственной персоне, словно надеялся, что Аня быстро остынет.

В этот момент в буфет вошли Кетеван с Анжелой. Он быстро отвёл взгляд, делая вид, что не заметил их.

С Кетеван у них было всё... странно. Странно и сложно. Формально они не ссорились, продолжая общаться - но от прежних тёплых отношений не осталось и следа. Никаких больше разговоров по душам, многочасовых прогулок, совместных поездок в общагу и даже простых телефонных звонков друг другу.. Он вёл себя с ней, как со всеми остальными однокурсниками: вежливо, но равнодушно-отстранённо. Старательно делая вид, что всё прошло. Он всё-таки был отличным актёром... О, это была лучшая игра в его жизни. Во всяком случае, Кетеван в неё поверила. Время от времени он ловил на себе её тоскующий виноватый взгляд... но не испытывал ни ликования, ни удовлетворения, ощущая одну лишь глухую пустоту в груди.

Белецкий ничего не знал о личной жизни Кетеван с того самого момента, как забрал её у Аслана и проводил домой. Он не был в курсе, как прошёл разговор с тётей Нателлой, понятия не имел, к чему они в итоге пришли. Он даже не знал, в Москве ли ещё Аслан. Не знал - и не хотел знать.

Кетеван с Анжелой тоже увидели его. Он чувствовал, что они смотрят в их сторону. Это и решило дело. Очаровательно улыбнувшись Ане, Белецкий уточнил:

- Так ты говоришь, послезавтра? У меня как раз свободный вечер. Я с удовольствием приму твоё предложение!

Первокурсница расцвела счастливой улыбкой в ответ, только что на шею ему не бросилась. А он дошёл в своей игре до того, что даже показательно приобнял её за плечи, отчего Аня и вовсе мысленно вознеслась на вершину блаженства.

**Театральный этюд - упражнение для развития актёрской техники, необходимый элемент в занятиях по актёрскому мастерству. С помощью этюдов начинающих актёров учат, как строить историю, работать над собой, а также с партнёром. На начальном уровне используются такие этюды, как "беспредметное действие" и "животные".*

Аня была идеальной кандидатурой для того, чтобы понравиться его маме: коренная москвичка, воспитанная, с хорошими манерами, из приличной семьи, к тому же очень симпатичная. Сама девушка не раз намекала, что мечтала бы познакомиться с его родными, а также невзначай зазывала Белецкого в гости, придумывая различные поводы, чтобы представить его собственным родителям - то именины отца, то день рождения бабушки... Но именно потому, что она была идеальной, подходящей ему по всем параметрам - Белецкий и понимал прекрасно, что ничего серьёзного у них никогда не выйдет.

Она была первой девушкой, ставшей невольной жертвой его беспощадного цинизма. Первой в череде многих... Он просто трахнул Аню у неё же дома, в отсутствие родителей, даже не заботясь об удовольствии партнёрши. Он получил необходимую ему физиологическую разрядку, но морально так и не испытал ни удовлетворения, ни даже банального облегчения. Слава богу, Аня хотя бы оказалась не девственницей, иначе он презирал бы себя ещё больше.

Неловко натягивая простыню на обнажённую грудь, Аня виновато лепетала в качестве оправдания что-то о своём бывшем парне, с которым она встречалась в выпускном классе, пока Белецкий спокойно не прервал её:

- Это не имеет значения.

Аня прекрасно поняла подтекст: не имело значения не потому, что она была как-то особо дорога ему, как раз наоборот. Ему было просто плевать.

Знакомиться с родителями он тоже отказался, даже в перспективе:

- Зачем? Я же не собираюсь просить у них твоей руки.

Он чувствовал себя последним мудаком, и всё-таки продолжал вести себя, как мудака, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что просто срывает на ни в чём не повинной девчонке свою злость, своё отчаяние. Так затюканные матери вымещают дикую усталость на плачущих детях, так супруги из-за неприятностей на работе орут друг на друга уже дома...

Он всё это понимал - и всё равно срывался. Снова и снова. С новыми и с новыми...

2019 год, Москва

Некоторое время Белецкий ошеломлённо, ещё не осмыслив ужасающей реальности происходящего, перебирал стучающиеся друг от друга пустые плечики в шкафу жены. У него банально не связались воедино два этих обстоятельства: "люблю до самого Марса" незадолго до его ухода - и зияющее нутро выпотрошенного шкафа сейчас. Телефон же её на

этот раз оказался вне зоны доступа.

Судя по всему, собиралась Галинка впопыхах, будто за ней гнались. Она просто бездумно свалила всю подвернувшуюся под руку одежду в чемодан, позабыв при этом о дорогих ей, таких важных и любимых, мелочах: он заметил оставленный на полочке в ванной браслет, пару серёжек на столике в спальне, а на кухонном подоконнике обнаружилась косметичка... Чем больше подобных вещиц он находил, тем активнее принимался убеждать себя в том, что всё это - просто какое-то дикое, нелепое недоразумение. Она никуда не уехала. Она вот-вот вернётся. Вон и зубная щётка тоже на месте... И в самом деле, ну как она может обойтись без зубной щётки?! И её любимый персиковый крем для тела тоже тут...

Белецкий медленно прошёлся по комнатам, находясь в каком-то странном оцепенении, словно мозг отказывался принимать новую информацию и упорно отторгал её.

И только потом, наконец-то, он увидел то, на что должен был обратить внимание с самого начала: белеющий на журнальном столе лист бумаги. Записка!.. Заметив её, он каким-то внутренним чутьём сразу понял, что это и есть его окончательный приговор. Ведь если бы просто случилось что-то срочное и важное и Галинка вынуждена была уехать (может, мама заболела или ещё что-нибудь), куда проще было бы позвонить, а не написать...

- Нет, - прошептал он одними губами, стремительно бледнея. - Галюша, нет!!!

Словно это ещё могло что-то исправить, что-то изменить.

“Есть вещи, которые я просто не могу вынести. Твои отношения с Кети - из их числа. Прости, но это выше моих сил, я всего лишь слабый человек. Ты, конечно, сможешь и это как-нибудь логично объяснить, я уверена. Ты же умный и находчивый. Но пока что я не готова обсуждать твои поцелуи с первой любовью. Совсем. Какие бы мотивы тобой не руководили. Я слишком доверяла тебе, безоговорочно и слепо доверяла, и ты даже не представляешь, каково мне сейчас.

Пожалуйста, не надо пытаться связаться со мной. Я не собираюсь играть в прятки и прочий детский сад из серии “найди меня, догони меня”: сразу говорю, что уезжаю в Ялту, чтобы ты за меня не беспокоился. Но я не хочу разговаривать с тобой сейчас. Не хочу и не могу. Мне нужно время. Не звони, НЕ ЗВОНИ И НЕ ПИШИ МНЕ, прошу тебя. По крайней мере, пока. Этим ты сделаешь только хуже. Мне нужно отдышаться. Когда (и если) я дозрею до разговора - свяжусь с тобой сама.

P.S. Успешной тебе премьеры”.

И всё. Ни подписи, ни обращения по имени, словно чужому человеку писала. И эта приписка с пожеланием успеха - будто издевательство. Насмешка...

Белецкий опустился на диван, продолжая сжимать в руках проклятую записку, и понимал, что впору сейчас только завить от бессилия и общего идиотизма ситуации.

Да что за... мать вашу растак?! Какого хрена?!

В сердцах он несколько раз ударил кулаком по стене, чтобы выпустить пар. Голова готова была взорваться от напряжения.

Он ещё раз внимательно перечитал записку. Кто-то уже успел донести Галинке о том поцелуе с Кети - интересно, кто же этот тайный и столь расторопный доброжелатель? Не Ангела ли? Он даже зубами заскрипел, жалея о том, что не может вот прямо сейчас, сию минуту, придушить бывшую жену. Она-то чего добивается?! Если мотивы Кетеван теперь

были ему худо-бедно понятны, то каков интерес в этой истории у Климовой?..

Он обхватил голову руками, до боли сжал виски. Галя, Галюша, что же ты натворила, глупая... Удрала, не разобравшись в ситуации... *“Я уверена, ты сможешь и это как-нибудь логично объяснить, ты же умный и находчивый”*, - вспомнил он её саркастическую фразу и даже застонал от досады. Он-то, конечно, смог бы ей это объяснить, но любая попытка оправдаться именно сейчас воспринялась бы Галинкой в штыки, он прекрасно знал её упрямство. *Глупая, упёртая, сумасшедшая, безумная моя девочка, ну зачем же ты так поторопилась с выводами...*

Первым порывом, конечно же, было схватить телефон и в очередной раз набрать её номер: а вдруг уже доступен? Но Белецкий невероятным усилием воли заставил себя остановиться. Раз она сказала, что его звонок только всё испортит, сделает ещё хуже - значит, надо дать ей хотя бы немного времени на то, чтобы опомниться. Прийти в себя. Остыть и включить голову.

Затем он открыл в интернете расписание самолётов Москва-Симферополь. По всему выходило, что Галинка не могла улететь раньше полуночи, она бы просто не успела... Да и онлайн жена выходила в последний раз именно в двенадцать часов ночи. Но далее следы терялись - до Симферополя отправлялось много рейсов, а он ведь даже не знал толком, из какого аэропорта она вылетела.

Было четыре часа утра. Возможно, Галинка ещё в небе, хотя нельзя исключать и того, что уже в приземлилась в Крыму... а может, вообще до сих пор сидит в Москве, вдруг не удалось сразу достать билет.

Он даже сжал кулаки от бессилия, борясь с желанием немедленно прыгнуть в машину и начать методично объезжать аэропорты. Это, разумеется, было глупо и ничего бы ему не дало... Но знать то, что она, быть может, ещё рядом... что ещё можно как-то остановить её и всё отменить...

Белецкий снова подавил желание сейчас же позвонить ей, с трудом призвав себя к спокойствию. Правда, удержаться от того, чтобы то и дело не приниматься набирать жене сообщения в мессенджере, он не мог, но перед самой отправкой снова и снова стирал их. В самом деле, ну как тут объяснишь? Какими словами или, прости господи, эмодзи?

"Это действительно не то, что ты думаешь"?

"Ничего не было"?

"Я люблю только тебя"?

“Она сама на меня набросилась”?

Глупо, неубедительно и выглядит как жалкая попытка придумать себе оправдание. Такие вещи нужно обговаривать, глядя прямо в глаза...

Сорваться в Крым вслед за ней?.. Но у него премьера послезавтра, сегодня генеральный прогон... он просто не может подвести театр - труппу, зрителей, которые забронировали билеты на спектакль за два месяца вперёд... Чёрт, да что же за подстава-то такая!

Он прикусил нижнюю губу, пытаясь сообразить, что ему делать. Вдруг разволновался: а если Галинка прилетела в Симферополь и сейчас стоит там в аэропорту одна, среди ночи... ей же ещё в Ялту ехать - мало ли, какой таксист попадётся... Тревога за жену заставила его в очередной раз схватить в руки телефон, но, снова вспомнив о записке, он с сожалением оставил эту затею.

В конце концов, Белецкий решил дожидаться наступления полноценного утра и позвонить теще в Ялту. Скорее всего, Галинка уже известила её о своём внезапном

прибытии. Не факт, что суровая и строгая тётя Ксана в принципе захочет с ним разговаривать, если дочь хотя бы туманно намекнула ей о причине бегства из Москвы. Но попробовать, в любом случае, стоит.

Можно было попытаться поспать хотя бы пару часов, но ему не удалось вздремнуть ни на минуту. Он сновал туда-сюда из комнаты в комнату, спускался в кухню, сидел в гостиной, бестолково пялясь в экран беззвучно работающего телевизора, чтобы отвлечься, затем в очередной раз поднимался наверх, в буквальном смысле не находя себе места и не зная, чем занять время. Он снова и снова подходил к шкафу и открывал дверцы, словно надеялся, что ему всё показалось - и все вещи Галинки на месте, и сама она сейчас выпорхнет из ванной, замотанная в белое банное полотенце - красивая, длинноногая, с распущенными мокрыми волосами...

Он с отчаянием всматривался в свадебные фотографии, развешанные в рамочках на стенах. Разглядывал счастливое, сияющее лицо Галинки, и не мог поверить, окончательно осознать тот факт, что она уехала.

В конце концов, изнервничавшись до изнеможения, он ненадолго прилёг на диван в гостиной и прикрыл уставшие, воспалённые глаза. Невыносимо было даже помыслить о том, чтобы пойти в их с Галинкой спальню, лечь на ту кровать, где всего лишь день назад, ранним утром, они проснулись вместе... где подушка ещё хранила тонкий, еле уловимый аромат её волос, всегда пахнувших морем и степными травами...

Он вдруг впервые отчётливо понял, что просто сдохнет без неё. Не сможет существовать физически, если её не будет рядом. Она была необходима ему, нужна, как воздух. И он должен был, обязан как можно скорее непременно её вернуть.

В восемь утра Белецкий набрал номер Галинкиной матери, но она сразу же сбросила звонок. Вероятно, дочь уже проинструктировала её, как следует себя вести с негодным зятем... Хотя, возможно, ей просто неудобно было сейчас говорить, успокаивал он себя.

Выждав с полчаса, не перезвонит ли тётя Ксана сама, он снова набрал её номер... и его снова безжалостно сбросили.

Белецкий не оставлял попыток дозвониться до тёщи даже в такси, пока ехал в театр на репетицию (решил, что сам за руль в таком состоянии точно не сядет). Нервное напряжение всё нарастало. Около десяти утра тётя Ксана, наконец, откликнулась.

- Вона не хоче з тобою розмовляти*, - отчеканила она вместо приветствия. Это был её фирменный стиль - со всеми окружающими, включая даже совершенно русскоговорящую дочь, тётя Ксана принципиально общалась *тільки рідною мовою*.

- Но она хотя бы доехала, с ней всё в порядке?! Как она? - выпалил Белецкий, задыхаясь от волнения и одновременно облегчения - во всяком случае, Галинка теперь под надёжным крылышком у мамы, под её чутким присмотром.

- А ти сам як думаєш? - помедлив, отозвалась тётя Ксана. Если бы голосом можно было убивать - Белецкий уже гарантированно был бы покойником.

- И всё-таки? - спросил он.

- Плаче і плаче без перерви. Не треба дзвонити, сам кашу заварив - тепер не скаржся. І дівчинку не муч, - и, не дав ему сказать больше не слова, первая отключилась.

Чёрт... чёрт, конечно надо было ехать туда самому, и как можно скорее. Нельзя было решать такие вопросы ни по телефону, ни по электронной почте, ни другими

посредническими методами. И как некстати, господи, как некстати сейчас эта злополучная премьера, когда голова забита совершенно другими проблемами!

Плачет... Он почувствовал, как сжалось у него сердце. Галинка рыдает там сейчас по его милости. Как он ненавидел себе в это мгновение, как проклинал за то, что согласился на этот танец с Кети...

А ведь следовало ещё разобраться, откуда жена узнала о поцелуе. Очень уж оперативно и точно было сработано. Он почти не сомневался, что это дело рук Анжелы, но требовалось всё-таки проверить информацию.

А ещё... он совсем забыл, что сегодня ему должна была позвонить Кетеван. Он уже пообещал ей помочь, и сейчас просто не мог спустить всё на тормозах.

Тем более, если речь шла о жизни шестилетнего ребёнка.

**Здесь и далее - пер. с украинского:*

“Вона не хоче з тобою розмовляти” - “Она не хочет с тобой разговаривать”

тільки рідною мовою - только на родном языке

“А ти сам як думаєш?” - “А ты сам как думаешь?”

“Плаче і плаче без перерви. Не треба дзвонити, сам кашу заварив - тепер не скаржся. І дівчинку не муч” - “Плачет и плачет без перерыва. Не надо звонить, сам кашу заварил - теперь не жалуйся. И девочку не мучай”

2019 год, Ялта

Впервые она заплакала, только когда очутилась в Крыму. До этого внутреннее оцепенение сковало Галинку настолько крепко, что она не могла полностью расслабиться и дать волю слезам.

В самолёте, прямо перед взлётом, на неё снова накатила паническая атака, уже третья за неделю. Нечем было дышать, к горлу подкатывала тошнота, смешанная с ужасом, на лбу выступила испарина - Галинке показалось, что она вот-вот потеряет сознание. К счастью, она уже успела почитать в интернете об этой - оказывается, довольно распространённой - проблеме и о способах её решения в домашних условиях, поэтому торопливо вытянула из кармашка впереди стоящего кресла бумажный пакет, раскрыла и уткнулась в него лицом, стараясь, чтобы внутрь не просачивался воздух.

Сосед слева покосился на неё с опаской и даже брезгливостью - очевидно, решил, что чрезмерно чувствительная девица собралась блевать во время взлёта. Однако, увидев, что попутчица всего лишь шумно и ритмично дышит в пакет, слегка подуспокоился. Впрочем, Галинка не обращала на него ни малейшего внимания - она просто делала вдохи и выдохи, насыщая лёгкие углекислым газом и восстанавливая баланс кровообращения.

Наконец, её стало потихоньку отпускать. Галинка откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

- Боитесь летать? - участливо поинтересовался сосед.

- Да, - кивнула Галинка медленно, не открывая глаз. - У меня аэрофобия.

- На самом деле, шансы разбиться на самолёте ничтожно малы, - изрёк собеседник заплесневелую истину с таким выражением, точно открыл Америку. - Гораздо чаще люди попадают в аварии на дорогах, но никто же не прекращает ездить в машинах и пользоваться

общественным транспортом...

Она не стала ничего отвечать. Ей было не до разговоров. Но увы - сосед оказался общительным и, видимо, решил крепко присесть ей на уши, чтобы скоротать время в пути.

- А вы в Крым отдыхать летите?

- Да.

- Наверное, студентка? На каникулах?

- Да.

- Хотя у студентов сессия почти весь июнь идёт... или вы отличница-активистка и сдали всё досрочно?

- Да.

- А почему одна? Или друзья-подружки тоже подтянутся?

- Да.

- А как вас зовут?

На этом моменте Галинка открыла, наконец, глаза и серьёзно взглянула на болтуна. Это был мужчина средних лет с добродушным румяным лицом, ясными, как у ребёнка, любопытными глазами и таким же наивным детским убеждением, что люди всегда рады его компании.

- Простите, что сразу не предупредила, но можно, я просто посижу молча? Когда со мной вступают в беседу незнакомцы, у меня сразу паника начинается. Помимо аэрофобии, у меня ещё и социофобия. И... логофобия.

- Мы можем и познакомиться, раз такое дело! - нет, его решительно невозможно было ничем смутить. - Меня Артём зовут - ну вот, я для вас больше не незнакомец! А ваше имя можно узнать?.. Кстати, вы очень на одну певицу похожи... Галина Тесленко - может, слышали? Но вы-то посимпатичнее, чем она, будете. У вас красота естественная, а она-то вся "сделанная"...

Это было абсолютно невыносимо... Галинка даже испугалась, что у неё сейчас случится ещё одна паническая атака, и тогда её высадят из самолёта до того, как он взлетит.

- Простите ещё раз, но я пас, - покачала она головой и снова демонстративно откинулась головой на спинку кресла, закрывая глаза.

Сосед что-то ещё сердито бубнил и обиженно сопел над ухом, но она притворилась, что внезапно оглохла. Сейчас у неё совершенно не было сил даже на формальную вежливость к попутчикам и на поддержание ни к чему не обязывающего лёгкого разговора.

Самолёт вырулил на взлётную полосу и теперь набирал скорость. В тот момент, когда он оторвался от земли, Галинка почувствовала странное опустошение, связанное с облегчением. Она до сих пор не знала, правильно поступила или нет. Возможно, вернее было бы сначала дождаться откровенного разговора, который окончательно поставил бы крест на её браке...

Но это не было трусостью или малодушием, Галинка не собиралась вечно по-страусиному прятать голову в песок. Просто она не могла сейчас видеть лицо мужа. Не могла заставить себя взглянуть ему в глаза... пока. Было ещё слишком больно. Независимо от того, что бы он ей сказал... и что скажет в будущем. Станет оправдываться и придумывать глупые беспомощные отговорки? Или, напротив, заявит, что наконец-то определился и между ними всё кончено? Ей невыносима была мысль как о первом, так и о втором варианте. Но всё равно невозможно было изменить того, что она увидела на фото. Это уже не просто дружеская встреча в кафе за чашечкой кофе... Это - было. Этого не отменишь.

Галинка совсем не представляла, как будет теперь жить, но одно понимала точно - жить, как прежде, больше не получится. Для кого-то, быть может, это не трагедия, ну уж точно не конец света, если муж целуется с другой женщиной: не переспали же, а это самое главное. Но она была воспитана матерью иначе. Поцелуй - это уже измена, как ни крути. Нечто очень интимное и сокровенное, даже в какой-то степени более значимое и важное, чем секс. Это символ единения не только тел, но и душ. Одно обжигающее дыхание на двоих, влажное соприкосновение нетерпеливо приоткрывшихся губ, будоражащее кровь тесное объятие, непередаваемое ощущение биения чужого сердца рядом... Это близость и взаимное влечение двух людей, которым больше невыносимо находиться на расстоянии друг от друга. Высшая степень доверия и взаимного притяжения.

А ведь тут был не просто поцелуй с абстрактной "другой женщиной". Это - Кети, его больная, безумная, кровоточащая юношеская любовь... Не может быть так, что всё произошло случайно, спонтанно и мимолётно.

Галинка старалась гнать от себя эти мазохистские мысли, но у неё не выходило не думать о том, как её муж целовал Кетеван, как засовывал, должно быть, язык ей в рот, как обхватывал руками её талию и прижимался к ней всем телом... её мутило от этих жестоких фантазий, но ничего поделать с собой она не могла.

Наверное, отчасти в случившемся была виновата и она сама. Слишком уж она... идеализировала его. Слишком доверяла - всецело, безоговорочно. Уверовала в то, что она для него в целом мире - одна-единственная, и что это никогда не изменится. Она ни разу не унизила мужа ревностью и подозрениями, и, видимо, несколько переоценила то место, которое занимала в его жизни. Но он же... он же горячо поддерживал в ней эту веру!

Господи, да разве можно было так играть?.. Так притворяться?.. И эти глаза, полные нежности, и ласковое, мягкое обращение "Галюша", от которого её словно обволакивало уютное облачко тепла... И его горячие руки на её теле, знающие все самые чувствительные точки... Даже во сне он часто бессознательно находил и сжимал её ладонь, словно боялся, что она исчезнет... Как он мог всё это обесценить одним-единственным поступком?!

На смену недоумению пришло физическое отторжение, отрицание случившегося. Этаким протест организма. Её кидало то в жар, то в холод. Кожа то становилась влажной, то покрывалась мурашками. Внезапно начинали гореть щёки, и сразу же вслед за этим Галинку трясло, словно в ознобе. Одновременно подташнивало, болела голова, ныли живот и поясница. Таксист, который вёз её в Ялту, то и дело с подозрением косился на странную пассажирку, которую буквально корёжило, словно наркоманку во время ломки. Кажется, он выдохнул с видимым облегчением, когда, наконец, они прибыли по адресу...

Мать выскочила ей навстречу из ворот. Обняла, заохала, запричитала, забросала какими-то торопливыми словами утешения... Галинка не успела рассказать ей всего по телефону, но главное женщина уловила: её драгоценный зять спутался с другой бабой. Этого было достаточно...

Самым тяжёлым оказалось войти в дом. Дом, который был свадебным подарком Белецкого. Сколько счастливых дней они провели здесь вместе!.. Большую часть года супруги обычно жили в Москве, но иногда могли сорваться в Крым на недельку-другую, а то и на целый месяц, если, к примеру, у Белецкого не было съёмки и он не был занят в театре. За домом следила мама - она переехала туда после уговоров зятя.

Откровенно говоря, Галинка предпочла бы сейчас вернуться в их с матерью старый

домик, в котором она родилась и выросла, слишком уж тяжело ей было оставаться *здесь*, где всё, каждая мелочь, напоминала о муже. Но их прежнее жилище было отдано под съём отдыхающим. Желаящие не переводились: старый тихий район, частный сектор, нет толп и шума, море в пешей доступности... а то, что домик старый и давно не видел ремонта - да кого из туристов волнует это в Крыму?!

Пока мама хлопотала на кухне, рассудив, что дочку первым делом нужно напоить-накормить, а потом уже лезть в душу с расспросами, Галинка пошла в ванную комнату. Отражение в зеркале ей не польстило: совершенно потухший взгляд, застывшее, словно маска, лицо, напряжённо сжатые губы... тень от неё, прежней. Галинка не узнала бы себя, если бы увидела вдруг со стороны. Она включила воду и присела на бортик ванны, ожидая, пока она наполнится.

Низ живота снова дал о себе знать болезненным спазмом. Галинка опустила голову и отстранённо наблюдала, как на внутренней стороне её бедра расплывается красное пятно. Месячные пришли, сообразила она, и вдруг её обожгло, как плетью, воспоминанием: ещё вчера муж сказал, что хочет от неё детей. *“Роди мне дочку, пожалуйста... такую же красотку, как и ты”*.

Ничего не будет, отчётливо поняла вдруг Галинка. Впервые - окончательно осознала масштаб случившегося. Не будет дочки. Не будет общих детей. Вообще ничего больше не будет. Никогда...

И вот тут она, наконец, заплакала.

2019 год, Москва, накануне описываемых событий

- Мы назвали сына Мурад. Это означает “желанный”.

Голос Кетеван звучал глухо. Она не смотрела в сторону Белецкого, уставившись на сцепленные в замок собственные руки.

- Ты даже не представляешь себе, насколько его имя соответствует действительности. Я очень долго не могла забеременеть и выносить ребёнка. Всё постоянно срывалось и не получалось. Десять выкидышей за пятнадцать лет. Десять... - повторила она, словно прислушиваясь к этой цифре и заново осмысливая её. - У нас в семье по женской линии как-то неладно с этим. У родителей я - единственный ребёнок. У тёти Нателлы с дядей Нодаром вообще не было детей. Теперь вот я со своими многолетними попытками... Ты мужчина, едва ли ты можешь даже вполтину вообразить, представить себе - каково это. Когда чёртовы пятнадцать лет ты ждёшь этого грёбаного чуда. Как осторожно радуешься двум полоскам на тесте, а потом снова и снова рыдаешь от того, что опять сорвалось. Я даже не знаю, что хуже: когда после очередного выкидыша слышишь эти дежурные утешения - вот, мол, пропьёшь курс лекарств, восстановишься, и через полгодика можно опять беременеть... или когда ловишь на себе красноречивые косые взгляды свекрови. Как же она меня ненавидела! Как, вероятно, втайне желала мне сдохнуть... Я изначально ей не нравилась, она была против нашего брака, но стиснула зубы и смирилась - ради блага любимого сыночка. А тут вдруг выясняется, что невестка - ущербная. Пустоцвет! Всё никак не может родить долгожданного наследника. Доходило даже до того, что она прозрачно намекала Аслану: ладно, официального развода через загс не надо, но можно же взять здоровую жену по исламским законам - совершить обряд “имам никах”. Правда, до этого дело так и не дошло. Просто, видимо, не нашлось дуры, которая согласилась бы войти в дом Аслана второй

женой...

Они так и сидели в его машине. Снаружи хлестал дождь, стёкла были исполосованы водяными дорожками, но Белецкий не включал “дворники”, отчего создавалась иллюзия, что они полностью отрезаны от внешнего мира этой стеной из дождя. Так Кетеван было проще говорить...

- Я почти уже и не надеялась. И вдруг, в тридцать шесть лет - внезапная, нечаянная, но очень желанная беременность. Врачи сказали мне: будешь лежать на сохранении все девять месяцев. Именно “лежать”, это не фигура речи. Но я была готова абсолютно на всё. Конечно, по мнению окружающих, это выглядело очень рискованно и даже безрассудно. Я была уже не просто “старородящей”, но ещё и проблемной старородящей. Не буду подробно описывать, как провела всё время до родов в больнице - в горизонтальном положении, под капельницами. И сами роды... это был кошмар и ужас. Но когда я впервые посмотрела в личико своего сына... - её голос сорвался. - Оно стоило того, даже миллион раз ещё можно было бы повторить все эти жертвы...

Она немного помолчала, собираясь с мыслями.

- Аслан устроил большой праздник по этому поводу. Мы так радовались, были так счастливы... и даже понятия не имели, что Мурад родился с ВПС.

- Что это? - коротко спросил Белецкий.

- Врождённый порок сердца, - отозвалась она еле слышно. - Его не сразу распознали. Слишком поздно диагностировали. Ты знаешь, Аслан вообще не особо доверял врачам, в последние годы он внезапно ударился в религию и постоянно уповал на волю Аллаха - дескать, если ему угодно, ребёнок и так поправится.

- И что? Проглядели порок?

- На плановом осмотре во время прослушивания сердца выявили шумы. Необходимо было провести эхокардиографию, чтобы выяснить, органические ли они, связанные с пороком сердца, или функциональные. Но... мы так и не собрались. Аслан заверил, что доктор просто гипердиагност, а с малышом на самом деле всё в порядке. Видишь ли, у Аслана тоже был шум в сердце в детстве, но с возрастом всё нормализовалось. Ненавижу себя за то, что пошла тогда у него на поводу и послушалась! - она непроизвольно сжала пальцы в кулаки.

- Когда вы узнали?

- Через четыре года. Только через четыре года! Мне казалось, что мальчик просто слабенький. Он очень плохо набирал вес, быстро утомлялся, не мог бегать и играть со своими сверстниками - сразу начинал задыхаться, учащалось сердцебиение. В общем, однажды я просто схватила его в охапку и потащила на полное обследование... Тогда-то мне и озвучили приговор. С таким диагнозом долго не живут. Максимум - ещё пару лет...

Она нервно щёлкнула замком своей сумки и выудила оттуда пачку сигарет.

- Извини, но мне надо... могу я закурить?

Он молча приспустил стекло с её стороны.

Кетеван торопливо затянулась, закашлялась, отвернулась к окну, чтобы дым не шёл на Белецкого. Он тем временем попытался позвонить домой, жене. Но она почему-то не брала трубку...

- Ну, а дальше начались мои отчаянные попытки вытянуть Мурада из этого кошмара, - продолжила Кетеван.

- Твои попытки? - он взглянул на неё искоса. - А твой драгоценный Аслан тут совсем ни

при чём? Он не принимал в этом участия?

- Я же говорила тебе, - она горько усмехнулась, - он ударился в религию. Говорил, что Мурад и так поправится... "иншАллах". То есть, если Бог даст... Он просто ежедневно молился за здоровье сына и искренне считал, что этого достаточно.

- Бред какой-то, - Белецкий поморщился. - И ты не пыталась его вразумить? Или ты тоже стала соблюдающей мусульманкой?

- Я не меняла веру, - тихо сказала Кетеван. - Но... ты многого не знаешь о нашей с ним жизни. Мне было очень непросто. Он... был против того, чтобы я работала. Ему никогда не нравилась выбранная мною актёрская профессия, о том, чтобы играть на сцене или сниматься в кино после свадьбы, не могло быть и речи. Но он не хотел даже того, чтобы я получила высшее образование по какой-нибудь другой специальности... Он старался контролировать каждый мой шаг. Не выпускал меня одну на улицу. Заставлял повязывать на голову платок, если мы выходили из дома. Запрещал даже просто разговаривать с другими мужчинами...

- Это то, о чём ты так горячо мечтала, Кети? - спросил он с непередаваемым выражением горечи, сожаления и вины, точно сам был в ответе за то, что с ней случилось. - Быть домохозяйкой, подчиняться ревнивому мужу-тирану, носить хиджаб и не иметь ни профессии, ни работы? В этом - твоё счастье? В беспрекословном повиновении любимому, обожаемому Аслану? Где же, чёрт возьми, ваша хваленая грузинская гордость... Как твои родные допустили подобное?

- Я... никогда и никому не жаловалась, - отозвалась Кетеван. - Гордость или глупость, не знаю... Скорее всего, просто банальный стыд. Ведь все они непременно сказали бы: "А ведь мы тебя предупреждали! Мы тебе говорили!" Я долго скрывала от родителей, как мне живётся в Махачкале. Если дело касалось лишь меня, я ещё могла как-то стерпеть. В конце концов, действительно - сама виновата. Я была так слепо влюблена в него, что закрывала глаза на всё остальное. Но... когда встал вопрос о здоровье и жизни нашего ребёнка... я просто не могла больше молчать и скрывать. Мне нужна была поддержка близких. Аслан настолько наплевательски отнёсся к новости о страшном диагнозе, что я готова была его убить.

- А его родственники? Они тебя как-то поддержали?

- Смеёшься?... Им было всё равно. Свекровь окончательно разочаровалась во мне, когда её внук родился таким "задохликом". Она всегда была очень прохладно настроена по отношению к Мураду. В общем, я обратилась к своей семье в Грузии... и они уговорили меня подать на развод, пока ребёнка окончательно не угробили таким равнодушием.

Кетеван слегка поморщилась.

- Это была чуть ли не война. Скандалы, слёзы, угрозы и истерики... К счастью, свекровь была только рада сложившейся ситуации - она и убедила Аслана, в конце концов, отпустить меня с миром. Ведь я в любом случае была его недостойна, по её мнению... А у неё уже была присмотрена другая невеста, и она торопилась как можно скорее устроить сыну новый брак - чтобы, пока не поздно, он мог порадовать её другими, здоровыми и крепкими, внуками... Вообще в Дагестане дети после развода родителей обычно остаются с отцом. Но здесь... никто не хотел взваливать на себя эту ответственность. Кому это надо - возиться с больным ребёнком? Жить в постоянном стрессе, в вечном напряжении и страхе: не дай бог хотя бы лёгкая простуда или температура, слабое сердце не справляется даже с небольшими нагрузками, могут возникнуть осложнения, не говоря уж о...

- Можешь не объяснять, - заметил он вскользь. - После инфаркта врачи больше всего пугали меня именно вирусами... Даже заставили сделать прививку от гриппа.

- В общем, я просто забрала Мурада и уехала домой, в Грузию. Странно - я прожила в Махачкале больше двадцати лет, а "домом" она для меня так никогда и не стала...

Она покачала головой в такт собственным мыслям.

- Ну, а дальше... дальше началась беготня по врачам и больницам Тбилиси, поиск специалистов, консультации, попытки нащупать пути решения проблемы... Все сходились на том, что если сделать пластику аортального клапана - есть шанс выжить. Но это очень сложная, очень рискованная операция именно в нашей, конкретной, ситуации, её могут провести только высококлассные специалисты. Я перелопатила весь интернет и выяснила, что такие операции качественнее всего делают за границей, лучше в Германии или Израиле. В Грузии просто нет клиник подобного уровня и гарантий. Разве что в Москве... но только в какой-нибудь хорошей частной больнице, где будет больше шансов выжить.

- Операция дорогая? - спросил Белецкий.

- Ну, как сказать... не так дорого за спасение жизни ребёнка, - Кетеван усмехнулась. - Всего-то десять тысяч долларов за то, чтобы мой сын был здоров. Но ты не думай, - добавила она торопливо, - деньги у меня есть, я не собиралась просить их у тебя.

- Тогда *что* ты собиралась у меня просить? - поинтересовался он. Ну вот, кажется, они и подобрались к главной цели её визита.

Она выкинула сигарету за окно и опустила глаза.

- Изначально я вообще не хотела тебя впутывать в свои проблемы. Даже мысли такой не было. Мне всего лишь нужен был врач-кардиохирург - и не просто хороший, а самый лучший в Москве. Я не могла рисковать, доверившись специалисту средней руки. В конце концов, мне подсказали координаты одной частной привилегированной клиники...

В этот момент он уже начал догадываться, к чему она клонит.

- Так я и вышла на то закрытое заведение, в котором тебя оперировали год назад, - выдохнула Кетеван, по-прежнему не глядя ему в лицо.

Клиника кардиохирургии, где Белецкому было сделано аортокоронарное шунтирование, трепетно блюла свою репутацию. Попасть туда могли лишь избранные - политики, актёры, певцы и другие знаменитости. Пациентам после операции требовался абсолютный покой, и руководство клиники обеспечивало его в полной мере. Никаких ушлых журналистов, бесконечной череды посетителей и даже просто контактов с любопытными пациентами. Каждому предоставлялась индивидуальная палата, в которую был вхож только медперсонал и близкие родственники - из тех, кого пациент сам пожелает принять.

- Я позвонила туда и попыталась записаться, но... меня даже не выслушали до конца, - с горечью произнесла Кетеван. - Сказали, что у них всё распланировано на год вперёд и вообще мне лучше обратиться в другую клинику, более доступную. О том, что ты тоже оперировался именно там, я узнала совершенно случайно. От Анжелки... Она и вбила себе в голову, что ты непременно обязан составить мне протекцию в эту клинику. У тебя же должны были остаться какие-то связи, контакты со своим врачом...

- Связи и контакты, положим, остались, - медленно проговорил он. - Но... Кети, почему ты прямо не сказала мне, о чём хочешь попросить? К чему были все эти нелепые уловки, легенда о том, что ты приехала "развяться" и посетить встречу выпускников? Зачем все эти, уж прости, тупые попытки соблазнения?!

Она поёжилась, точно ей вдруг стало холодно.

- Анжелка уверяла, что так будет надёжнее. Если честно, поначалу я была категорически против. Хотела просто попросить тебя по-человечески. Обратиться, как к старому другу... но она сказала, что для любимой женщины ты сделаешь не в пример больше, чем для посторонней. Почему-то она вообразила, что у тебя ко мне до сих пор что-то есть, а

твой нынешний брак - ошибка.

- Что-что?

- Признаться, сперва мне и самой так показалось... - она отвела взгляд. - Ну, что у тебя могло быть общего с этой юной наивной девочкой?.. Какая любовь?! Но... стоило нам с тобой немного пообщаться, и я осознала, что заблуждаюсь. Теперь ты смотрел на меня совсем другими глазами. Не так, как раньше... Я поняла, что жена занимает в твоём сердце особое место... её не потеснить.

- И, тем не менее, ты не оставила попыток, - с горечью констатировал он. - Что это было сегодня, Кети? Танец, поцелуй...

- Это... - она несмело посмотрела на него. - Наверное, просто от отчаяния...

- Тебе самой-то не было противно и мерзко? - он, словно не веря до конца в то, что она могла пойти на такое, потрясённо покачал головой. - Ты... так подло и цинично использовала меня, играя на воспоминаниях. Даже теперь, когда дело касается ребёнка. Неужели ты думала, что я смогу отказать?!

Он был невероятно зол на неё и расстроен тем, что услышал. Кетеван боялась взглянуть ему в глаза.

- Ужасно даже не то, что ты совсем не знаешь и не понимаешь меня, Кети, - произнёс он с болью. - Это-то как раз неудивительно и не ново. Ужасно - что и я сам, оказывается, совершенно не знал *тебя*... ты страшный человек.

Кетеван ещё ниже опустила голову.

- Хорошо, допустим - чисто теоретически - я поддался бы твоим чарам, - продолжал Белецкий. - И что - ты действительно согласилась бы переспать со мной, не любя при этом?

- Ради спасения сына согласилась бы, - упрямо и твёрдо ответила она, хотя её губы нервно подрагивали.

- Ты... очень разочаровала меня, - откровенно произнёс Белецкий. - Ладно, в студенчестве ты была совершенно без царя в голове, это не новость. Но мне казалось, давно пора было хоть немного повзреть.

- Ну и пусть разочаровала! - перебила Кетеван, поворачиваясь к нему и сверкая глазами. - Пусть ты меня ненавидишь теперь. Я это вынесу, как-нибудь переживу! Только... только помоги моему ребёнку!

Она заплакала, спрятав лицо в ладонях. Белецкий вздохнул и протянул ей салфетку, не предпринимая попыток успокоить и просто выжидая, когда она выплечется. Кетеван и в самом деле довольно быстро затихла.

- Где сейчас мальчик? - спросил он.

- Здесь, в Москве, - Кетеван шмыгнула носом. - Мы живём у тёти Нателлы...

Она полезла в сумку, достала свой телефон и показала Белецкому фотографию Мурада.

- Вот... это он. Мой малыш...

Ребёнок очень походил на своего отца. Ничегошеньки-то в нём не было от Кети. И это был красивый мальчик, несмотря на болезненную худобу и бледность.

- Сколько ему сейчас лет? Шесть, семь?

- Шесть. Он так мечтает пойти в школу вместе с ровесниками...

- У тебя с собой его документы? Ну, история болезни, и что там ещё... анализы, результаты обследований...

- Конечно, - она кивнула, снова хлопнув носом. - Ну, в смысле, не прямо вот - с собой... Они дома, у тёти Нателлы.

- Тогда давай сделаем так, - он побарабанил пальцами по рулю. - Сейчас ты вернёшься домой, соберёшь и подготовишь все необходимые бумаги. Завтра... - он взглянул на часы, - точнее, уже сегодня утром... я свяжусь с врачами из той клиники и постараюсь договориться насчёт тебя, ну, чтобы вас приняли. Потом перезвоню тебе. Если они скажут приезжать - немедленно соберёшься и приедешь вместе с сыном. Так что будьте наготове.

- Спасибо, Сандро... - прошептала она.

- Пока не за что. Пойми, я ничего не могу обещать и гарантировать.

- Знаешь, - помолчав, спросила вдруг Кетеван, - что я чаще всего вспоминаю о тебе?

- И что же?

- Тот прощальный поцелуй на перроне.

Белецкий в недоумении приподнял брови, ожидая пояснений.

- Даже Аслан так не обмирал и не сходил с ума, когда я его целовала. Наверное... - теперь её было едва слышно, - наверное, никто в жизни никогда не любил меня так, как ты.

Он даже не сразу нашёлся, что ответить.

- Это ты сейчас опять палочкой в рану тычешь? Просто из любопытства, как я отреагирую: заору, истеку кровью или переживу как-нибудь?

Кетеван смутилась.

- Что ты... совсем нет. Я... действительно сожалею, что не слишком-то берегла тебя тогда.

Он никак это не прокомментировал, просто ещё раз взглянул на часы и, спохватившись, завёл машину.

- Ладно, поехали, поздно уже... Я отвезу тебя домой.

1997 год, Москва

Заключительный - четвёртый - курс в Щуке пролетел ещё быстрее, чем предыдущий. Никто и оглянуться не успел.

Белецкий уже второй год снимался в долгоиграющем историческом сериале "Петербургские трущобы", который всё никак не хотели сворачивать, поскольку он пользовался искренней любовью телезрителей. После пилотных десяти серий стало понятно, что народ не готов расставаться с полюбившимися героями, и были быстренько дописаны и отсняты новые эпизоды. А затем - ещё и ещё...

В целом, Белецкому очень нравилось сниматься. Съёмки проходили в северной столице. Ему, как студенту, пошли навстречу и даже подогнали в сценарии график эпизодов специально под героя, которого он играл. Это было очень удобно: можно было почти не пропускать занятия в училище. Каждые выходные он исправно мотался в Питер.

Старшие артисты - матёрые, признанные звёзды - относились к своим юным коллегам очень тепло и всегда были готовы помочь дружеским советом и подбодрить.

Роль была не то, чтобы главная, но запоминающаяся, не проходная. Белецкий становился всё более и более узнаваемым. Теперь и шагу нельзя было ступить без того, чтобы кто-нибудь не завопил в восторге: "Ой, смотрите, корнет Салтыков идёт!" Девушки висли на нём пачками. Страшно сказать, сколько их прошло тогда через его постель: вздумай он подсчитать точное количество - сбился бы со счёта. Взрослые партнёры по съёмочной площадке подшучивали над ним: "Дорвался до сладкого - смотри, пацан, не лопни!"

На самом деле, он не “дорвался”. У него сложилось к этому примерно такое же философское отношение, как к еде и питью, без фанатизма. Испытываешь жажду - нужно напиться. Голоден - необходимо поесть. Хочется секса - следовательно, надо с кем-нибудь переспать, благо, недостатка в желающих не было. Зачем отказываться от того, что само плывёт в руки? Ему же легче, не надо тратить время на эти предварительные шаманские танцы с бубнами - ухаживания и прочую ерунду.

Никто и предположить не мог, что за благополучным, даже сияющим внешним фасадом этого юного красавчика скрывалось сильнейшее эмоциональное опустошение. Он был в отличной физической форме - но невероятно измучен морально, выгорев буквально дотла. До предела. Все его эмоции словно поставили на “стоп”. Он застыл, замер изнутри, перестав испытывать какие-либо чувства. Тепло, привязанность, симпатия, не говоря уж о влюблённости - всё это было не для него. Словно скользило мимо, не задевая даже кожу...

В училище он ограничивался тем, что просто смотрел на Кетеван издали. Ему хватало и этой малости... Они не разговаривали уже очень долго: не ссорились, просто постепенно стали друг другу совершенно чужими. Их по-прежнему ставили вместе, в пару - на танцах и на этюдах; они вдвоём выходили на сцену во время учебных спектаклей... Работали в дуэте они всегда отменно, слаженно, искренне поддерживая друг друга. Но едва их отношения пытались хоть чуть-чуть выдвинуться за рамки профессиональных, взгляд Белецкого моментально потухал. Он замыкался в себе и продолжал своё упорное молчание, которое не могли разбить робкие попытки Кетеван поинтересоваться, как у него дела, какие новости.

“Зазнался, - пошёл шепоток по училищу. - Звёздная болезнь накрыла, мы ему теперь не ровня, рылом не вышли!”

Однажды, опаздывая, он ввалился в аудиторию и обнаружил там одинокую Анжелу. Она сидела в совершенно пустом помещении и рыдала навзрыд.

- Что случилось, Климова? - поинтересовался он участливо. - И где все?

- Занятие отменили, - всхлипнула она.

- А ты чего тут сидишь, не уходишь? Кто тебя обидел?

- Вали отсюда, - сердито отозвалась она, утирая распухший красный нос платком. - Не твоего ума дело... тоже мне, добренький нашёлся. Да тебе на самом деле насрать! Как и всем остальным...

И такой у неё был страшный, отчаявшийся голос, что он вдруг по-настоящему испугался.

- Анжел, что с тобой?

И она, поддавшись его сочувствующему тону и взгляду, вдруг одним махом выложила, что беременна, аборт делать уже поздно, да она и не стала бы, боится, что потом вообще не сможет иметь детей, а будущий счастливый отец послал её куда подальше, потому что он взрослый и уважаемый человек, у него другая семья, официальная, в которую какая-то провинциальная студентка ну никак не вписывается.

- А предохраняться его в семье не научили? - растерянно, не зная, чем тут можно помочь, пробормотал Белецкий в ответ на эту внезапную исповедь.

- Это я виновата... - прорыдала Анжела. - Я сама всё подстроила... Я думала... надеялась, что если “залечу”, он точно разведётся со своей гримзой.

- Дура, - коротко и беззлобно выдохнул он. - И что теперь ты собираешься делать?

- Теперь уж ничего не поделаешь... Мать меня убьёт, она ещё не знает. Никто не знает... Прямо хоть иди - и с моста прыгай... ну куда мне одной, с ребёнком... в Москве я не смогу

остаться... ни карьеры, ни законченного образования... мать-одиночка... у нас в городе все пальцем будут показывать... - она заревела с удвоенной силой.

Решение пришло ему в голову мгновенно. Он даже сам удивился этой простоте и ясности.

- Слушай, Климова... выходи за меня, а?

Анжела от шока даже перестала икать.

- Ты рехнулся?

- А чего? Успокоишь своё семейство, завершишь образование, родишь ребёнка в законном браке...

- Тебе-то это зачем?

- Ты права, по большому счёту - незачем. Но я ничего и не теряю. Просто... сам я едва ли когда-нибудь женюсь, в смысле - по любви, - его губы искривила болезненная усмешка. - А тут... просто дружеская помощь. Тебя это ни к чему не обязывает. Меня тоже. Мы даже спать друг с другом не будем. Распишемся - и всё. Кому какое дело?

- А ребёнок? - она всё ещё не понимала.

- Нет, всё-таки, ты дура, - укоризненно вздохнул он. - Скажем, что он мой. И запишем меня отцом.

Анжела недоверчиво прищурилась.

- Я не пойму, в чём подвох, Белецкий.

- Да нет никакого подвоха. Считаю, что я просто разочаровался в серьёзных отношениях и не верю в институт брака... Ну честно, мне это ничего не будет стоить. А вот тебя, я так понимаю, здорово выручит...

Глаза Климовой заметались.

- А твои родители? Они не будут против?

- Даже если и будут, что с того? - он пожал плечами. - Я, слава богу, не мальчик уже. Деньги сам зарабатываю. И, кстати, я давно искал уважительный повод съехать от них...

В её взгляде зажглось подозрение.

- Ты хочешь отомстить Кети? Чтобы она кусала локти и думала - ах, кого я потеряла?

- Да нет... не хочу я никому мстить, - не слишком уверенно отозвался он. - В общем, моё дело предложить, твоё - согласиться или отказаться. Можешь подумать, я тебя не тороплю.

- Ты такой добрый, - выдохнула она почти с ужасом.

- Совсем нет. - Белецкий покачал головой. - Но иногда и у меня случаются “души прекрасные порывы”...

Он и сам не мог толком сформулировать, какие цели преследовал. Отчасти он делал это из чувства жалости к попавшей в беду однокурснице. Отчасти - действительно назло Кетеван, которая пренебрегла его чувствами. Женитьба представлялась ему разумным и логичным выходом из положения. Этаким благородный жест: разочаровавшийся в любви юный джентльмен спасает честь опозоренной леди.

Он не выяснял специально, но Анжелка иногда вскользь, мимоходом, пробалтывалась, что Аслан по-прежнему находится в Москве. Парню удалось найти здесь работу. Затем - так же, от Анжелки - Белецкий узнал, что работа эта была связана с каким-то нелегальным бизнесом, и родители Аслана, прознав про это, потребовали немедленного возвращения сына домой. Нагулялся мальчик, пожил в столице - и хватит. “Мальчику” к тому моменту уже исполнилось двадцать четыре года...

А вот о чём он знать не мог, даже не догадывался - так это о том, что Кетеван после отъезда любимого устроила истерику и самую настоящую голодовку. В конце концов, не на шутку перепуганные эмоциональным шантажом родители были вынуждены дать добро на этот брак. Грузинская родня надавила авторитетом и численностью, где-то даже немножко пригрозила, и махачкалинская родня приехала в Грузию практически полным составом - знакомиться и официально просить руки Кетеван.

Вот тогда-то, в самом конце четвёртого курса, эта сумасбродка Кетеван и бросила учёбу - без оглядки, без сожалений, чтобы поскорее воссоединиться с Асланом и сыграть свадьбу. Мастер рвал и метал, пытался приструнить её, стыдил, умолял не зарывать свой талант в землю и хотя бы получить диплом, но... куда там! Одуревшая от счастья Кетеван не хотела ничего слышать, не желала больше ни минуты ждать.

Белецкий ничего этого не знал...

Он тогда приехал из Питера домой и отсыпался после двух суток непрерывных съёмок. В училище решил сегодня не ходить, и даже телефонный шнур выдернул из розетки.

В дверь позвонили. Затем ещё и ещё... С трудом поднявшись с постели и волоча своё одеревеневшее тело в сторону прихожей, Белецкий мысленно костерил последними словами визитёра, кем бы он ни был.

За дверью обнаружился какой-то посторонний нахальный мальчишка-подросток.

- Ты Саша? - спросил он бесцеремонно.

- Ну.

Мальчишка протянул ему свёрнутую трубочкой записку.

- Тебе просили передать.

- Кто просил-то? - озадаченно крикнул он ему вслед, но мальчишка уже с гиканьем сверзился по лестнице.

А затем он развернул записку, увидел торопливый знакомый почерк... и почувствовал, что так же, как летел вниз мальчишка-нахалёнок, летит сейчас в бездонную пропасть его несчастное сердце.

“Сандро, не смогла до тебя дозвонится. Я выхожу замуж и уезжаю из Москвы насовсем. Если ты не против, мне хотелось бы увидеть тебя в последний раз...”

Это прощание окончательно лишило его сил и стало многолетним ночным кошмаром. Сном, который возвращался к нему снова и снова...

Он мчался на Казанский вокзал, чтобы успеть попрощаться с той, жизнь без которой казалась невыносимой. Теряя рассудок от отчаяния, летел на собственную казнь - и не мог остановиться. До смерти боялся отпустить её без последнего "прости"...

Детали того дня намертво отпечатались в его памяти: и панический страх опоздать, и характерный запах шпал, пропитанных креозотом, и гудки прибывающих поездов, и безликая равнодушная толпа, толкающая его плечами и локтями, пока он лихорадочным взглядом выискивал на перроне единственное нужное и важное для него в целом мире лицо.

- Кети! - закричал он, заметив у вагона знакомый стройный силуэт и гриву чёрных волос, вольно рассыпавшуюся по спине. Девушка порывисто обернулась и расцвела улыбкой. Глаза у неё были совершенно шальные от счастья. Вот же ирония судьбы: он оставался здесь подышать без неё - а она была дико, возмутительно счастлива...

- Сандро! - воскликнула Кетеван и тут же обвила его гибкими, как лианы, руками,

прижалась изо всех сил. - Господи, как же хорошо, что ты пришёл... Я так ждала! Как я тебе рада! Я бы с ума сошла, если бы не удалось с тобой проститься, честное слово...

- А как же я? - глухо выговорил он, уткнувшись лицом куда-то ей в волосы и вдыхая их тонкий, любимый, ни с чем не сравнимый аромат. - Ты вот так уедешь и... - он что-то жалко мямлил и заикался, не в силах подобрать нужных, ёмких и понятных слов. Ему сейчас просто хотелось схватить её за плечи, потрясти от души, чтобы выбить из головы эту дурь, и заорать на весь вокзал: *"Не смей меня бросать, слышишь?!"*

Она отстранилась, чуть-чуть нахмурилась, тревожным быстрым движением провела ладонью по его щеке...

- Разве ты не хочешь, чтобы у меня всё было хорошо? - тихо спросила она. - Ты что, не рад за меня?

Вопрос был провокационным, и они оба знали это. Как знали и то, что на него возможен один-единственный правильный ответ.

- Я... рад, рад, Кети, - сбивчиво бормотал он, хватая её за руки, уже смиряясь с неизбежным и пытаясь запомнить, навсегда запечатлеть в памяти это тонкое красивое лицо, эти изумлённо распахнутые глаза, словно до сих пор не верящие в реальность происходящего. Одного взгляда на Кетеван было достаточно, чтобы понять - никакая это не блажь. У неё всё по-настоящему, всё всерьёз...

- Ты правда не сердишься? - проверила она, переводя дыхание. Что и говорить, уезжать из Москвы с таким грузом на сердце ей было бы неудобно.

- Я тебя люблю, - выдохнул он безнадежно. - Кети, я тебя люблю и всегда буду любить!

Она потянулась к нему, нашла его губы своими - алыми, влажными, требовательно-бесстыжими, и он задохнулся, едва устояв на подкашивающихся ногах, он чуть не умер на этом самом месте, а она жадно *пила* его, целовала так горячо и отчаянно, словно это был её прощальный подарок напоследок.

- Не плачь, Сандро, - отстранившись и тяжело дыша, она всматривалась в его ошалевшее, потерянное, потрясённое лицо. Он хотел было возразить: "Я не плачу", когда вдруг почувствовал, что щекам стало горячо и мокро. Глаза невыносимо жгло.

- Не плачь, - повторила она, мягкими и плавными движениями узких ладоней стирая влажные дорожки с его лица. - Ну что ты, глупый... Милый мой, славный Сандро... Я тебя никогда не забуду. Слышишь? Никогда!

Тем же вечером позвонила Анжела и сообщила, что согласна выйти за него замуж.

4 июня 2019 года, Москва

В театре у него долго не получалось сосредоточиться на работе.

Утренняя репетиция прошла из рук вон плохо, Антон ругался на чём свет стоит, Настя традиционно истерила в свойственной ей манере, а у Белецкого не было ни сил, ни желания в очередной раз возиться с ней и успокаивать, как раскапризничавшегося ребёнка. Хотя и остальные артисты труппы тоже были заметно взвинчены перед вечерним генеральным прогоном. Фактически, генералка и была самой настоящей премьерой - со зрителями, цветами и аплодисментами. Просто это был закрытый показ по специальным приглашениям: для родственников артистов, коллег и представителей СМИ. Билеты на

сегодняшнее представление нельзя было купить в кассе, вход был строго "для своих".

Впрочем, к вечеру Белецкий заставил себя как-то встряхнуться. На сцене он всегда был собран и напряжён до абсолютного предела возможностей, просто не позволяя себе схалтурить. Зрители не должны были видеть артиста Александра Белецкого с его личными проблемами: перед ними обязан был возникнуть Алексей Каренин собственной персоной...

Окончание спектакля было встречено бурными овациями. Артистов не хотели отпускать за кулисы, снова и снова вызывая на поклон. Белецкий и его партнёрша Настя Райская, держась за руки, раз за разом подходили к краю сцены, благодарно улыбаясь, кланялись и принимали бесконечные букеты цветов. Многолетний опыт работы в театре подсказывал Белецкому, что это - однозначный, ошеломительный успех, и уже к завтрашней официальной премьере в прессе появятся восторженные отзывы на спектакль. Однако он не мог порадоваться этому обстоятельству всем сердцем, всей душой, без остатка. Ещё сутки назад Белецкий и помыслить не мог, что генеральная репетиция пройдёт без Галинкиного присутствия. Она должна была сидеть в третьем ряду, на девятом месте, и он бессознательно всё возвращался и возвращался туда взглядом, точно надеялся рассмотреть среди физиономий зрителей счастливое и гордое лицо жены.

- Я молодец? - негромко спросила Настя, не шевеля губами. Всё-таки, это был её театральный дебют, и она ужасно трусила. Белецкий ободряюще подмигнул актрисе, дружески поцеловал в щёку, а затем снова подвёл Настю к самому краю сцены и высоко поднял её руку, точно представляя зрителям свою партнёршу и давая им возможность одарить её щедрыми персональными овациями. Она действительно старалась сегодня... Он улыбался, но глаза при этом оставались бесстрастными, а сердце и вовсе словно заледенело.

Затем он долго сидел у себя в гримёрке, бессознательно кусая губы, погружённый в невесёлые размышления. Куда ему теперь было торопиться? Домой, где его никто не ждёт?..

Четыре дня. Осталось как-то перетерпеть, сжав зубы, ещё четыре дня. Завтра, пятого июня - официальная премьера. Шестого - выступление на Красной площади: со стихами под оркестр, в честь юбилея Пушкина. Это было мероприятие, организованное правительством Москвы, поэтому отказать, увы, не представлялось возможным... Да и имя его уже засветилось на всех афишах, рекламирующих сие культурное событие, на кону стояли чувства тысяч и тысяч зрителей - и тех, кто придёт посмотреть и послушать его вживую, и тех, кто ждёт трансляции по телевизору... В пятницу и субботу - два последних спектакля в сезоне, и можно будет, наконец-то, лететь в Крым. Мыслями и душой он был там с того самого момента, когда узнал об отъезде жены. Пытался представить, чем она занимается... о чём думает... всё ещё плачет или, быть может, хоть немного успокоилась...

А ещё... Белецкий не признавался в этом даже себе самому, но подсознательно продолжал верить, что Галинка одумается и вернётся - прежде, чем он сам сможет вырваться. Невыносимо было представить, как он проживёт без неё пусть даже несколько дней. Ему физически недоставало жены, словно у него оторвали без наркоза руку или ногу и сказали - живи.

Белецкий остро, как никогда, ощущал собственное одиночество - даже находясь в толпе, среди коллег и партнёров по сцене. Смешно, ещё недавно он и помыслить не мог, что будет так сходиться с ума. Он, взрослый сорокатрёхлетний мужик!.. Ему казалось, что период мучительных переживаний и любовных, как говорила его дочь, "страдашек" навсегда остался в далёкой, безвозвратно ушедшей юности. Даже несколько лет назад, когда он поехал за

Галинкой в Крым, чтобы признаться, наконец, в своих чувствах, его не трясло и не лихорадило так, как сейчас. Тогда он был практически на сто процентов уверен в том, что она не оттолкнёт его, не откажет... Сейчас же Белецкий вдруг отчётливо понял пребанальнейшую истину: как хрупки, оказывается, человеческие отношения! Они готовы разлететься вдребезги от одного неосторожного слова или взгляда, от случайной фотографии или статьи в интернете...

"Вы, артисты, вообще все нервные. Дёрганые истерики", - вспомнил он слова жены, сказанные ею как-то в сердцах, когда она корила его за легкомысленное отношение к собственному здоровью и просила побереечь себя. Он и не догадывался тогда, что однажды Галинка сама вынудит его в буквальном смысле дёргаться и истерить, как подростка. Ну вот какого чёрта она уехала? Как она смела уехать?!

В прошлом году телеканал "Культура" приглашал его на передачу, посвящённую Юрию Левитанскому. Белецкий очень любил творчество этого поэта и мог бесконечно читать его стихи. Для эфира в тот день он записал два стихотворения - "Ялтинский домик" об обожаемом Чехове ("*Вежливый доктор в старинном пенсне и с бородкой, вежливый доктор с улыбкой застенчиво-кроткой, как мне ни странно и как ни печально, увы, - старый мой доктор, я старше сегодня, чем вы...*") и "Молитву о возвращении". Многие особо чувствительные дамочки, присутствующие на съёмках в качестве зрителей, не смогли сдержать слёз. Но только сейчас он, наконец, полностью осознал и прочувствовал весь смысл этих строк, таких простых и одновременно таких пронзительных, бьющих прямо в сердце.

*Семимиллионный город не станет меньше,
если один человек из него уехал.
Но вот один человек из него уехал,
и город огромный вымер и опустел.*

*И вот я иду по этой пустой пустыне,
куда я иду, зачем я иду, не знаю,
который уж день вокруг никого не вижу,
и только песок скрипит на моих зубах.*

*Прости, о семимиллионный великий город,
о семь миллионов добрых моих сограждан,
но я не могу без этого человека,
и мне никого не надо, кроме него.*

*Любимая, мой ребёнок, моя невеста,
мой праздник, моё мученье, мой грешный ангел,
молю тебя, как о милости, - возвращайся.
Я больше ни дня не вынесу без тебя!..*

Именно сейчас ему настойчиво лезли в голову эти строки. Звучали в голове, как заевшая пластинка. И в очередной он поразился тому, какой болью внутри отзывается то, что переживаешь сам, с кровью и слезами, а не просто отстранённо декламируешь на публику.

*...И вот я стою один посреди пустыни,
стотысячный раз повторяя, как заклинанье,
то имя, которое сам я тебе придумал,
единственное, известное только мне.*

*Дитя моё, моя мука, моё спасенье,
мой вымысел, наважденье, фата-моргана,
синичка в бездонном небе моей пустыни,
молю тебя, как о милости, - возвратись!*

*(О господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
о господи, сделай так, чтоб она вернулась,
ну что тебе стоит, господи, сделать так!)*...

- О господи, сделай так, чтоб она вернулась, - пробормотал он почти бессознательно, не отдавая себе отчёта, - ну что тебе стоит, господи, сделать так...

И в этот миг в дверь гримёрной нетерпеливо забарабанили.

Белецкий, разумеется, не поверил в то, что это Галинка, ни на секунду. Это было слишком невероятно и слишком хорошо для того, чтобы обернуться реальностью. И всё-таки сердце взмыло ввысь вместе с моментально вспыхнувшей надеждой, а потом так же резко упало... "Разлука - вот такая штука: не ожидая ничего, мы вздрагиваем не от стука, а от надежды на него", вспомнились ему строки Окуджавы.

- Войдите, - откликнулся он, помедлив, чтобы справиться с дыханием. Не хотелось никого видеть, но отвертеться от общения всё равно не получится, раз уж пришли. Только бы не журналисты, пожалуйста, он совершенно не готов был общаться с представителями СМИ.

Дверь распахнулась, и в гримёрку, топя, как гиппопотамиха, ввалилась Хана Вайнштейн.

- Сашка! - заорала она в свойственном ей стиле - так, что со стен чуть не попадали висевшие там афиши. - Красавчик мой, дай-ка я тебя расцелую!!!

- Ханочка Львовна! - светлея лицом, откликнулся он с искренней улыбкой и вскочил, чтобы принять старуху в свои объятия. - Спасибо, что пришли...

Та стиснула артиста так, что у него все рёбра затрещали, и звучно и смачно расцеловала его в щёки.

Хана Львовна Вайнштейн была театральной легендой, великим гримёром. Через её руки прошло несколько поколений замечательных талантливых артистов - и заслуженных, и народных, но Белецкий был её безоговорочным любимчиком с самого первого дня своего появления в этом театре. Он тоже относился к ней трепетно и нежно, практически как к матери (или даже бабушке), всегда оставляя ей после каждого спектакля самый красивый из подаренных ему букетов - в знак благодарности и искреннего расположения.

Хана Львовна проработала здесь аж до своего шестидесятипятилетнего юбилея. Потом всё-таки пришлось уйти - руки стали не те, да и глаза тоже... Вот уже десять лет гримёрша отдыхала на пенсии, но слабость к театру и своим бывшим подопечным сохранила до сих пор. Артисты были ей всё равно, что дети, да и театр, который она любила всей душой,

навсегда остался родным домом. Даже ещё роднее...

Руки у неё были золотые: Хана Львовна, понятия не имея о новомодном пластическом гриме, могла с помощью одной лишь гримёрной кисти превратить старуху в юную девушку - и наоборот; могла сделать из нищего - принца, а из красавца - чудовище. И, при всём этом, характер у гримёрши был не из лёгких. Она была циничной и пошлой особой, с весьма специфическим чувством юмора, поэтому далеко не у всех артистов, служивших в театре, складывались с ней тёплые отношения. Многие банально опасались попасть на её острый ядовитый язычок. Хана Львовна всегда рубила правду-матку сплеча и не боялась никого - даже самого главрежа, а вот тот малодушно побаивался гримёршу и, завидев издали её тучную фигуру, тут же старался скрыться, бурча себе под нос: "Старая ведьма..."

- Поздравляю с новой ролью, засранец! - продолжая душить Белецкого в объятиях, воскликнула Хана Львовна. - Ты был пр-р-росто великолепен, сукин ты сын! На месте этой потаскушки Анны я бы держалась за такого мужа руками и ногами, а не прыгала в койку к заморышу Вронскому...

- Какой у вас... непопулярный взгляд на классическую литературу, - улыбнулся он.

- Не более непопулярный, чем у вашего нового постановщика... Как его - Антон, что ли? - припомнила она, имея я виду Крапивина. - Дерзкий мальчик. С воображением, наглостью и очевидными задатками гениальности. Но вот актрису на роль Анны выбрал - просто курам на смех.

- А что не так с Настей? - без особого интереса спросил Белецкий. - По-моему, с ролью она справилась вполне...

- Да типаж, типаж у неё не тот! - всплеснула полными руками гримёрша. - Сиськи, жопа, губищи... это какая-то кухарка, а не Каренина! Ну, или не кухарка, - смягчилась она, - а гувернантка, с которой кобель Стива Облонский изменил своей глупой овечке Долли.

- Вы, как всегда, категоричны, - усмехнулся Белецкий, прекрасно зная, что за эту-то категоричность и откровенность больше всего и ценит Хану Львовну. - И всё-таки я ужасно рад вас видеть.

- А где твоя птичка-жена? - полюбопытствовала гримёрша. - Что-то я не заметила её в зале. Хотела поздороваться да перемыть тебе косточки - между нами, девочками...

Галинка нравилась Хане Львовне, в отличие от большинства предыдущих женщин Белецкого, которых она имела удовольствие лицезреть. Она относилась к девушке почти с материнской нежностью и уверяла, что именно с такой женой Белецкий возьмётся, наконец, за ум и перестанет трахать всё, что движется.

Застигнутый врасплох, он отвёл глаза.

- Она не смогла прийти.

Хана Львовна вперила в него испытывающий, как у прокурора, взгляд.

- Ну-ка, посмотри на меня... Я тебя сейчас убью. Добл*довался?!

- Ё-моё, Хана Львовна... и вы туда же! - вскричал он в досаде. - Да не было ничего, понимаете - не было!

- А чего ж ты верещишь, как раненый заяц, если ничего не было?

- Просто вышло... недоразумение.

- Недоразумение? - Хана Львовна саркастически изогнула мохнатую седую бровь. - То есть, какая-то посторонняя сучка просто проходила мимо, поскользнулась и случайно упала тебе на член?

- О господи, - застонал он. - Почему я должен вот это вот всё выслушивать?!

- Может быть, потому, что я тебя слишком хорошо знаю? - предположила она. - Слава - она такая, впереди человека бежит... А слава неисправимого ловеласа ещё долго будет тебе аукаться, вот помани моё слово, даже если ты завяжешь на бантик и добровольно сдашься в монастырь... Ох, Сашок, говорила я - погубят тебя бабы!

- Да сказано же вам, - разозлился он, - "бабы" тут действительно ни при чём. Всего лишь недопонимание...

- То есть, - скептически осведомила Хана Львовна, - ты у нас невинный барашек, а "ваша Галя балувана"? Что хоть стряслось-то, герой? Как жестоко тебя покарала - отлучили от секса на месяц? Или жена перестала готовить борщи и стирать твои рубашки с носками?

- Хуже, - отозвался он без тени иронии: ему было не до шуток. - Она просто собрала чемодан и уехала к матери в Крым.

- Однако... - Хана Львовна покачала головой. - И ты по-прежнему уверяешь, что ни в чём виноват?

- Я виноват, конечно. Но не в том, в чём она меня подозревает, - Белецкий запустил руку в волосы, взлохматил их и с досадой поморщился. - Чёрт, это сложно объяснить! Я просто не знаю, что мне сейчас делать, как быть. Как заставить её выслушать и понять...

- Элементарно, Ватсон! - фыркнула Хана Львовна и принялась поочередно загибать пальцы на руке:

- Значит, так... надо сделать девочке красиво! Поэтому сначала ты срываешь завтрашнюю премьеру к чертям собачьим, угоняешь самолёт и мчишь на всех парах в Ялту. Там лихо пролетаешь над городом с огромным баннером: "Галя, вернись, прости дурака!" Всё сразу нормализуется, я тебя уверяю, она не сможет устоять и растает. Для закрепления достигнутого эффекта можно осыпать жёнушку бриллиантами... желательно прямо из самолёта... и подарить ей какой-нибудь тропический остров в океане. Хотя нет, лучше купи ей Крым, это она больше оценит. И тогда при вечном вопросе "чей Крым?" можно будет смело отвечать: "Галькин!"

Он покачал головой, не зная, плакать ему или смеяться.

- Вас убить мало за такие советы.

- А что? - она хрипло хохотнула. - В любовных романах именно так всё и происходит... и не делай круглые глаза, я теперь только такие и читаю. Когда это ещё делать, как не на восьмом десятке?!

Он невесело улыбнулся. Гримёрша ободряюще потрепала его по плечу.

- Да не дрейфь, Сашок, всё нормализуется. Я верю в это! Галя твоя - вроде не дура. Ну, обиделась, ну, психанула... с кем не бывает. Отойдёт. Ну и ты, конечно, уж постарайся её умаслить... в переносном смысле! - добавила она ехидно.

- Похоже, чтение любовных романов не пошло вам на пользу, - усмехнулся Белецкий.

- Ах ты, охальник! - беззлобно рассмеялась она. - Я ничего такого не имела в виду, - и, внезапно посерьёзнев, добавила:

- Если любит - поверит и вернётся. Только уж и ты, красавец мой, имей в виду: второго шанса после этого тебе точно не дадут. В следующий раз, если ты будешь куда попало совать свой... хм, пардон, я хотела сказать - подобного она тебе не простит уже никогда. Даже если это опять будет всего лишь "недопонимание". Так что помни, дружок... и постарайся снова не просрать своё счастье.

То, что их брак - ошибка, стало понятно чуть ли не в загсе. Но отступить было поздно, стыдно, да и некуда. Все были уверены, что Белецкий - отец будущего Анжелкиного малыша. Мама, конечно, поначалу встала на дыбы: "Ну хорошо, запишем ребёнка на твоё имя, будешь платить алименты, но зачем сразу жениться-то? Зачем из-за глупой ошибки связывать себя по рукам и ногам в столь юном возрасте?" Однако иногда Белецкий умел категорически настоять на своём. Он не мог подвести Климову, которая ему поверила, не мог нарушить данного ей обещания...

Сразу же после получения диплома они сняли жильё, и Анжела переехала туда с вещами. Жили они, разумеется, в разных комнатах, но всё равно поначалу всё это выглядело странно и нелепо, точно какая-то игра. Он словно участвовал в спектакле, исполняя роль мужа своей партнёрши по сцене. Нужно было привыкать приходить не домой, а на съёмную квартиру, где его встречала Климова - непривычная, домашняя, в халате и тапочках. И даже новенькое обручальное кольцо казалось всего лишь частью изображаемого образа. Да, собственно, так оно и было...

Впрочем, кольцо он вскоре носить перестал - оно мешало на съёмках. Постоянно снимать и надевать его было рискованно. В конце концов, чтобы кольцо не потерялось, Белецкий просто положил его в шкатулку с немногочисленными Анжелкиными побрякушками, да так и оставил там навсегда.

Он теперь уезжал на съёмки в Питер с ещё большим рвением, чем прежде - боялся признаться в этом даже самому себе, но ему неудобно было находиться в одном помещении с Климовой, ловить на себе её тяжёлый взгляд, словно она всё ещё не могла до конца поверить в то, что однокурсник женился на ней из искреннего желания помочь, а не преследуя какие-то тайные непонятные цели.

А вот чего Белецкий совсем не учёл - так это того, что его женатый статус отныне будет отпугивать девушек. Нет, конечно, до сих пор находились охотницы прыгнуть к нему в постель, невзирая на наличие законной супруги, а кого-то это наоборот даже заводило, но теперь он и сам не мог продолжать вести прежнюю разгульную жизнь. Нужно было играть роль семьянина хотя бы на публику, не "изменять" так откровенно и бессовестно сразу же после свадьбы.

Однажды ему принесли телеграмму - прямо на съёмочную площадку. Он несколько раз перечитал коротенький текст, прежде чем сообразил, что это именно его, а не кого-то другого, поздравляют с рождением дочери.

Так в его жизни появилась Дашка...

Теперь дома его ждала Климова, ещё более чужая и незнакомая, чем раньше. Волосы её были растрёпаны, лицо помято, а халат заляпан молоком. Также новым и странным было то, что ребёнок плакал и кричал. Белецкий совершенно терялся поначалу от этих непривычных звуков, не зная, как реагировать.

Он не расспрашивал Анжелу о подробностях её неудачного романа с женатым, и она сама тоже не горела желанием делиться. Он смутно припоминал тот эпизод возле общаги, когда Климову подвёз на машине какой-то мужчина. Но, судя по тому, что после рождения Дашки настоящий папаша никак себя не проявил, ни бывшая любовница, ни ребёнок не интересовали его вовсе.

В первые дни Белецкий не особо контактировал с младенцем, предоставляя Анжеле

право самой с ним возиться. Но однажды, проходя мимо, просто заглянул из любопытства в кроватку.

Девочка не спала. Она лежала и таращилась на него своими тёмно-голубыми глазами. Белецкий растерялся. Он не подозревал, что такие крошечные дети могут смотреть столь разумно и серьёзно.

- Ну, привет, - сказал он осторожно. Уголок рта малышки дрогнул в неосознанной улыбке, и он немедленно улыбнулся в ответ - просто не смог удержаться. Дашка начала размахивать ручками, и Белецкий осторожно достал её из кроватки, тихонько прижал к себе, вдыхая запах молока, детской присыпки и чего-то невероятно нежного и сладкого.

- И кто это у нас тут папе радуется? - спросил он весело, когда понял, что ребёнок не собирается орать или истерить - наоборот, вполне комфортно чувствует себя в его обществе. Девочке, похоже, нравился сам звук его голоса, и она послушно и доверчиво замерла на его руках.

Анжелка взглянула на Белецкого косо, с явным неодобрением.

- Ты не особо-то в роль вживайся, "папа", - хмуро буркнула она. - Расслабься, никто не требует от тебя подобных подвигов.

- Я совершенно не против, если она будет звать меня папой, когда подрастёт, - возразил он. - Даже, в некотором роде, почту за честь. Тем более, что по документам это и моя дочь тоже. Дарья Александровна Белецкая....

Климова вдруг разъярилась, как бешеная тигрица:

- Положи ребёнка в кроватку! Приучишь к рукам, добрый ты наш, а мне потом что - сдохнуть, если она всё время будет на ручки проситься?!

Белецкий не стал спорить и осторожно опустил девочку обратно. Дашка тут же свела светленькие бровки горестным домиком, нижняя губка трогательно затряслась - и малышка расплакалась. Резануло по сердцу - неожиданно, больно... Оказывается, он совершенно не мог выносить детский плач. Он готов был сделать всё, что угодно, лишь бы Дашка успокоилась.

Теперь он просыпался ночами, заслышав, как плачет девочка в соседней комнате. Лежал и прислушивался к доносившимся оттуда звукам - вот Анжелка встаёт, пытается успокоить или укачать малышку, вот напевает какую-то незатейливую колыбельную... и засыпал он только после того, как и там наступала блаженная тишина. А наступала она далеко не сразу. Пришлось пережить все прелести ночной жизни с младенцем - "колики-газики-зубки". Иной раз он слышал, как уложив ребёнка, Анжелка сама тихонько всхлипывает в подушку о чём-то своём, личном, невысказанном, и мучился от того, что ничем не может ей помочь.

Однажды Дашка долго не могла успокоиться. Она плакала и плакала, буквально заходила от крика. Белецкий не выдержал, вскочил с кровати и пошёл разбираться, в чём дело, хотя Климова не особо любила, когда он вторгался на её территорию.

Анжела спала. Свернувшись клубочком на кровати, прямо поверх одеяла - дрыхла без задних ног, как вконец измученный и обессиленный человек, и совершенно не реагировала на рыдания дочери.

Он осторожно потряс жену за плечо.

- Анжел... Дашка плачет. Наверное, голодная?

Климова приоткрыла глаза и выдохнула:

- Боже, у меня совсем нет сил... я так устала... Сашка, может покормишь её сам, а? На кухне есть и смесь, и бутылочка.

- А как кормить? - растерялся он.

- Там на упаковке всё подробно расписано... инструкция... - невнятно пробормотала она, снова моментально уплывая в сон.

Он справился. И накормил Дашку, и даже вымыл и переодел её потом, потому что обнаружил, что её ползунки и распашонка насквозь мокрые. Может быть, у него получилось не так ловко и не так быстро, как у Анжелки, но во всяком случае, сытая и сухая девочка, положенная в кроватку, вырубилась моментально.

Вот так постепенно он и становился Дашке настоящим отцом. Если поначалу это была просто выдуманная роль, которую он покорно играл, то мало-помалу Белецкий и сам привязался к девочке, полюбил её, искренне считая своей дочерью. О том, что по крови они с ней чужие, не был в курсе никто, даже его мать - она не приняла бы неродную внучку. Тем более, к невестке она по-прежнему не испытывала ни малейшей симпатии, а брак сына стоял у неё костью в горле.

Когда у Белецкого выпадали выходные, он брал коляску, бутылочку и уходил с Дашкой гулять.

- Надо дать маме отдохнуть, - серьёзно объяснял он малышке, будто она могла его понять.

С Дашкой они спелись просто идеально. Это действительно были отношения отца и дочери, не напоказ и не из чувства долга, а от самого сердца.

К слову, ушные папарацци умудрялись иногда заснять его на прогулках с коляской, и в СМИ потом появлялись умильные статьи о том, какой замечательный отец и примерный муж - молодой артист Саша Белецкий. Знали бы они всю подноготную их странного союза с бывшей однокурсницей...

Что касается Анжелки, то ближе и понятнее ему она так и не стала. Они жили просто как соседи по коммунальной квартире. Он иногда ходил в магазин за продуктами, она иногда готовила еду, иногда они даже вместе обедали, завтракали или ужинали - это был максимум из всех возможных вариантов развития их отношений. Она никогда не интересовалась его делами или съёмками, он никогда не спрашивал, как она провела день, чем занималась. Его этот формат общения вполне устраивал, но потом Анжела внезапно решила всё переиграть...

Однажды ночью Белецкий проснулся от того, что ощутил рядом с собой в постели чужое горячее тело.

- Климова, ты чего? - ошарашенно пробормотал он, инстинктивно отшатнувшись к стене.

- Ничего... заткнись, - ответила она полушёпотом и завозилась, стаскивая с себя ночную рубашку. - Жалко тебе, что ли? Всего лишь дружеский секс.

- Дружеский что???

- Тш-ш, да тихо ты! Дашку разбудишь...

- Но я...

А она уже прижалась к нему - обнажённая, раскалённая как печка, возбуждённая до предела, положила его руку себе на грудь и прерывисто выдохнула. Он никогда не испытывал страсти или даже элементарной мужской симпатии к бывшей однокурснице, ни в

училище, ни сейчас. Да он, признаться, даже никогда и не думал о ней в подобном ключе. Но... было темно, он практически не различал в этой тьме её лица, а ещё... у него так давно никого не было, наверное, около полугода. Его просто скрутило от мучительного желания, и он стиснул зубы, чтобы не застонать ненароком.

Анжела по-хозяйски запустила руку ему в трусы и довольно хмыкнула - то, что она там обнаружила, её совершенно устраивало.

- Ну вот, а ещё ломался, как институтка. Дружеский секс его, видите ли, смущает... И бесцеремонно уселась на него сверху.

4 июня 2019 года, Москва

Неожиданные визиты этого вечера ещё не закончились.

Едва Хана Львовна, распрощавшись с Белецким, убежала приветствовать остальных своих театральных “деточек”, в гримёрке нарисовалась Дашка. Сияющая, нарядная, с букетом.

- Сюрприз-и-из!.. - торжественно завопила она, наслаждаясь произведённым эффектом.

- А ты что тут делаешь? - удивлённо и обрадованно спросил Белецкий. - Вы же, вроде бы, с Женькой завтра прийти собирались...

Женей звали дочкиного жениха. Не какого-то легкомысленного “бойфренда”, а именно жениха - они планировали сыграть свадьбу сразу после получения Дашкой диплома. Она заканчивала третий курс актёрского факультета ВГИКа.

- А с Женькой мы ещё и завтра придём, на официальную премьеру! - повиснув у него на шее, объявила дочь. - Мне просто очень хотелось увидеть твой спектакль самой первой, понимаешь?.. Тем более, меня тут все знают, - добавила она беззаботно, - просочиться даже на закрытый показ не проблема, меня тётя Нина устроила на складном стульчике у стены. Пап, ты просто охренеть как крут! Горжусь тобой! - она звонко чмокнула его в щёку.

- Ты же не любишь театр, это замшелость, вчерашний день и скукотища, - улыбнулся он, осторожно отодвигая с её лба длинную светлую чёлку, которая мешала посмотреть Дашке в глаза.

- Ну блин, ты теперь всю жизнь будешь мне припоминать эти слова? - расхохоталась она. - Да, я больше люблю кино, но что с того? Это не отменяет факта, что ты у меня чёртовски талантлив и красив!

- Ты у меня тоже умница и красавица, - вернул он комплимент. Соскучился по Дашке, нечасто у них получалось видеться в последние несколько месяцев...

- А где Галя? - задала Дашка резонный вопрос. И в самом деле, где ещё ей быть после генеральной репетиции, как не рядом с мужем...

- Галя... - Белецкий вздохнул и отвернулся. - Она улетела в Крым.

Чёрт, как же больно было всякий раз заново объяснять это новым людям... И ведь не отмолчишься же. Не скроешь...

- Не поняла? - Дашка приподняла брови. - В каком смысле “улетела”? Вы поссорились?

- Вроде того. Не спрашивай, если можно. Я пока и сам не знаю, что тебе сказать.

К счастью, Дашка, когда надо, могла быть тактичным и понимающим человеком.

- Папулик, - протянула она жалостливо и снова крепко обняла его. - Ну, не расстраивайся ты так. Не переживай. Всё наладится... вот увидишь!

- Стараюсь верить, - вздохнул он. - Пока что она со мной даже разговаривать не хочет.

Дашка закусила губу, с тревогой вглядываясь в его потерянное лицо. Белецкий всегда был ей ближе, понятнее и роднее, чем мать, с самого детства. Поэтому сейчас у неё тоже невольно защемило сердечко от сочувствия к нему.

- Она к тебе обязательно вернётся, - ободряюще прошептала дочь, уткнувшись носом ему в шею. - Ну, если хочешь, я сама ей позвоню и поговорю?

- Не надо, но спасибо за трогательный порыв помочь, - улыбнулся он. - Надеюсь, я к ней сам скоро поеду. Вот уж не думал... не думал, что ты будешь беспокоиться о наших с ней отношениях.

- А почему нет? - неподдельно удивилась Дашка. - Галя твоя мне в целом очень даже нравится. Нормальная девчонка. У нас и разница в возрасте всего-то ничего, мы вполне могли бы стать подружками, я совершенно не против. Просто, мне кажется, она подсознательно старается держаться от меня подальше, точно ожидает какого-нибудь подвоха. Из-за мамы. Ну, ты же знаешь маму, - она выразительно закатила глаза. - Боюсь, Галя думает, что мы с матерью - одного поля ягоды.

Обычно Белецкий не критиковал Анжелу в присутствии дочери, пытаясь сохранить её родительский авторитет, но тут просто не смог удержаться от замечания:

- Боже мой, какое счастье, что это не так... Вы с ней абсолютно разные.

- Я в курсе, - кивнула Дашка. - Я, безусловно, папина дочка. Твоя!

Слышать это было неизменно приятно. И хотя Дашка знала, что Белецкий ей не родной отец, эти слова она всегда произносила совершенно искренне, от чистого сердца.

В дверь гримёрки снова постучали. На этот раз явился Антон Крапивин собственной персоной.

- Хорошо, что ты ещё не уехал... - выдохнул режиссёр. - О, Дашенька, здравствуй. Когда ты там учёбу заканчиваешь? У нас в театре страсть как не хватает молодых красивых актрис.

- Не дождётесь! - Дашка показала ему язык. - Чтобы я гробила лучшие годы своей жизни на ваш старушатник?

Это была их традиционная шутовская перепалка.

- И ты по мою душу? - усмехнулся Белецкий, обращаясь к Антону. - Что, хочешь провести работу над ошибками?

- Да какая работа над ошибками, смеёшься, что ли? Разбор полётов будет завтра, а сейчас все и так устали, как кони... Нет, я по другому поводу, - Антон несколько смущённо почесал затылок. - Ты... интернет открывал сегодня?

Белецкий напрягся, сразу подозревая самое худшее.

- Честное слово, меня скоро начнёт трясти от этого вопроса. Что на этот раз? В каких смертных грехах меня нынче обвиняют?

Дашка испуганно притихла.

- Ты, случайно, не был на встрече однокурсников Щукинского на днях? - осторожно прощупывая почву, спросил режиссёр. Белецкий кивнул.

- Случайно, был. И не на днях, а буквально вчера.

Чёрт бы побрал это проклятое "вчера"...

- Быстро же пошла реакция, - и Антон сунул ему телефон с открытой статьёй. - В "Звёздном экспрессе" утром дали материал, остальные сайты тут же подхватили и перепечатали.

Больше всего Белецкий боялся, что в СМИ просочится что-нибудь, связанное с их с Кети

поцелуем. Тогда, действительно, вовеки будет не отмыться от всей этой грязи...

Реальность оказалась куда более прозаичной, хоть и всё равно мерзотненькой.

Некий бывший однокурсник, скромно пожелавший остаться неизвестным, делился впечатлениями от встречи и крыл Белецкого на чём свет стоит. “Он из всех нас - наименее талантливый”, “пробивался всегда за счёт смазливой внешности”, “ничего из себя не представляет как артист”, “зашкаливающее самомнение, самовлюблённость и высокомерие”, “любимчик Мастера, чем бессовестно пользовался, с трудом переползая с курса на курс” - вот только малая часть тезисов, которыми была под завязку набита эта статья. Уязвлённое самолюбие и неприкрытая зависть так и хлестали из текста.

- Нехило ты там кому-то по мозолям потоптался своим присутствием, - покачал головой Антон, когда Белецкий молча вернул ему телефон. - Бомбануло так бомбануло... Сразу видно, талантливый и успешный человек писал, - он язвительно хмыкнул. - Какой мощный высер!

- Что там, пап? - пискнула Дашка, но он только успокаивающе махнул рукой:

- Даже и обсуждать не стоит.

Белецкий действительно не собирался переживать по этому ничтожному поводу. Единственное, что было неприятно - так это то, что бывший однокурсник сохранил в тайне своё имя. Подозрение волей-неволей падало на всех - анонимом мог оказаться и Генка Огурцов, и даже Жорка Иванов... все те, кто ещё вчера братались с ним и клялись в том, что студенческая дружба не ржавеет.

- Да ведь сразу ясно, что такие встречи никогда не заканчиваются ничем хорошим. Обязательно будут сравнивать свои и чужие успехи и брызгать желчью... На хера ты вообще туда пошёл?! - с досадой воскликнул Крапивин.

- Веришь, нет... - вздохнул Белецкий, - со вчерашнего дня сам бесконечно задаю себе этот вопрос.

Из театра они вышли втроём.

- Извини, - сказал Дашке Белецкий, приобняв её за плечи, - я сегодня безлошадный, так что не смогу отвезти тебя домой.

- Да какие проблемы, господи, - она пожалала плечами. - Я девочка большая, на такси спокойно доберусь, даже не волнуйся. Ну, или Женьке сейчас звякну, он за мной заедет, если у него нет срочной работы...

Жених дочери был программистом, работал не в офисе, а из дома, и преимущественно ночами.

При их появлении со скамейки возле служебного входа поднялась одинокая женская фигура. Белецкий подумал было, что это какая-нибудь заждавшаяся поклонница (у остальных, видимо, не хватило терпения торчать здесь до победного конца), но тут свет фонаря упал ей на лицо, и он понял, что это Кетеван. Кетеван, которая, должно быть, весь день провела как на иголках, ожидая его звонка.

- Я... пыталась тебе дозвониться, Сандро, - сказала она негромко. - Но у тебя что-то с телефоном... Он всё время недоступен.

Дашка и Антон с любопытством уставились на незнакомку. Белецкий полез в карман, достал трубку и убедился в том, что мобильник попросту разряжен.

- Прости меня, Кети, - произнёс он в сильнейшем раскаянии. - Я так замотался сегодня, совсем вылетело из головы, что должен был тебе перезвонить...

Дочь и режиссёр деликатно отошли в сторону на несколько шагов, чтобы дать им возможность поговорить.

Плечи Кетеван безвольно опустились, но Белецкий торопливо заверил:

- Нет-нет, всё в порядке! Я имею в виду, по твоей проблеме... Вас ждут в клинике шестого, то есть послезавтра. Подъезжайте с сыном к десяти утра, со всеми документами. Скорее всего, сразу и госпитализируют, чего тянуть. Пока обследуют, пока суд да дело...

- Послезавтра? - переспросила она почти шёпотом, словно не верила в то, что их так легко согласились принять. Он по-своему истолковал её тон и виновато развёл руками:

- Извини, но раньше никак не получится. Мой врач сейчас в командировке в Риге.

- Да это неважно, неважно... - горло её перехватило спазмом. - Ты уверен, что нас будут там ждать? То есть... они действительно *согласились*?

- Уверен, - подтвердил он, виновато улыбнувшись. - Прости ради бога ещё раз, я заставил тебя ждать и нервничать. Просто, понимаешь... был тяжёлый день. Я, конечно, полюбому перезвонил бы тебе позже, но... понимаю, как ты волновалась.

- Спасибо, - выдохнула она дрогнувшим голосом. - Спасибо тебе...

- Послушай, - он вспомнил о том, что со вчерашней ночи не давало ему покоя. - Тот поцелуй в ресторане... он был заранее спланирован? Ты предварительно обсуждала это с Анжелкой?

Она даже отшатнулась.

- Нет, конечно! С чего ты взял?... Это вообще спонтанно получилось. Анжела тут совсем ни при чём. В смысле... она не знала, что я это сделаю. Не могла знать.

- Тогда я вообще ничего не понимаю, - он растерянно потёр виски. - Кто-то ведь должен был успеть заснять тот недолгий момент, словно был предупреждён о нём заранее...

Белецкий был уверен, что Галинка получила именно фото. Она не поверила бы простым словам.

- Ладно, забудь, - махнул он рукой, заметив, что Кетеван выжидающе смотрит на него. - С этим я сам как-нибудь разберусь...

Увидев, что они закончили разговор, Антон немедленно пустился в наступление:

- Саня, может, ты нас познакомишь, а? Такая очаровательная женщина... я сражён в самое сердце.

Кетеван взглянула на него в некотором испуге, удивлённая столь откровенным напором. Годы жизни с Асланом заставили её совершенно забыть о том, что такое прямолинейные мужские комплименты.

- Это Кетеван. Антон, наш режиссёр. Ну, а это Дашка... моя дочь, - послушно представил их друг другу Белецкий.

- Дочка Анжелы? - Кетеван вежливо улынулась. Дашка и Белецкий обменялись понимающими взглядами.

- *Моя* дочь, - с нажимом повторил он.

- Кетеван... Вы, должно быть, грузинка? - неожиданно поинтересовался Антон.

- Да, - коротко отозвалась она. Тот закатил глаза и буквально застонал в экстатическом восторге:

- О-о-о... Я влюблён в вашу страну, ваш народ, вашу кухню и ваше гостеприимство!

- Очень рада за вас, - сдержанно откликнулась Кетеван.

- И кинематограф, кинематограф!.. Как вам фильмы Левана Когуашвили? Особенно

“Слепые свидания” и “Прогульщики”... А “Мандарины” Зазы Урушадзе?

- Я их не видела, - призналась Кетеван в некотором смущении.

- В самом деле? - поразился Антон. - А вы из какого театра?

Кетеван с растерянностью оглянулась на Белецкого.

- Я не играю в театре.

- Да ладно? - не поверил он. - С такой-то внешностью и статью? По вам плачут театральные подмостки! Или вы звезда экрана? То-то я смотрю, мне ваше лицо будто бы знакомо...

- Я вообще не актриса.

Принялся накрапывать дождь.

- Я сегодня один за рулём? - подходя к припаркованной неподалёку машине, поинтересовался Антон, окидывая взглядом компанию. - Что ж, давайте развезу вас всех по домам, пока я добрый...

- Спасибо, Тоха, мы на такси доберёмся, - отказался Белецкий.

- Тогда вы, Кетеван? - галантно предложил он.

- Не стоит беспокоиться, - категорически отклонила она его предложение. - Я на метро.

- Да перестаньте. До метро ещё дойти надо, незачем вам под дождём мокнуть... Что же вас муж не встречает?

- Если это такая неуклюжая попытка выяснить, замужем ли я, то сразу говорю - нет, - сухо отозвалась Кетеван. - А сейчас извините, мне некогда с вами болтать. Меня дома сын ждёт.

Она торопливо попрощалась со всеми и скользнула в арку, ведущую из внутреннего дворика театра на улицу.

- Антон, что это сейчас было? - озадаченно спросил Белецкий. - Ты что, пытался кадрить Кети?

- Ты же видишь, она не оставила мне ни малейшего шанса... - с досадой застонал режиссёр. - Какая женщина, а! Слушай, она действительно не замужем?

- Не замужем. Но ей сейчас, мне кажется, не до знакомств...

- Нет, я всё-таки не могу её упустить!.. Такая красавица! Может, у меня любовь с первого взгляда, а?! погоди, Сань, а ты давно её знаешь?

- Очень давно. Ты даже не представляешь, насколько.

- Ну и как она... вообще? Что ты можешь о ней сказать? Какая она?

- Стопроцентная женщина, - усмехнулся Белецкий. - И этим всё сказано...

- Ну, она же не твоя бывшая, надеюсь? - усомнился вдруг Антон. - А то как-то... неэтично получится.

- Вот тут можешь быть абсолютно спокоен. У нас с ней никогда ничего не было.

- Ну тогда руки у меня развязаны. Извини, Саня, но я поехал за ней! Я должен её догнать!

С этими словами Антон прыгнул в машину и был таков.

- Удачи, - скептически хмыкнул Белецкий ему вслед.

Такси для отца Дашке пришлось вызывать самой, поскольку его телефон не работал. За ней же, как и планировалось, должен был приехать Женя.

- Слушай, пап, - сказала вдруг она, пока они сидели на лавочке под козырьком у служебного входа, прячась от морозящего дождика, и ждали каждый свою машину, - а что

всё-таки случилось на этой вашей встрече однокурсников?

- А с чего ты взяла, что там непременно что-то должно было случиться? - осторожно ответил он. - Из-за статьи?

- Да нет, - она пожалала плечами. - Просто я вчера у матери ночевала, так она тоже с этой самой вечеринки явилась, как пыльным мешком по голове трахнутая...

- "Тоже"?

- Ты себя в зеркало-то видел? И с Галей вы как-то очень подозрительно в это же время рассорились... молчу, молчу, - торопливо добавила она, зная, что отец не любит обсуждать свои личные проблемы.

- Вот и молчи. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, - он ласково нажал на кончик её носа.

- Мне так хорошо сейчас, пап, - призналась она, привалившись к нему боком и устроив голову на его плече. - Будто в детстве... помнишь, как ты забирал меня на все выходные? Я их целую неделю ждала... Мне подружки и одноклассницы так завидовали. Их-то по субботам и воскресеньям водили в парк аттракционов, максимум - в цирк, а ты меня постоянно то в театр с собой таскал, то на киностудию... Мне всё это было та-а-ак интересно! - она даже зажмурилась от нахлынувших воспоминаний.

Однажды во время летних каникул Даша провела сотцом целый месяц на съёмках в детском оздоровительном лагере - он тогда был занят в фильме о славном пионерском прошлом, играл вожатого старшего отряда. Снимали в настоящем лагере на морском побережье, и для Дашки эти каникулы стали счастливейшими в её жизни. Реальные отдыхающие - дети и подростки - с удовольствием принимали участие в массовых сценах, а вся женская половина лагеря, по традиции, поголовно была влюблена в Белецкого - поварахи в столовой, уборщицы, вожатые... Все они старались подружиться с Дашей, осторожно выпытывая у неё подробности о привычках и пристрастиях отца, а эта хитрюга, прекрасно понимая подоплёку столь внезапного дружелюбия, только посмеивалась да несла всякий вздор: да-да, папа у меня замечательный, по утрам, к примеру, он два часа стоит на голове, а потом натошак выпивает три литра кефира, закусывая его солёными огурцами, и ещё непременно любит распевать оперные арии, принимая ванну... Случайно узнав впоследствии о её выдумках, Белецкий не рассердился, а долго ржал.

- Знаешь, - Дашка взяла его руку, прижала к своей щеке, точно заранее смягчая резкость того, что собиралась сейчас сказать, - а с Галей всё-таки надо поговорить. Ты только не обижайся, может, я лезу не в своё дело, но... играть в молчанку - самый тупой на свете способ решения проблем. Вот честно. Надо говорить друг другу открыто, в чём раскаиваешься и о чём сожалеешь. Лучше в лицо, но если не можешь сделать этого прямо сейчас - значит, звони. Ну, или отправь ей сообщение, в крайнем случае!

Белецкий помолчал.

- Она попросила меня ни звонить, ни писать ей, - откликнулся он наконец.

- И ты послушался? - Дашка укоризненно покачала головой. - Как ребёнок, ей-богу... Ты что, никогда раньше не слышал выражения "Спроси, чего хочет женщина, и сделай наоборот"?

- То есть, это следует воспринимать буквально? - усмехнулся он.

- А как же иначе! Если мы, к примеру, поссоримся с Женькой и я скажу, что не хочу его

ни видеть, ни слышать, и пусть даже не пытается вымолить у меня прощение, и подарков мне от него никаких не надо - это значит, что я как раз жду от него подарков о мольбы о прощении!

- Обалдеть, какое коварство.

- Это не коварство, а женская логика. Нет, ну правда... Галя, наверное, думает, что тебе по барабану её отъезд.

- Это вряд ли. Я звонил её матери, спрашивал о ней... То есть как минимум она должна быть в курсе, что мне не всё равно. Да и как мне может быть всё равно?! - он начал раздражаться.

- Тс-с-с, не заводись, психопат, - она шутливо пихнула его в бок. - Я просто диву даюсь, каким ты иногда бываешь упёртым тупым бараном!

- Спасибо, дочь, - с чувством вздохнул Белецкий.

- Ты просто не привык, чтобы женщины от тебя бегали, поэтому избаловался, - безжалостно резюмировала Дашка. - И так ни черта и не научился понимать нашу, "девочковую", психологию... Галя же сама, наверное, совершенно измучилась из-за своего ультиматума, сидит там сейчас и ждёт звонка...

- "Страшна их месть! Но, уверяю вас, они страдают сами, муча нас..."* - пробормотал он задумчиво.

- Всё-таки позвони ей, - настаивала дочь. - Я не думаю, что ты сделаешь хуже, чем есть.

- Ладно, - вздохнул Белецкий. - Вот доеду до дома, реанимирую телефон и...

- Хочешь, позвони с моего! - Дашка с готовностью протянула ему свой айфон.

- Нет уж! Чтобы ты тут уши грела... - засмеялся он. - Я позвоню, Даш. Сегодня же, обещаю.

**Строки из поэмы Джорджа Байрона "Дон Жуан"*

Попрощавшись с дочерью и её женихом, Белецкий, наконец, дождался собственного такси. Правда, уже садясь в машину, он вдруг решил изменить план передвижения.

- Едем на Кутузовский проспект, - обратился он к водителю. Тот скривился поначалу из-за внезапной смены маршрута, но рассмотрев, кем является его пассажир, расплылся в добродушной улыбке.

- А вы что, вот прямо здесь и работаете? - кивнул он на здание театра.

- Вот прямо здесь и работаю.

- Лет двадцать уже не был в театре... - признался таксист. - Я вас больше по кино знаю, по сериалам военным... Этот, как его... "След истребителя"! Как раз недавно повторяли по телеку... А автограф дадите? Для жены...

Почему-то мужчины, обращаясь к Белецкому с просьбой об автографе, всегда прикрывались жёнами, детьми, тётушками или двоюродными племянницами.

- Дам, конечно. Только, пожалуйста, поехали побыстрее.

Разумеется, он сильно рисковал: Анжелы могло не оказаться дома, и тогда он остался бы, как дурак, без связи и возможности вызвать такси. Как бы он добирался к себе? На общественном транспорте? То ещё развлечение...

Но Климова была на месте. Открыла дверь и округлила глаза.

- Какими судьбами? - выдавила она после небольшой заминки. Но ему вдруг показалось, что не так уж бывшая жена и удивилась его приходу...

- Поговорить.

- До утра это никак не могло подождать? - Анжела с досадой передёрнула плечами. - Первый час... И вообще, у меня муж на рыбалку уехал, что соседи скажут? Что ко мне бывший ночами шастает? - она пыталась иронизировать, скрывая свою растерянность, но Белецкий не обратил внимания на эту плоскую шуточку.

- Дай-ка мне свой телефон, - произнёс он, и по тону это была вовсе не просьба. Она захлопала ресницами.

- С какой радости?

- А то ты сама не догадываешься... Ну давай, Анжел, не тяни, я всё равно получу то, что хотел, просто иначе придётся применить силу... Я же знаю, от кого моя жена получила "добрую весть". Так что теперь просто хочу полюбопытствовать, в какой форме это было сделано.

- Вот у неё бы и поинтересовался... - немного струхнув, отозвалась Анжела.

- Скажи, ведь ты не могла знать того, что Кети вдруг полезет целоваться... Как тебе удалось уловить этот кратковременный момент? У меня это со вчерашнего дня из головы не выходит... Не знала ведь?

- Конечно, не знала, - откликнулась она, помедлив. - Поэтому я просто сняла ваш танец на видео... от начала до конца. Начала снимать, даже не подозревая, до чего вы в итоге "дотанцуетесь".

- Вот как... И затем ты отправила этот видеофайл моей жене?

- Я поступила умнее. Просто заскринила момент с поцелуем, это было легко сделать - нажать на паузу в нужном месте и... - она не договорила. Всё и так было ясно, как день.

- Дай телефон, - повторил Белецкий. Анжела, уверенная в том, что терять ей больше нечего, послушно протянула ему трубку.

В мессенджере моментально отыскалось нужное сообщение среди "отправленных"... Фото, запечатлевшее объятия Белецкого и Кетеван, их соединённые губы... всего лишь миг, но какой красноречивый, если не знать, не видеть и не понимать контекста!.. Фотографию Анжела сопроводила язвительной припиской: *"Юношеская наивность и безграничное доверие - это прекрасно, деточка. Но быть слепой глупо и унижительно"*.

Вот и всё. Вот так, собственно, оно и случилось. Белецкий несколько раз перечитал этот короткий текст, затем поднял глаза на Анжелу и очень тихо спросил:

- Почему?

- Кети моя подруга... - залепетала она неуверенно. - Я просто хотела, чтобы она была счастлива...

- Да чушь это всё, Климова, - быстро, со злостью, перебил он её. - Никогда она не была тебе настоящей подругой. Ты же никого в жизни не любила и не любишь, кроме самой себя. Так что на чувства Кети тебе плевать. На мои - плевать, никакого счастья ты нам с ней не желаешь, ты никому *не можешь* искренне его желать. Просто ты ненавидишь Галю и мечтаешь разрушить наш брак. С самого начала ты её терпеть не могла, я же помню... Вот только за что? За то, что она моложе и красивее? За то, что искренне меня любит, как и я её?.. Хрена с два Кети твоя подруга! - повторил он в ярости. - Она-то, может, и считает тебя таковой... А ты просто тупо используешь её в своих целях - ну как же, ведь такая прекрасная возможность рассорить меня с женой, не правда ли?! О самой Кети ты думаешь в

последнюю очередь.

- А почему я должна о ней думать? - зло прищурилась Анжела. - Ты прав, меня раздражает эта роковая красотка, на которую ты, как полоумный, пускал слюни столько лет. Всегда раздражала. Подумаешь - звезда курса, любимица Мастера! Только и умела, что жопой крутить, ни мозгов, ни особого таланта... Ты порядком утомил всех своими страданиями по этой выскочке. Ах, у Сашеньки личная драма! Ах, у него такая большая и трагичная любовь!.. Ну прямо-таки рыцарь печального образа.

Он замер, поражённый этим открытием.

- Ты ведь... просто ненавидишь нас всех, да? В особенности - меня?

- Да, тебя я больше всех ненавижу, - со свистом выплюнула она ему в лицо. - Ты с самого начала меня бесил. Этаким мажорчик, которому всё дано по праву рождения. Это нам нужно было карабкаться, пробиваться куда-то, набивать шишки и ломать кости... Ты же сразу, одним махом, получил всё: внешность, московскую прописку, талант, а потом и славу...

- По-моему, это достаточный повод для ненависти?

- О, мой дорогой, ты не давал мне расслабиться - постоянно подкидывал всё новые и новые поводы! - расхохоталась она. - В особенности, когда предложил мне фиктивный брак... Как же ты раздражал меня тогда, весь такой порядочный, благородный, разочарованный... облагодетельствовал по полной, ничего не скажешь!

- Могла бы не соглашаться. Смешно выходить замуж за человека, который тебя так бесит. Тем не менее, после нашего развода ничто не помешало тебе крыть меня во всех интервью на чём свет стоит и называть подлецом за то, что я бросил тебя одну с ребёнком, - напомнил он.

- Да потому что ты просто не оставил мне выхода! - она уже почти кричала. - Ты... унизил меня этим браком, а затем и разводом, ты ещё больше меня растоптал... Ты же совершенно не интересовался мной, как женщиной.

- Но ведь и ты меня не любила...

- При чём тут любовь?! - завизжала она. - Ты готов был трахать любую особь женского пола, встретившуюся на твоём пути, но при всём этом я тебя не привлекала *вообще*. Мы и переспали-то с тобой в первый раз только с моей подачи... сколько у нас всего было? Три раза за целую супружескую жизнь? Это дикое оскорбление для любой женщины, удар по самооценке...

Невыносимо было выслушивать этот поток обвинений, замешанный на лютой ненависти, смотреть на перекошенное лицо бывшей жены. Белецкому хотелось заткнуть уши и закрыть глаза, а лучше - поскорее вернуться домой и принять душ, чтобы смыть с себя весь этот негатив, давивший буквально на физиологическом уровне. Но, похоже, Климова ещё не высказалась до конца. Её несло.

- Потом ты пошёл в гору, стал сниматься всё чаще... Твои поклонницы дежурили под окнами и круглосуточно названивали по телефону, мне даже пришлось отключать его, чтобы звонки не потревожили Дашку... А я всё глубже и глубже увязала в болоте. В этой трясине! В довершение всего, ещё и дочь в тебе души не чаяла. Это стало просто насмешкой судьбы... Дашка любит тебя, всегда любила больше, чем меня, свою родную мать! Ты всегда был ей ближе и пользовался её безграничным доверием и обожанием... Даже когда она узнала правду о том, что ты её усыновил, и пережила первый шок, всё равно ты навсегда остался для неё на первом месте. Ты отнял у меня моего собственного ребёнка, слышишь, Белецкий?

- Ты сама её у себя отняла, - произнёс он почти с жалостью. - Вместо того, чтобы постараться хотя бы раз выслушать Дашку и понять, ты постоянно настроивала её против меня, обвиняя во всех смертных грехах...

- А потом, - перебила его Анжела, практически не слушая, что он говорит, - ты сосватал мне эту роль в российско-американском проекте...

- Да здесь-то что тебе не так?! - воскликнул он. - Наоборот, ты стала после выхода фильма вполне успешной и узнаваемой...

- И всё равно вчера в ресторане, когда ты соизволил явиться, - её губы искривились в злой презрительной усмешке, - всё внимание сразу переключилось на тебя... ты же у нас - главная звезда! - добавила она язвительно.

Его вдруг осенило.

- Эта статья от лица “бывшего однокурсника”, пожелавшего остаться неизвестным... тоже твоя работа?

Она с сожалением покачала головой.

- Нет... я понятия не имею, кто её автор. Им мог быть любой из нас. Но лично я согласна с каждым словом этой статьи.

Некоторое время Белецкий молча вглядывался в лицо бывшей супруги, словно в лицо незнакомки. Этот человек, оказывается, тайно ненавидел его столько лет подряд... и только встреча выпускников стала, наконец, последней каплей, которая переполнила чашу этого безумного, больного, жестокого саморазрушения.

- Что? - вызывающе спросила Анжела. - Не нравлюсь?

- Мне-то казалось, что это я идиот, - он покачал головой. - Растратил половину своей жизни впустую, прежде чем начал потихоньку забывать о несчастной любви. Ты же превзошла меня: полжизни упиваешься не любовью, а ненавистью...

- Вот только мораль мне не надо читать! - она вскинула подбородок.

- Я не читаю. Просто хочу предупредить... - и тут вдруг Анжела поняла, что недооценила противника. Ей казалось, что он вполне спокоен и контролирует себя... а сейчас он приблизил к ней лицо, и она со страхом осознала, что он разъярён до безумия. В его глазах полыхало такое пламя, что она всерьёз испугалась, что он может её убить.

- Не дай бог ты когда-нибудь ещё возникнешь в моей жизни, - шёпотом, чтобы не сорваться на крик, предостерегающе произнёс он и с силой, крепко сжал её плечо - так, что Анжела не могла ни дёрнуться, ни отшатнуться.

- Не дай бог затронешь Галю - хоть прямо, хоть косвенно. Я не стану повторять дважды. Малейшая осечка с твоей стороны и... я сделаю так, что тебя больше вообще никогда и никуда не будут приглашать сниматься. В момент скатишься на то же дно, где была. В то самое болото, которое тебя так пугает!

Он брезгливо оттолкнул её от себя, борясь с желанием вытереть руку. Анжелка, обессиленная и потрясённая, сползла по стеночке на пол. Её колотила крупная дрожь.

- Телефон я у тебя конфискую, - заявил он, опуская мобильник в карман джинсов. - Мне он сегодня ещё понадобится. Прощай, Анжела. Надеюсь никогда в жизни больше тебя не увидеть.

5 июня 2019 года, Ялта

В эту ночь Галинке удалось ненадолго заснуть. После бессонных суток, вымотавших ей

всю душу, наполненных нечеловеческой болью и диким напряжением, после того, как был выплакан целый океан слёз и ей казалось, что она выжата досуха, как бельё в стиральной машине - она, наконец, обессиленно упала головой на подушку и уплыла в спасительный сон.

На удивление, ей снилось что-то лёгкое, радостное и беззаботное, и в первые неосознанные мгновения на границе между сном и пробуждением Галинка даже смутно улыбалась. Но едва её ресницы, задрожав, приоткрылись, она увидела перед собой в тусклой утренней дымке интерьер ялтинской спальни... и моментально всё вспомнила.

Её словно окатило ледяной водой. Галинка зажмурилась, пытаясь убежать от неумолимо накатывающей на неё волны острой, невыносимой боли и жалея о том, что проснулась. Как хорошо было бы вообще никогда не просыпаться...

Она потянулась за телефоном, чтобы взглянуть, который час. На экране высветился значок непрочитанного сообщения... Дрожащими пальцами Галинка открыла мессенджер, стыдясь признаться самой себе в том, что дико боится и в то же время ужасно ждёт весточки от одного-единственного человека в целом мире... А на всех остальных ей было просто плевать, кто бы ей там ни написал.

Однако адресат заставил Галинку сначала удивлённо округлить глаза, а затем невольно напрячься. Сообщение было от Анжелы Климовой, первой жены Белецкого.

Эта женщина пугала её. Галинка не могла понять, чего она так упорно добивается. Именно Анжела прислала ей вчера то злополучное фото, на котором её муж целовался со своей бывшей однокурсницей. Что на этот раз?!

В сообщении не было текста, только вложение. Видеофайл.

Галинка несколько минут сидела, борясь с желанием удалить его, не открывая. Что там могло её ожидать? Хоум-мейд порно с её мужем в главной роли? С Анжелы станется...

Поняв, что если она всё-таки удалит видео, то потом и вовсе никогда не обретёт покоя, Галинка, затаив дыхание, нажала на значок воспроизведения.

Снова её муж и Кети. То же место и, похоже, тот же час. Ресторан. Они танцуют...

Голосов не было слышно из-за музыки, но танцующие явно о чём-то спорили. Практически ссорились. Муж не выглядел ни романтичным, ни влюблённым - уж она-то знала все его эмоции, мимику и жестикуляцию. А потом случилось невероятное - Кетеван сама потянулась к нему, чтобы поцеловать. Это продолжалось не более секунды. Затем Белецкий оттолкнул её и, кажется, принялся сердито отчитывать.

Он. Оттолкнул. Её.

Потом Кети убежала куда-то с самым несчастным выражением лица, и на этом видео оборвалось.

Галинка дрожала, как в ознобе. Что это?.. Зачем это?.. Как это всё понимать?.. То есть, сначала ей посылают фото поцелуя как свидетельство мужниной неверности - а потом отправляют ей же полную версию, раскрывающую совершенно иной, прямо-таки противоположный контекст ситуации? Типа, “саечка за испуг”? Нет, это решительно не поддавалось ни пониманию, ни объяснению...

Да, наверное, в том, что муж пошёл танцевать с Кети, тоже не было ничего хорошего. Это не добавляло очков в его пользу, хоть, в общем-то, и не являлось таким уж серьёзным проступком. Но поцелуй... тот самый, который она себе навоображала... из-за которого так себя накрутила... этого поцелуя просто не было, он существовал лишь в её воображении.

Он не целовал её. Это Кети попыталась, причём безуспешно.

Галинка сморгнула набегающие слёзы и улыбнулась. Ей хотелось одновременно и плакать, и хохотать во всё горло. Главным ощущением было невероятное, моментально нахлынувшее облегчение, как будто с сердца разом сняли огромный тяжёлый камень. Но в следующий момент осознание того, *что* она натворила, накрыло Галинку, как цунами. Она поступила, как законченная, капризная, эгоистичная идиотка, удрав без внятных объяснений и просто не оставив мужу ни малейшего шанса оправдаться.

- Боже... - она с силой укусила себя за руку, не зная, как справиться с чувством жгучего, всепоглощающего стыда. - Дура... Дура, дура, дура!!! Подлая, трусливая дура! - и в отчаянии замолотила кулаком по подушке.

Слёзы, наконец-то, хлынули из глаз. А ей-то казалось, что после вчерашней истерики, опустошившей её до доньшка, она никогда больше не сможет плакать...

Не раздумывая ни секунды, Галинка схватила телефон и немедленно набрала номер мужа. Она ещё не знала, даже не представляла, что будет ему говорить, но ждать больше не было сил - буквально ни мгновения! Они и так потеряли слишком много времени...

Вызываемый абонент оказался недоступен.

Галинка поняла, что не может оставаться в доме, иначе просто начнёт визжать от переизбытка самых противоречивых эмоций. Мама испугается, она и так переживает за неё... Галинке нужно было отправиться на берег, чтобы хоть немного привести мысли в порядок.

Ещё девчонкой она привыкла каждое утро приходить к морю. Оно неизменно успокаивало Галинку, умиротворяло и помогало найти ответ практически на любой мучающий её вопрос.

Когда погода была ясной и тёплой, Галинка встречала рассвет прямо в воде, совершая продолжительные заплывы до отдалённых скал, смело ныряя по пути на опасную глубину и чувствуя себя если не рыбой, то, как минимум, русалкой. Взобравшись на самую высокую скалу, чтобы обсохнуть, она могла сидеть так часами, наблюдая за резвящимися неподалёку дельфинами или распевая во всё горло свои любимые украинские песни, но чаще всего - просто о чём-нибудь мечтая... А если было пасмурно, то она оставалась на берегу. Сидела и всматривалась в постепенно розовеющий горизонт. Это была её личная медитация... Её собственный маленький рай.

Сегодняшнее утро выдалось именно таким - пасмурным и промозглым. Небо было затянуто серыми тучами, скрывающими солнце, а с моря дул неприятный пронизывающий ветер. Но Галинка, поёживаясь от холода и обхватив себя за плечи, всё равно встала у самой кромки воды, и море время от времени касалось её ног своим влажным языком. Лёгкие босоножки промокли в момент, но Галинка, продолжая дрожать, упорно вглядывалась в беспокойные синие волны, так напоминающие ей всегда глаза мужа, словно старалась разглядеть в них своё будущее.

Время от времени она пыталась снова дозвониться Белецкому, но он по-прежнему был вне зоны доступа. С каждым безуспешным прозвоном росло и усиливалось её беспокойство. Время перевалило за восемь утра. Даже если он всё ещё спит, телефон всё равно должен работать, у мужа не было привычки отключать его на ночь.

Ей вдруг вспомнился их первый поцелуй... Он случился именно здесь, в Крыму, пусть не в Ялте, но на берегу этого самого моря. Он тогда приехал к ней из Москвы, приехал сюрпризом, не предупредив, и самые главные слова ещё не были ими друг другу сказаны. Галинка страшно боялась, что её чувства не взаимны, что он просто благодарен ей за заботу

и участие в его судьбе. Глупая наивная девочка, размечтавшаяся о большем... Да, она ужасно боялась - но, тем не менее, нашла в себе силы первой признаться ему в любви... и чуть не умерла от счастья, услышав тогда в ответ: "Милая моя, маленькая, славная девочка... Я тоже тебя люблю, родная".

Она до сих пор помнила его интонацию, его взгляд, его губы - впервые на своих губах, осторожные, деликатные, неторопливые, тёплые и нежные... Галинка почувствовала, как глаза снова наливаются предательской влагой. Как она могла вообразить, придумать, убедить себя в том, что сможет прожить без него хотя бы несколько дней?!

Она развернулась, собираясь вернуться в дом, и вдруг увидела чуть поодаль собственного мужа.

Галинка не могла ошибиться.

Он медленно шёл ей навстречу вдоль берега и смотрел прямо на неё.

Белецкий подошёл к Галинке совсем близко и остановился в паре шагов. Она с трудом пыталась справиться со сбившимся дыханием, всё ещё не осознавая до конца, что это не мираж, не бред и не галлюцинация. Нервная дрожь, бившая Галинку всё утро, ещё больше усилилась. Он скользнул взглядом по её лёгкой кофточке и юбке, по мокрым ногам, а затем молча снял с себя пиджак и, сделав шаг вперёд, накинул ей на плечи. Расстояния между ними больше не было, он оказался к ней почти вплотную.

Задержав свои ладони на плечах жены, Белецкий чуть надавил и притянул её к себе. Она уткнулась лицом ему в грудь и затихла, блаженно вдыхая родной, любимый, самый лучший на свете запах и боясь поверить в то, что это реальность.

Некоторое время они оба молчали. Наконец, она робко поинтересовалась:

- Тебе мама сказала, что я здесь?

- Сам догадался. Я знаю, что по утрам ты всегда на море... В дом я ещё не заходил.

- А как же твоя премьера? - спросила она нерешительно, всё ещё не осмеливаясь взглянуть ему в лицо.

- Я ещё успеваю вернуться... ну, подумаешь, прогуляю репетицию, не уволят же меня из-за этого, - беззаботно отозвался Белецкий. - Им тогда вечером на сцену будет некого выпускать. Просто есть вещи и поважнее, - он приподнял её лицо за подбородок и заставил, наконец, посмотреть себе в глаза.

- Я знаю, что ты не целовал Кети, - пробормотала она, краснея. - Анжела прислала мне видео...

- Это не Анжела прислала, а я.

- Ты?.. - она непонимающе распахнула глаза. - С её номера?.. Да, кстати, что с твоим телефоном? Я не могла тебе дозвониться...

- Это всё ерунда. Всё пустое. Потом... - он с досадой махнул рукой и снова обнял её. Галинка прижалась к его груди, блаженно потёрлась щекой о рубашку, как кошка.

- Прости меня, Саша. Я очень перед тобой виновата. Если уж я сказала, что доверяю тебе - значит, нужно было сохранять это доверие до конца, а не психовать и сбегать без откровенного разговора. Признаю, что это было глупо... и непоследовательно... Ты очень злишься?

- Злюсь?.. - переспросил он. - Да у меня буквально целый мир пошатнулся, когда ты уехала.

- У тебя он пошатнулся, - невесело вздохнула она. - А у меня - и вовсе рухнул...

- "Мы наш, мы новый мир построим..." - шутливо пропел он строчку из "Интернационала". Галинка недоумевающе вскинула брови. Он засмеялся и щёлкнул её по носу:

- Эх, молодёжь...

Галинке было плевать, что она не знает, откуда эти - видимо, очень известные - строки. Её беспокоило другое.

- Так ты правда не сердишься?

- Надо бы, - усмехнулся Белецкий, - ведь ты опять от меня сбежала.

- А ты опять за мной приехал...

- Да, - серьёзно кивнул он. - Но это было в последний раз.

Галинка испуганно взглянула ему в лицо.

- В каком смысле?

- В прямом, - и тут она поняла, что муж смеётся. От его глаз лучиками разбегались её любимые добрые морщинки. - Сбежать я тебе больше не позволю. Никогда.

Она заплакала и тут же засмеялась сквозь слёзы.

- Так прямо и не позволишь?

- Ага, - он ладонью вытирал слёзы с её лица, осушал их осторожными и бережными поцелуями. - Если надо, даже на цепь посажу. Прикую к батарее... голую... - шепнул он. - Будешь сидеть дома, варить борщи и рожать мне детей, одного за другим.

- "Босая, беременная и на кухне"? - нашла в себе силы пошутить она.

- Я хочу пятнадцать детей, а ты? - выдохнул он ей в самые губы, которые были уже совсем близко.

- Если я рожу пятнадцать детей, - всхлипнула Галинка, - моя задница перестанет пролезать в дверной проём.

- Ничего, - пообещал он, - я его расширю.

И наконец-то поцеловал её по-настоящему. Взахлёб, неистово, самозабвенно, как целуют только самых дорогих и самых любимых. Его пальцы путались в её длинных волосах, гладили её лицо, скользили по её плечам и спине...

Когда они оторвались друг от друга, тяжело дыша, Галинка провела языком по своим губам, точно оценивая послевкусие.

- Кофе? - предположила она неуверенно.

- Лучше не спрашивай, сколько литров я выпил, - он шутливо поднял руки, сдаваясь на её милость. - Двое суток без сна, я бы просто не выдержал в таком темпе...

Она изменилась в лице.

- Господи, тебе же надо отдохнуть... Пойдём в дом, поешь и поспишь хоть немного!

- Я и от горячего душа не отказался бы, - добавил он, засмеявшись. - Со вчерашнего дня не был дома.

- Пойдём, - она решительно взяла его за руку и потянула за собой, а затем вдруг снова остановилась, словно вспомнив о чём-то важном.

- Наверное, я должна тебе сразу сказать... мне кажется, между нами больше не должно быть тайн и недомолвок, поэтому...

- Что случилось, Галюша? - испугался он.

- Честно? Я... не готова пока рожать детей. Прости... И не торопи меня, если сможешь.

Он вмиг стал очень серьёзным.

- Ты теперь не сможешь мне доверять? - уточнил он, испытывающе глядя ей в глаза. Она

покачала головой.

- Не в этом дело. Я много чего передумала со вчерашней ночи. Мне кажется, я за всю свою жизнь столько не думала. Кое-что переосмыслила... Мне нужно научиться жить с новой собой и новым тобой - таким, каким я тебе ещё не успела узнать и принять.. Я всегда тебя идеализировала, Саша...

- А теперь, стало быть, разочаровалась?

- Нет, нет, нет! - она торопливо накрыла его губы своей ладонью и с досадой поморщилась. - Я просто поняла, что... никто не совершенен. Нельзя придумывать себе сказки и вечно в них жить. Я поняла, что бесконечно тебя люблю - но как живого человека, со всеми твоими недостатками. Мне не нужен сказочный принц, я тебе говорила это когда-то, но тогда ещё просто не отдавала себе в этом отчёт и подсознательно всё-таки считала тебя принцем. Но мне необходим именно *ты*, а не твой образ. Нужно окончательно принять, что ты взрослый человек, что у тебя есть популярность, есть своё прошлое, и что... если оно вдруг иногда будет напоминать о себе... это ещё не конец света, и уж тем более не повод всё рушить.

- Больше никакого прошлого. Я обещаю. И ничто не потревожит тебя ни в настоящем, ни в будущем, - на этот раз он сам взял её руку и прижался к ней губами.

- А дети... они обязательно появятся. Но только тогда, когда я сама почувствую себя готовой, понимаешь? - она виновато взглянула ему в лицо. - Я могла бы уступить только потому, что этого хочешь *ты*...

- Мне не нужны такие жертвы, Галюша, - он коснулся указательным пальцем её рта, нежно обвёл контур губ. - Как скажешь. Если ты не готова, я не собираюсь на тебя давить.

- Мне нужно привыкнуть и к новой себе, и к новому тебе... А ещё я хочу, - её глаза затуманились тревогой, - чтобы тебя, наконец, перестали мучать кошмары по ночам.

- Я совершенно точно уверен, что кошмары уйдут. Только одно условие - ты всегда должна быть рядом, - он улыбнулся и подмигнул. Галинка кивнула в ответ без тени улыбки.

- До тех пор, пока я тебе нужна - я буду.

Тётя Ксана была воплощением спокойствия и невозмутимости.

Никто не знал, что передумала эта неулыбчивая и давно уже немолодая женщина за минувшие сутки. Что было у неё на душе с тех пор, как её единственная обожаемая дочь прилетела из Москвы, будто шальная, с растерянными и несчастными, как у обиженного ребёнка, глазами и разбитым сердцем... Но, увидев утром в кухонное окно, как по дорожке к дому идут Галинка и невесть откуда взявшийся зять, как они крепко держатся за руки, переплетя пальцы, как счастливо улыбаются друг другу.. тётя Ксана просто философски вздохнула и поставила на стол ещё одну тарелку к завтраку.

- Mamochka, всё хорошо, - оказавшись на кухне, тут же шепнула Галинка, прижавшись губами к её уху. Как будто она сама не видела... Белецкий радостно обнял тещу и поцеловал в щёку.

- Де твоя валіза?* - спросила она его строго. Зять виновато развёл руками:

- Нет никакого чемодана. Приехал прямо в том, в чём был...

- У него премьера сегодня вечером, - встряла сияющая Галинка. - Поэтому Саша немного отдохнёт... и мы сразу же вернёмся обратно в Москву. У нас очень мало времени!

Белецкий ушёл принимать душ, а Галинка быстро достала и выгладила для него чистую одежду - к счастью, в доме оставалось достаточно его летних вещей.

За завтраком Белецкий, расслабленный и умиротворённый, уже откровенно клевал носом, и в конце концов, когда Галинка отвлеклась на то, чтобы достать чайные чашки, он просто положил голову на скрещенные на столе руки и заснул. Две бессонные нервные ночи дали о себе знать.

- Довела хлопця... - укоризненно вздохнула тётя Ксана. - Ось же вертихвістка!**

**"Де твоя валіза?" - "Где твой чемодан?" (здесь и далее - перевод с украинского)*

***"Довела хлопця... Ось же вертихвістка!" - "Довела парня... Вот же вертихвостка!"*

Они едва успели на самолёт. Благо, хоть билеты купили онлайн и зарегистрировались на рейс заранее, однако всё равно затем пришлось нестись сломя голову на посадку. Впрочем, перспектива опоздать почему-то совершенно их не пугала, точнее - они оба были как пьяные, не осознавая последствий возможного опоздания. И Белецкому, и Галинке было ужасно весело - они постоянно хохотали и целовались.

Целовались в такси по дороге из Ялты в Симферополь. Целовались в самолёте во время взлёта, стюардессы даже не рискнули беспокоить их просьбами пристегнуть ремни...

Им было плевать на то, что на них все смотрят, что Белецкого, разумеется, многие узнали. Они просто не замечали ничего и никого вокруг. Не обращали внимания даже на то, что кто-то, кажется, их тайком фотографировал...

Симпатичная стюардесса принесла прохладительные напитки и деликатно покашляла, привлекая внимание и невольно прерывая их очередной поцелуй.

- Простите нас, - очаровательно и обезоруживающе - так, как это умел делать только он - улыбнулся Белецкий. - Мы с женой просто очень давно не виделись.

Стюардесса понятливо закивала и кажется, даже позавидовала чуточку этой самой жене, мечтая хоть ненадолго оказаться на её месте. Галинка смущённо уткнулась носом в свой стакан сока, с трудом сдерживая снова рвущийся наружу смех.

- Скоро все СМИ напишут о том, что Белецкий - сексуальный маньяк! - заметила она ехидно, когда стюардесса отошла.

- Они и так про меня это постоянно пишут, - Белецкий снова нетерпеливо потянулся к её губам, - так пусть уж хотя бы за дело...

5 июня 2019 года, Москва

Разумеется, по закону подлости, на пути из аэропорта они плотно застряли в пробке (ну здравствуй, столица!) и едва не опоздали. Когда такси, наконец, подъехало к зданию театра, до начала спектакля оставалось всего полчаса. Возле главного входа уже стояла толпа. Двери пока что были закрыты, и зрители - нарядные, с букетами - нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Слева от входа висела огромная цветная афиша, рекламирующая премьеру "Анна плюс Алексей".

- Пожалуйста, налево - к служебному входу, - Белецкий кивнул в сторону арки, ведущей во двор. Водитель послушно свернул.

Антон ждал его, стоя в дверях, как дворецкий, и медленно раскачивался с носков на пятки. Только бледность и стиснутые челюсти выдавали его дикое внутреннее напряжение. Белецкий, конечно, отзвонился ему и заверил, что прибудет вовремя, но когда до спектакля

остаётся всё меньше и меньше времени, а актёр, исполняющий главную роль, до сих пор не соизволил явиться - поневоле начнёшь молиться всем богам, чтобы премьера не сорвалась.

Антон не орал, не возмущался, но Белецкий шутливо шепнул Галинке:

- “Здесь Паша Эмильевич, обладавший сверхъестественным чутьём, понял, что сейчас его будут бить, может быть, даже ногами”*.

- Кому ты нужен... бить тебя... - просипел режиссёр. Краски медленно возвращались на его лицо.

- Ну прости, прости, Тоша. Готов искупить кровью, - Белецкий в раскаянии приобнял его за плечи. Тот лишь с досадой отмахнулся:

- Потом. Всё потом! Быстро переодевайся и на грим, и чтоб живо у меня! Как в армии...

**Цитата из романа Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев"*

Как и предполагал Белецкий, это был оглушительный успех. Артистов буквально утопили в цветах, от аплодисментов тряслись стены, поклон длился едва ли не полчаса - зрители просто не отпускали их, а крики "Браво!" не смолкали всё это время.

У Белецкого уже слегка подкашивались колени от усталости, а все лица сливались в одно расплывчатое пятно. Среди зрителей сегодня должно было быть очень много знакомых (Дашка с Женей ведь тоже где-то здесь), но он даже не всматривался особо в эту гомонящую толпу. Ему хотелось только одного - поскорее оказаться дома. С женой. Один на один.

“Поскорее” не получилось. Сразу после спектакля всех членов труппы ждал небольшой банкет: торт, бутерброды, шампанское. Белецкий виновато улыбнулся Галинке, которая была с ним за кулисами, и шёпотом пообещал:

- Ровно пятнадцать минут - и мы отсюда слиняем, клянусь... - и всучил ей бокал с шампанским.

Галинка расслабленно сидела на стуле, изредка кивая знакомым, и любовалась мужем со стороны. Как он общается с коллегами, принимает все эти поздравления, комплименты, похлопывания по спине и дружеские объятия... она безумно им гордилась. Она любила его без памяти.

Тем временем к Белецкому подошёл Антон, уже совершенно ручной и смирный, не сердитый, а размякший после успешной премьеры и нескольких порций алкоголя. Подошёл - и, явно стесняясь, заискивающе-вежливым тоном попросил у актёра номер телефона Кетеван.

- Ах да, Кети! - вспомнил Белецкий. - Как у вас с ней вчера всё прошло, тебе удалось её догнать?

- Удалось... бросил машину прямо посреди дороги и помчался за ней, честное слово, битый час её уламывал, прежде чем она согласилась, чтобы я довёз её до дома.

- Ну, так довёз?

- Довёз...

- А она?

- Сказала “спасибо” и упорхнула... даже телефон не дала. Оправдалась тем, что сейчас у неё нет времени на завязывание отношений, - в голосе Антона слышалось искреннее недоумение.

- Значит, так оно и есть, - пожал плечами Белецкий. - Извини, номер я тебе дать не

могу, просто не имею права. Раз она сама не хочет...

- Саня, по живому режешь... Ты - моя единственная надежда! Слушай, ну она мне правда очень понравилась.

- Тогда вперед. Прости, дружище, но я действительно не стану помогать тебе в этом деле. Захочешь - сам её найдёшь, ты же знаешь теперь, где она живёт. Вот и подожди её там. Кстати, могу подсказать - завтра Кети с сыном в десять часов утра должны быть в одной частной клинике... можешь их подвезти. Насколько мне известно, машины у неё нет, так что она будет благодарна за помощь... Только тогда уж, друг мой, притормаживай с выпивкой, если хочешь быть в форме с утра.

- Спасибо, Саня, - Антон с признательностью хлопнул его по плечу и вдруг снова беспокойно выкатил глаза. - А если она заранее вызовет себе такси и просто меня пошлёт?

- Если бы да кабы... - откликнулся Белецкий рассеянно. Он уже мысленно был дома, с Галинкой, и сейчас ухватил её, как раз проходившую мимо, за край платья и властно притянул к себе.

- Я очень соскучился, - жарко прошептал он ей прямо в губы.

- Я тоже... - выдохнула она.

- Да прекрати ты, в конце концов, целоваться, когда с тобой разговаривают! Тебе не шестнадцать лет, - психанул Антон. - А ты, Галя... ты же приличная девушка, что ты позволяешь этому старому развратнику!

- А ты не завидуй, - задорно отозвался Белецкий.

Антон почесал в затылке и нехотя признал:

- Завидую, черти. Счастливые вы! А я всё один и один...

- Ничего, Тошенька, сыночек, перевернётся и на твоей улице самосвал с пряниками, - Белецкий взлохматил его волосы и беззаботно рассмеялся.

- Я, вообще-то, твой режиссёр. Никакой субординации! - возмутился Антон и махнул рукой:

- Ай, ладно, хрен с вами. Продолжайте лизаться дальше, а я пошёл. Видеть не могу ваши довольные рожи...

- Ну что? - Белецкий весело смотрел на Галинку. Глаза его озорно блестели. Он выглядел сейчас молодым и беззаботным, словно ему и впрямь было шестнадцать лет. - Будем продолжать лизаться?.. Или поедем, наконец, домой?

Она улыбнулась и доверчиво вложила свою ладонь в его горячую руку.

- Домой.

ЭПИЛОГ

Два года спустя

- У тебя кровь на руке осталась, - заметила Кетеван.

Белецкий покосился на своё запястье и, чертыхнувшись, быстро стёр пятно влажными салфетками. До выхода на сцену оставалось пять минут.

Антракт уже заканчивался, вот-вот должны были дать звонок. Зрители спешили из туалетов и буфета обратно в зал, чтобы занять свои места до того, как погаснет свет. За сценой прекрасно был слышен весь этот гул по ту сторону кулис, Белецкий очень его любил - это всегда настраивало на нужный лад, напоминая, что там, в зале, сидят люди, которые

пришли в театр в надежде если не на чудо, то хотя бы на то, что получают искреннее удовольствие от показанной истории и от актёрской игры.

Сегодня они давали "Леди Макбет Мценского уезда". Кетеван - в роли Катерины Львовны Измайловой, Белецкий - приказчик Сергей; как раз перед антрактом ими была отыграна совместная сцена убийства Катериного мужа.

- Чего Тоха такой злой с утра? - спросил Белецкий между делом. - Рычит на всех, чуть ли не в глотки вгрызается.

Кетеван улыбнулась.

- Нервничает перед вступлением в новую должность, что непонятного...

Антон Крапивин на днях должен был стать художественным руководителем театра, и в воздухе явственно ощущался дух скорых перемен.

- Да ладно, чего там нервничать, справится. Но я думаю, это он из-за тебя психует.

- В смысле? - она удивлённо подняла брови.

- Замуж когда за него пойдёшь, в конце концов? - добродушно пожурил её Белецкий. - Ну сколько можно мужика терзать. Он извёлся весь.

- Зачем обязательно "замуж"? Нам и так хорошо.

- Тебе, может быть, и хорошо. А он хочет всё по-настоящему. Ты же любишь его?

- Да...

- Тогда в чём проблема?

- Я боюсь, Сандро, - призналась она, помедлив.

- Ну, то, что ты первостатейная трусиха, мне давно известно, - он многозначительно улыбнулся. - Я помню, как кто-то тут год назад беспомощно лепетал, что на сцену никогда в жизни не выйдет, что всё-всё забыл и ничего не умеет... Не подскажешь, кто?

Кетеван смутилась и отвела глаза.

- Одного не пойму - чего именно ты боишься?

- Боюсь, что после свадьбы всё изменится. Сейчас у нас всё так хорошо, он обо мне заботится, пылинки сдувает... а когда мы узаконим отношения и он поймёт, что я от него никуда не денусь, то... - она не закончила фразу.

- Ясно. Дурочка ты, Кети, - вздохнул он. - Так и не научилась за столько лет в людях разбираться... Антон тебя никогда не обидит. Ну, и сыну твоему тоже нужен нормальный папа, а не приходящий.

- Думаешь, он сможет стать для Мурада настоящим отцом? - Кетеван недоверчиво усмехнулась. - Чужого ребёнка сложно полюбить и принять, как своего.

- Да ерунда всё это. Уж поверь, я точно знаю...

В это время раздался звонок, и последние припозднившиеся зрители вошли в зал. Было слышно, как они рассаживаются, покашливают, торопливо дожёвывают что-то или быстро сворачивают свои телефонные беседы.

Погас свет. Это был сигнал к тому, что Белецкий и Кетеван должны выходить на сцену - в темноте, незамеченными зрителями.

Они вышли, встали на своих местах и замерли, ожидая начала спектакля. Однако вместо этого, всё в той же крошечной тьме, вдруг зазвучал голос Антона Крапивина, многократно усиленный динамиками:

- Уважаемые дамы и господа! Просим минуту вашего внимания.

- Что происходит? - шёпотом спросил Белецкий у Кетеван.

- Не знаю, - так же ошарашенно отозвалась она. Традиционное объявление с просьбой

отключить мобильные телефоны уже звучало перед самым началом спектакля, его никогда не повторяли после антракта.

- Рады сообщить, что у одного из актёров нашей труппы сегодня в жизни произошло очень важное и счастливое событие... Буквально только что заслуженный артист России Александр Белецкий стал отцом!

- Что?! - громко и радостно ахнула Кетеван. И в этот миг, наконец-то, вспыхнул яркий свет, а зал взорвался восторженными аплодисментами.

- Саня, прости, - выходя на сцену и широко улыбаясь, проговорил Антон, - не успел перехватить тебя за кулисами, буквально на минуточку опоздал... поэтому пришлось вот так, публично. Поздравляю с дочкой, папаша!!!

- Но... с чего ты это взял? Откуда знаешь? - ошеломлённо, всё ещё не веря, переспросил Белецкий. - Я постоянно проверял телефон в антракте, минут десять назад ещё ничего не было...

- Ну вот, а как только ты собрался на сцену - это и произошло! К счастью, твоя Галя - умная девочка, когда ты не ответил на её звонок, она тут же связалась со мной... Да расслабься, идиот! Это не шутка, всё реально! - Антон захохотал и легонько двинул его кулаком в плечо.

Белецкий растерянно и как-то беспомощно улыбнулся, шумно выдохнул, часто заморгал... и отвернулся от зала, не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями.

- Скоро во всех инстаграмах страны: Александр Белецкий рыдает, узнав о рождении дочери! - произнесла Кетеван, глядя на него с дружеской нежностью.

Публика устроила ему овацию. Люди уже не ждали окончания спектакля: они несли и несли цветы артисту, не требуя, чтобы он непременно обратил на них внимание - просто складывали свои букеты на сцену и с улыбкой возвращались на свои места.

- Повезло тебе, Саня, - сдохмил режиссёр, - на цветы Гале тратиться не придётся. Весь роддом можно усыпать!

А Белецкий всё не мог успокоиться, закрыв лицо ладонью и не оборачиваясь, стесняясь своей неожиданной реакции и всё-таки не в силах с ней совладать.

- Сандро, ну что ты... - подошедшая Кетеван обняла его за плечи. - Не плачь, не надо, счастье-то какое!

- Дамы и господа, - громко обратился Антон со сцены к зрительному залу, - пожалуйста, дайте артисту ещё немного времени, чтобы собраться и прийти в себя, он у нас тут слегка в шоке. Спасибо за понимание и терпение, - и тут же ткнул Белецкого между лопатками:

- Ну!.. Саня, соберись! Бегом давай, три минуты тебе даю на звонок жене!..

Зрители ждали.

Едва ли они могли в полной мере осознать и понять, что творится сейчас в душе заслуженного артиста, звезды театра и кино, кумира тысяч и тысяч людей. Они пришли на спектакль для того, чтобы прсто приятно провести вечер, развеяться и получить заряд положительных эмоций от культурной программы.

Зрители ждали.

Они не знали, не могли знать, какие драмы и трагедии разыгрываются порою не на подмостках - а в сердцах артистов, выступающих перед ними. Они не подозревали, что самые лучшие актёры получают лишь из тех, кто проживает свои роли через пот, кровь

и слёзы. Из тех, кто на собственной шкуре познаёт всю гамму человеческих страданий. Из тех, кто выходит на сцену даже с температурой, переломанными ногами, искалеченной душой и разбитым сердцем.

Зрители ждали.

Терпеливо ждали, пока там, где-то за кулисами, вели свою вечную непримиримую борьбу...

Её Величество Сцена - и Её Величество Жизнь.

КОНЕЦ

Июнь - август 2019